

Назначение в Иерусалим

Лидия Принс со слов ее мужа Дерекса Принса.

Посвящается Иерусалиму, городу великого Царя, с любовью

Содержание

Вступление

1 Тиква

2 Сорен

3 Встреча

4 Погребение

5 Слова д-ра Карлссона

6 Путешествие

7 Иерусалим

8 Моё место

9 Первое задание

10 Маханех Йехуда

11 Капитуляция

12 Осада

13 Сторож на стене

Эпилог: драма в трёх действиях

Примечания

Вступление

Это история трёх лет жизни удивительной женщины, которая также является моей женой. Это годы, которые перенесли её из жизни материального комфорта и профессиональной карьеры в жизнь, полную опасности, бедности и расставания со всем и всеми, кто был ей дорог. Будучи преподавателем высшего класса, она, одна и без гроша в кармане, уехала из своей родной Дании, полной чистоты и законности, в примитивную местность с жестокими нравами этой местностью был Иерусалим, в то время, когда начались открытые столкновения между Евреями и арабами, которые продолжают и по сей день.

Там Лидия перенесла голод и жажду, опасности уличных боёв и осад и там же она нашла то, что ищут все из нас, но так мало находят: радость, мир, полную безопасность—невзирая на внешние обстоятельства нашей жизни.

Духовные поиски Лидии опередили её собственное поколение, и она стала пионером харизматического движения, которое с тех пор считается самым положительным и обнадеживающим явлением наших дней. В виду всё возрастающего давления и напряжения, с которыми сталкиваемся все мы, её жизнеописание указывает путь к ответам, которые выдержат испытание двадцатым веком.

Это подтвердилось и в моём случае. Мы встретились с Лидией и поженились в Иерусалиме в конце второй мировой войны. Закончив Итон-колледж и Кембриджский университет, я стал преподавателем Королевского колледжа в Кембридже, чем и занимался шесть лет. Но когда я поднялся по ступеням серого каменного дома и познакомился с голубоглазой женщиной. Которую несколько Еврейских и арабских детей называли мамой, в моей жизни начался совершенно новый этап образования.

В том доме я познакомился со Святым Духом, не как одной из Личностей богословского учения, называемого Троицей, но как настоящей, потенциальной повседневной реальностью. Я был свидетелем того, как Лидия расставляла на столе тарелки, когда не было еды, зная, что когда мы сядем за стол. Бог даст пищу. Я видел, как она запрещала лихорадке и болезням в детях, и как болезни отступали.

И более всего, я видел, как Дух питал её, вёл её. поддерживал её, целый день, каждый день, благодаря страницам Библии. Раньше я изучал Писания на языке оригинала, анализировал исторические компоненты, размышлял над истолкованием. Лидия же слышала всё это сердцем «Я читаю Евангелие от Иоанна»—сказала она однажды, «как любовное письмо»

За тридцать лет брака, я научился от Лидии, что такая молитва, которая исходит из таких интимных отношений с Библией, это не субъективное явление, но сила в мире—самая могущественная сила Однажды наша дочь Джоанна сказала своему сыну Джонатану, что Лидия о чём-то молилась «Ну, если об этом молится бабушка, то всё в порядке» — прокомментировал Джонатан

Для меня самым удивительным во всём этом является то, что на протяжении первых тридцати пяти лет своей жизни Лидия, по своему собственному мнению и мнению всех других людей, совсем не была похожа на человека, с которым это может случиться Интеллектуалка, немного сноб, зажиточная молодая женщина, которая интересовалась новыми вещами, танцами и всеми удовольствиями культурного мира, в котором она родилась, она читала Библию только тогда, когда это требовалось по программе в педагогическом колледже

Тот путь, по которому этот агностик двадцатого века обнаружила реальность Бога, полон руководящих указаний для всех нас, полон практической помощи для всех тех, кто занимается такими поисками сегодня, и я с самого начала побуждал Лидию записать её историю.

Но Лидия всегда была слишком занята жизнью, чтобы описывать её Постепенно я понял, что если эту историю и предстоит кому-то рассказывать, то это придётся сделать мне. К тому времени я близко ознакомился со всеми местами и почти со всеми людьми, которые фигурируют в этих событиях; поэтому я смог воссоздать и сцену, действия и персонажи по первоисточнику

Это рассказ о Лидии Я старался, насколько это возможно человеку, войти в её мысли и переживания, передать события её собственными словами так, как она переживала их тогда— не стараясь нанести глянec на борения и слабости, но позволяя реальной женщине говорить за себя

Однако в этой книге есть ещё один герой—в некотором смысле настоящий главный герой—город Иерусалим В этих главах Лидия изображает Иерусалим таким, каким она увидела его в первое десятилетие после четырёх веков турецкого владычества, городом, который очень отличался от того, что знакомо сейчас туристам Затем в эпилоге в конце книги начинаю говорить я, пытаюсь приподнять завесу будущего и рисуя то, что ожидает Иерусалим - и всех нас. Потому что ключ к мировой истории лежит только в этом городе

То, о чём я пишу, может случиться и в 70-х. и в 80-х и в 90-х годах Писание не говорит, когда; оно только уверяет нас, что всё произойдёт именно так, как это предсказано в пророчестве Мы молимся, чтобы благодаря этой книге Лидия и я смогли поделиться с вами мыслями о грядущей судьбе этого города, и той любви, которую он внушает всем, кто серьёзно воспринимает побуждение Божие «молиться о мире Иерусалима»

ДЕРЕК ПРИНС

Примечание автора

При описании жизни Лидии упоминаются разные виды валют — датские кроны, фунты Великобритании, палестинские фунты, доллары США В большинстве случаев, для удобства читателя, суммы в других валютах выражены в соответствующем эквиваленте в долларах США на то время

Все цитаты приведены по Синодальному переводу Библии на русском языке.

Во избежание обид или недоразумений имена некоторых персонажей изменены

Тиква

На вечернем небосклоне угасли последние отблески заходящего солнца, и опустевшие улицы Иерусалима заполнила тьма Тишину нарушал только звук от соприкосновения моих туфель с мостовой По моим щекам бил влажный резкий ветер Я инстинктивно крепче сжала тот свёрток, который несла в руках

Наконец, вздохнув с облегчением, я свернула на каменную лестницу, которая вела к двери подвального этажа. Прижимая свёрток левой рукой, правой я нащупала в кармане своего пальто тяжёлый железный ключ и вытащила его ключ, издал скрежещущий звук, который эхом разнёсся по пустынному двору. Поспешно войдя внутрь, я снова вставила ключ с другой стороны, и тот же самый скрипящий звук подтвердил, что дверь надёжно заперта

Я наощупь добралась до кровати у противоположной стены и положила на неё свой свёрток. Возле кровати стояла деревянная тумбочка. Пошарив рукой по её поверхности, я нашла коробку со спичками и зажгла одну из них. Крошечное пламя осветило керосиновую лампу, которая стояла на тумбочке Я чиркнула ещё одной спичкой и зажгла лампу

Стало видно простую комнату с полом из каменных плит Стены тоже были каменные. На них ничего не было, за исключением цветного календаря, висевшего над кроватью. Кроме кровати и тумбочки, было только три других предметов мебели — стол и стул возле стены и плетёный

сундук под окном. На окнах была тяжелая металлическая решётка — немое свидетельство того страха, который побуждал всех жителей превращать свои дома в крепости

Я снова подошла к свёртку на кровати. Внутри грубой шали чёрного цвета лежала маленькая девочка, крошечное тело которой было частично закрыто грязной ситцевой рубашонкой. Кожа на её лице, похожая на нежный жёлтый пергамент, была сильно натянута на скулах и обжигала мои скулы огнём. Чёрные волосы, мокрые от пота, прилипли к вискам. Из глубоких впадин на меня взглянули два чёрных глаза и тут же закрылись.

Я расправила ещё одну складку шали и достала бутылочку, в которой было немного тепловатого молока. Вдруг из шали выпала скомканная бумажка и плавно упала на пол. Я осторожно вставила бутылку в рот ребёнка и стала ждать реакции. Поначалу казалось, что ей было тяжело предпринять физическое усилие и начать пить, но через некоторое время она начала медленно сосать из соски.

Я подобрала бумажку с пола и расправила её. На ней было три строчки со словами, тщательно написанными заглавными буквами: ТИКВА КОХЕН - РОДИЛАСЬ В ИЕРУСАЛИМЕ - 4-ОГО ДЕКАБРЯ 1927 ГОДА

Я автоматически посмотрела на висящий над кроватью календарь, была пятница. 28 декабря 1928 года. Верилось с трудом — ребёнку был уже один год! Если бы мне пришлось судить только по её размерам и весу, я бы сказала, что ей наполовину меньше.

Девочка продолжала сосать, а я осмотрела комнату. Мне нужно было защитить её от влажного воздуха и холодных камней. Что я могла использовать? Мой взгляд упал на плетёный сундук у окна. Это подойдёт! Но мне нужно было чем-то выстелить его. Я быстро открывала ящики тумбочки и вытаскивала всё своё нижнее бельё и другую мягкую одежду, которая была у меня. Я выстелила внутренность сундука этой одеждой, стараясь сделать это как можно мягче и уютнее. Крышку я откинула и прислонила к оконной решётке.

К этому времени ребёнок перестал сосать и, видимо, заснул. Я осторожно сняла с неё ситцевую рубашечку. Затем я сняла с себя синий шерстяной свитер, который был на мне, и завернула его два или три раза вокруг её тела. Когда я укладывала её в сундук, она немного похныкала, но скоро снова умолкла. Дышала она быстро и поверхностно, и периодически вздрагивала от лихорадки.

Где я могла найти помощь? Я представила себе тёмные и пустые улицы Иерусалима, преследуемые страхом и подозрением. Все двери были заперты, все окна закрыты. Не было телефона, чтобы вызвать скорую помощь или врача. Я была отрезана от мира в той пустой комнате с умирающим ребёнком на руках.

Мой взгляд упал на книгу, лежавшую у лампы на тумбочке. Библия, было ли в ней что-нибудь, подходящее для моей ситуации? Она была открыта на послании Иакова, начала читать, и меня заинтересовали два стиха, подчеркнутые зелёным карандашом:

Болен ли кто из вас? пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазавши его елеем во имя Господне,— И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь.

Иакова 5 14, 15

«Помазавши его елеем» Я медленно повторила эти слова самой себе. Елей (растительное масло) у меня был. Конечно, я не была «пресвитером». Но я была одна, без всякой другой помощи. Лучше уж было сделать то, что я могла сделать, чем не делать ничего!

Я открыла кладовую, где держала продукты, извлекла бутылку и подержала её на свету. Содержимое тускло мерцало, отсвечивая не то зелёным, не то золотистым цветом. Это было чистое оливковое масло с холмов Иудеи — тоже самое масло, которое на протяжении многих веков использовалось для святого помазания царей и пророков в Израиле.

Держа бутылку с маслом в левой руке, я склонилась на каменном полу возле плетёного сундука. Дыхание ребёнка становилось всё более затруднённым. Воздух вокруг нас стал каким-то странно влажным. Я вздрогнула от холода. Передо мной, лицом к лицу, было невидимое присутствие Смерти.

Пытаясь укрепить свою веру, я повторила вслух только что прочитанные слова из Библии: «Молитва веры исцелит болящего, восставит его Господь!» Слегка дрожащей рукой я вылила несколько капель масла на пальцы правой руки и поднесла их ко лбу ребёнка.

«Во имя Твоё, Господь Иисус!»— прошептала я «Она Твоя младшая сестричка—из Твоего собственного народа. Во имя Твоё, Господи, я прошу, чтобы Ты исцелил её!»

Через несколько мгновений я открыла глаза. Неужели это было моё воображение, или же лихорадочная дрожь стала менее интенсивной? Я положила руку на щеку ребёнка. Горячо!

Я закрыла глаза и снова стала молиться: «Господи, сюда меня привёл Ты сказал мне уехать из моей страны и приехать в Иерусалим Господи, пусть эти люди знают, что в Твоём имени есть сила, и что Ты таки слышишь молитвы и отвечаешь на них ..»

Время остановилось Стоя на коленях перед сундуком, я то молилась, то смотрела на ребёнка, а не изменилось ли её состояние к лучшему Казалось, что иногда её дыхание становилось легче, но её кожа всё ещё горела лихорадкой Время от времени я замечала, как её чёрные глаза, посаженные неестественно глубоко в глазницах, печально смотрели на меня

В конце концов мои колени заоченели от холодного пола Я встала и прошлась по комнате. Через пару часов, я решила, что проку от моего хождения больше нет. Даже если я не смогу заснуть, разумнее было бы защитить себя от сырости в комнате, забравшись в постель.

Прежде, чем погасить лампу, я поднесла её к ребёнку, чтобы посмотреть, а есть ли какие-то изменения. По крайней мере, на некоторое время её судороги прекратились. Как долго это крошечное создание выдержит? Наконец, я потушила лампу, забралась в постель и обмоталась одеялом по самую шею

Лёжа там в темноте, я начала мысленно представлять себе те странные события, которые привели меня в Иерусалим По памяти я могла представить себе карту Дании, которая висела на стене в классной комнате, где вплоть до последних шести месяцев я преподавала географию Подобно острию стрелы, мыс Ютландии выдавался на север по направлению к Скейгерраку С подветренной стороны Ютландии, на восток, приютились два острова—Фин и Съелланд. разделённые узкой полоской воды, называемой «Стор Баэльт»

На восточном берегу Стор Баэльта и на юго-восточном углу Съеланда, находился город Корсор. Мой ум быстро восстановил все подробности Как это было непохоже на Иерусалим! Улицы были чистыми и ярко освещёнными. На обеих сторонах стояли ряды аккуратных кирпичных домов с крышей из красной черепицы и белыми карнизами Я снова услышала пронзительные голоса детей, певших песню, которую все датские дети учат в школе.

В Дании я родился, И гаммой дом .

2 Сорен

Это было двумя годами раньше Косые лучи северного солнца отражались в оранжевой глубине окон классных комнат Я пожелала спокойной ночи уборщице, которой надо было закрыть железные ворота школьного двора, села на свой велосипед и поехала по знакомой дороге, вьющейся к центру Корсора

Пять или шесть минут быстрой езды на велосипеде—и я попала в западную часть города, всего лишь в нескольких сотнях метров от берега Стор Баэльта Я припарковала свой велосипед во дворе большого здания из красного кирпича и по лестнице поднялась в свою квартиру на втором этаже Дверь была открыта, и моя служанка Вальборг стояла в дверном проёме, вытирая руки о передник в красно-белую клетку

«Добро пожаловать домой!»- сказала она, помогая мне снять пальто на меховой подкладке.

В гостиной я с удовольствием окинула взглядом стол, готовый к ужину Хрустальная люстра мягко освещала блестящее серебро и накрахмаленную узорчатую скатерть Я на минуту зашла в спальню, а Вальборг зажгла свечи и поставила для меня тарелку с горячим супом

Пока я смаковала суп. Вальборг стояла возле своего стула. Проведя весь день сама в квартире, она была готова для общения.

«Вот и закончилась последняя неделя занятий в этом году»— сказала она. «а завтра танцевальный вечер для учителей.»

Я ответила: «Это напомнило мне вот о чём: завтра тебе не нужно готовить для меня ужин Г-н Вульф пригласил меня в ресторан перед танцами»

Вальборг явно заинтересовалась таким поворотом событий Она симпатизировала Сорену Вульфу — да и я тоже. Но....

«На рождество я поеду домой в Брондерслев»— сказала я, чтобы переменить тему разговора «Пока меня не будет, ты можешь здесь ничего не делать»

В конце еды я зажгла тонкую манильскую сигарку, которую Вальборг предусмотрительно положила возле моей кофейной чашки. Затем я взяла чашку и пошла с ней в гостиную Продолжая попыхивать своей сигарой, я устроилась в глубоком кресле, которое стояло в углу, и медленно осмотрела комнату У противоположной стены стояло хорошо отполированное пианино из орехового дерева, на котором блекло отражались жёлтые и бронзовые тени Уилтоновского ковра Обои на стене позади пианино были с оттенками оливкового цвета, и, напоминая ковёр, хорошо сочетались с парчовыми занавесями. С левой стороны от меня стоял высокий книжный шкаф, на полках которого чередовались книги и фигурки из Дрезденского фарфора и вазы с блюдами из немецкого хрусталя

Минуту или две я сознательно наслаждалась комфортом и элегантностью обстановки Я спросила себя, как часто делала это и раньше: «Разве есть кто-то более удачливый в жизни, чем я?» В возрасте тридцати шести лет я уже достигли той цели, которую я поставила перед собой как учитель. У меня уже были дипломы по таким стандартным предметам, как история, география, датский и английский языки. К тому же я стала одним из первых учителей в стране, который закончил аспирантский курс по домоводству, с упором на последних открытиях в области питания. В результате этого, меня назначили директором по домоводству в одной из новейших и самых оборудованных школ в Дании Педагогические власти использовали моё отделение как пример для введения подобных отделений в других школах по всей стране

За последние десять лет я преподавала в разных городах Дании, но больше всего меня устраивал Корсор. из-за своего прекрасного расположения на Стор Баэльте, а также по причине близости к Копенгагену. У меня была хорошая зарплата, и к тому же я два года назад получила приличное наследство после смерти отца

Сверх всего этого здесь был Сорен Вульф—учитель, который пригласил меня на следующий день в ресторан Мы с Сореном были близкими друзьями в педагогическом колледже, разделяя многочисленные общие интересы—танцы, катание на коньках. Моцарта, Киркегаарда После окончания, мы не видели друг друга почти десять лет, преподавая в разных школах Теперь же, как бы по мановению судьбы, мы снова оказались вместе в Корсоре За последний семестр я заметила, что отношение Сорена ко мне стало серьёзнее Я знала почти наверняка, что завтра вечером он сделает мне предложение Почему же меня пугал этот вопрос?

По своей природе, по образованию, по профессии, Сорен прежде всего был преподавателем Вся его жизнь была сосредоточена вокруг его работы Брак для него означал женитьбу для своей профессии Так как и я была преподавателем, сочетание было идеальным Конечно, если бы я хотела выйти замуж и иметь детей, то мне нельзя было ждать больше!

Но... во всём этом была какая-то бесповоротность, которая пугала меня Откуда у меня была эта внутренняя сдержанность? Чего нам ещё не хватало для полноты? Этот вопрос постоянно вертелся у меня в голове, но мне так и не удалось найти на него ответ. Да я и не знала, где искать этот ответ.

В шесть часов на следующий день я нанесла последние штрихи на свою причёску и немного задержалась перед зеркалом Мои длинные светлые волосы были заплетены в четыре косы и уложены именно так, как это нравилось Сорену Синее шёлковое платье, которое Вальборг погладила для меня, подчеркнуло синеву моих глаз. Синий цвет был любимым у Сорена, и у меня тоже У нас было так много общего....

Мои мечтания были прерваны громким стуком Быстро накинув на себя белую меховую шляпу, я открыла дверь Прекрасно подогнанный фрак подчёркивал атлетическую фигуру Сорена, а безукоризненно уложенные каштановые волосы приятно пахли

«Внизу ждёт такси»— сказал он, взяв меня за руки

В ресторане Сорен повёл меня к столику для двоих в дальнем углу «Я с нетерпением ожидал этого вечера две недели»— сказал он «Помнишь ли ты, что прошло ровно двенадцать лет с тех пор, как мы танцевали вместе!»

Подошёл официант, чтобы взять заказ, и наш разговор перешёл на события только что закончившегося семестра Сорен был жизнерадостен и любезен, как всегда, но я уловила напряжённую нотку в его голосе. Наконец, официант убрал, оставив перед нами только кофе и бренди.

Сорен сделал небольшой глоток кофе, затем посмотрел мне прямо в глаза «Лидия»— сказал он, «сегодня я пригласил тебя на обед по особому случаю — и я думаю, что ты догадываешься, что это за причина.» Он замолчал, и его зелёные глаза вопросительно смотрели на меня «Лидия, ты выйдешь за меня замуж?»

Я почувствовала, как мои щёки залил румянец, а сердце начало стучать так громко, что мне показалось, все в зале слышат это. Я ожидала этого момента, и тем не менее, ответа у меня не было. Я открыла рот, думая, что же сказать

«Благодарю тебя.» —услышала я свой собственный голос. «Это самый лучший из комплиментов, сказанных в мой адрес Но »

«Но что?»

«Сорен, сейчас я не свободна для этого »

«Есть кто-то другой?»

«Нет, не в этом дело. Я не знаю другого человека, которого я уважала бы больше тебя » Я пыталась объяснить, но не находила слов.

Наклонившись через стол, Сорен снова начал говорить. Его слова накатывались друг на друга. Он нарисовал картину нашего совместного будущего, те события и виды деятельности, которые мы могли бы делать вместе, так что наши карьеры сольются и будут дополнять друг друга. Наконец, он замолчал, ожидая моего ответа.

«Я знаю, что для тебя значит педагогическая карьера, Сорен. — начала я, «и по этой причине я очень польщена тем, что ты желаешь разделить своё будущее со мной. Но я боюсь, что всё может получиться совсем не так, как ты описываешь.»

«Почему нет. Лидия?»

«Видишь ли, Сорен, я совсем не уверена в будущем, так, как ты. Прежде, чем посвятить себя так, как ты этого просишь, я должна уладить ещё один вопрос.»

«Что же это такое?»

«Я знаю, что это может прозвучать глупо.» Я тщетно искала слова. «Но я не переставая спрашиваю себя: может быть жизнь — это больше, чем просто карьера и квартира, хорошая мебель, и пенсия в самом конце? Не знаю. Но когда мой отец умер два года назад, я не могла удержаться от вопроса: неужели это всё? — или же есть ещё что-то?»

«Имеешь ли ты в виду нечто религиозное?»

«Может быть, хотя мне не нравится слово религия.*

Бедный Сорен! Я видела, что он потрясён точно также, как и я. Он сделал несколько быстрых глотков кофе.

«Прости меня за такой глупый ответ» — сказала я. «Я похожа на человека, который пытается объяснить, как добраться туда, где он сам не был.»

Мы оба замолчали на некоторое время, пока я пыталась придумать, как бы разрядить напряжённость. Наконец, я протянула свою руку через стол и взяла его за руку. «Не возражаешь ли, если мы сейчас потанцуем, а я попытаюсь объяснить всё позже.»

Когда танцы закончились, Сорен провёл меня до квартиры, и я пригласила его на последнюю чашку кофе. Он первый вернулся к теме нашего разговора в ресторане.

«Лидия, если ты хочешь, чтобы я ходил вместе с тобой в церковь» — сказал он, «я это сделаю.»

«Нет, Сорен» — ответила я; «я бы не стала просить тебя об этом. Я была примерной лютеранкой всю свою жизнь, ноне нашла ответов на свои вопросы. Всякий раз я выходила из церкви более растерянной и подавленной, чем когда я входила в неё, поэтому я и отказалась от этого.»

«Ну, тогда» — сказал Сорен, «почему бы тебе не посетить Евангельскую Миссию возле порта? Я уверен, что наша дорогая библиотечка, мисс Сондерби, будет очень рада взять тебя с собой.»

Сразу же я представила себе Кристину Сондерби такой, какой я часто видела её по дороге в Миссию. Бесформенная чёрная шляпа нависала над полоской седых волос и толстыми очками в роговой оправе. Из бокового кармана её объёмной сумки из чёрной кожи выдавались Библия и песенник — оба чёрного цвета. От шляпы до высоко зашнурованных ботинок преобладающим цветом был чёрный «Спасение», представляемое Кристиной Сондерби. Было наверняка очень меланхолическим занятием — его преимущества, каковыми они ни были, принадлежали к будущей жизни. Нет, я искала не этого!

Несколько минут спустя Сорен собрался уходить. У двери он на мгновение обнял меня, затем развернулся и спустился по лестнице без слов.

После того, как он ушёл, я постаралась больше не думать о том, что произошло между нами, но слабый запах его помады для волос служил напоминанием, как он был реален и тёпл, когда держал меня в своих объятиях! В сравнении с этим, мои поиски «чего-то» неизвестного, что могло бы сделать мою жизнь более полной, казались неопределёнными и туманными.

В десять часов утра на следующий день я сидела в вагоне первого класса на поезде, отправлявшемся на север в город Брондерслев, где я родилась, и где всё ещё жила моя мать. Я не спала прошлую ночь, и моя голова раскалывалась. Путешествие заняло шесть часов, что было достаточно для размышлений — даже предостаточно. Я всё время возвращалась к своему разговору с Сореном накануне. Я всё ещё не понимала своё собственное поведение.

Голос изнутри упрекал меня: «Ты упустила свой шанс на счастье! Ты бы могла иметь мужа и дом, и безопасность. А теперь ты всё это упустила!»

Я перевела свой взгляд на окно, пытаюсь сосредоточиться на пейзаже за окном, но голос продолжал: «А что у тебя есть вместо брака? Ничего! Ты просто станешь типичной старой девой, как мисс Сондерби!»

Снова и снова я раздумывала над своим разговором с Сореном. По мере того, как я вспоминая всё, что сказала ему, упрекающий голос внутри меня спросил: «Почему ты так сказала? Ты же не имеешь этого в виду Ты даже не знала, что говорила »

Спустя некоторое время ритмический стук колёс подхватил этот припев: «Почему ты это сказала? Почему ты это сказала? Почему ты это сказала?»

Я зажгла сигару и сделала несколько быстрых затяжек, но это не принесло облегчения, в котором я нуждалась Я встала и начала ходить по коридору поезда. Но колёса непрерывно преследовали мен я. Почему ты это сказала?

Очень большим усилием воли мне удалось переключится с Сорена на семейную встречу, которая ожидала меня в Брондерслева Мой отец был преуспевающим архитектором и сыграл важную роль в городском строительстве. После его смерти два года назад, мама переехала в более просторное здание, известное как «замок», которое мой отец построил в центре города, всего лишь в нескольких стах метров от железнодорожного вокзала. Там мама занимала квартиру с четырьмя спальнями на втором этаже.

Собираться дома на рождество было нашей семейной традицией.

Моя старшая сестра Кезия должна была приехать со своим мужем Кнудом и четырьмя детьми с острова Фин Моя вторая сестра Ингрид была замужем за офицером в датской армии, и у них было большое поместье в восьмидесяти километрах от Брондслева Детей у них не было. Я была самой младшей в семье и до сих пор незамужем.

Приехав в Брондерслев. я сразу же заметила на платформе высокую стройную фигуру с накрахмаленной белой наколкой на волосах. Это была мамина служанка Анна «Добро пожаловать домой, мисс Лидия!»— сказала она, забирая у меня мой чемодан «Ваша мама считала часы, оставшиеся до вашего приезда » Делая большие шаги. Анна направилась через главную площадь в «замок »

Мама ждала меня в прихожей «Добро пожаловать домой, моя девочка!»— сказала она, обнимая меня. Для неё я всегда была маленькой девочкой — хотя мне было уже за тридцать

С тех пор, как умер отец, мама всегда носила вдовью одежду чёрного цвета, но её длинное шёлковое платье, облегчённое белым шёлковым воротничком и манжетами, не было лишено элегантности Её светлые волосы приобрели пепельный оттенок, что прибавляло ей достоинства

Мама и я обедали вдвоём Ей всегда было интересно услышать о моей работе в школе, и она гордилась всяким повышением, которое я получала Скоро прибыли и мои сестры со своими семьями. Как всегда, первым делом они спрашивали: «Сделал ли тебе кто-то предложение'» Но я почему-то промолчала о Сорене

Следующий день был сочельником — временем главных Рождественских событий После обеда мы пошли на короткое служение в церкви Мама была «доброй лютеранкой», и два раза в год она посещала церковь—накануне Рождества и на Пасху

По дороге в церковь мама начала рассказывать о новом пасторе «Он такой чудесный человек»— сказала она «Все его любят »

«Ты имеешь в виду, что он читает хорошие короткие проповеди!»

«Ну, да, это правда Мне никогда не нравились длинные проповеди. Кроме того, он играет в вист Он приходит навестить меня каждый вторник, и мы играем партию в карты »

В тот день пастор оправдал свою репутацию Служение началось в 3 часа дня, а без четверти четыре мы снова оказались на улице. С чувством исполненного долга, мы вернулись домой. Там нас ожидала действительно серьёзная часть Рождественских праздников — ёлка, подарки, изобилие вкусной еды и напитков.

В шесть часов мы все уселись за длинный обеденный стол в столовой Воспоминания моего раннего детства переплетались с этими Рождественскими традициями На минуту я вспомнила отца, как он сидел во главе стола, в жилетке с тяжёлой золотой цепью, на которой отражалось сияние Рождественских огней Теперь его место за столом занимал старший зять. Кнуд

Каждая часть наших празднеств проходила по строго установленному порядку Когда все усаживались за стол. Анна, в синем форменном платье, которое она сберегала для особых событий, открывала двойные двери, которые вели в гостиную Там в центре на полу стояла Рождественская ёлка Зажжённые свечи на каждой ветке освещали кучу роскошных подарков, сложенных у подножия ёлки. На ветках были развешены маленькие бумажные корзинки, в которых были конфеты, шоколадки и марципаны. У детей захватывало дух от удивления, когда они осматривали каждую деталь сцены.

Затем Анна зажигала длинные красные свечи в центре 'стола. Потом она уходила на кухню, выключая по дороге электричество. Пока мы ожидали возвращения Анны, мои глаза

оглядывали весь стол. Кроме пустого пространства перед Кнудом. каждый сантиметр стола был занят всевозможными яствами. В дополнение к традиционному отварному картофелю, было два блюда с особым «карамельным» картофелем, три соусника, два блюда с красным смородиновым желе, два блюда с красной капустой, ряд марципановых поросят, разные соленья. В центре было серебряное блюдо, на котором высились яблоки, апельсины, орехи, зелёный и чёрный виноград

Через несколько минут Анна возвращалась, неся большой овальный поднос из знаменитого Королевского фарфора, который она ставила перед Кнудом. На нём был огромный зажаренный гусь, ноги которого были украшены бумажными рюшами, а в груди торчали три маленьких бело-красных датских флага. Когда Кнуд начинал резать гуся, муж Ингрид открывал бутылку Бургундского вина. Десерт состоял из традиционной «рисовой каши». Где-то в ней был миндальный орешек. Тот, кому попадалась порция с этим орешком, получал дополнительный подарок, который заметно выделялся сверху всех остальных подарков. Все усердно просмотрели свою порцию, и наконец Ингрид подняла орех. Посреди разочарованных вздохов детей

Когда огромный ужин заканчивался, мы все переходили в гостиную. Муж Ингрид занимал своё место за пианино, а мы все становились вокруг ёлки, взявшись за руки. Затем мы начинали петь традиционные датские Рождественские песни, кружа вокруг дерева в танцевальном ритме и кланяясь дереву в конце каждого куплета.

Среди всех знакомых песен была одна, которая всегда трогала меня больше остальных.

Мой Спаситель и Мой Заместитель, пусть все Тебя приветствуют!

Ты получил терновый венец от мира, Но, Господи. Ты видишь, что я хочу —

Венок из роз вокруг Твоего креста — Помоги мне найти благодать и мужество для этого!

Когда мы начали петь эту песню, мои глаза вдруг наполнились слезами. Я быстро склонила голову, чтобы этого не было заметно. Что со мной случилось? Вдруг я увидела, как сижу в ресторане, с Сореном напротив меня, пытаюсь объяснить свои поиски «чего-то» неизвестного, что могло бы придать цельность нашей жизни. Когда я снова подняла глаза, люди в гостиной показались странно далёкими. Это были самые близкие и дорогие мне люди, но тем не менее я стала далёким зрителем, наблюдая за событиями, которые потеряли для меня всякий смысл.

Как только пение закончилось, все взрослые начали курить. Мужчины зажгли сигары нормального размера, в то время, как мама, мои сестры и я взяли сигарки. Настоящая леди не могла позволить себе курить простые сигареты!

Кульминационным моментом вечера было открывание подарков. Старшему мальчику Кезии поручили брать подарки из-под ёлки и читать имена. Каждый подарок нужно было открыть и передать для осмотра, прежде чем прочитывалось следующее имя. Так как подарков было пятьдесят или шестьдесят, то последний подарок был открыт около полуночи, когда два самых маленьких ребёнка крепко спали на полу.

На следующий день после обеда я оказалась наедине с мамой в гостиной. Она сидела в своём любимом кресле-качалке и вязала свитер для одного из детей Кезии.

«Скажи мне, Лидия» — сказала она, «когда ты выйдешь замуж и остепенишься?» Кресло качалось в унисон со спицами в её руках. «Ты же знаешь, что я не становлюсь моложе, и мне хотелось видеть, как ты устроишься с мужем и в своём собственном доме.»

«У меня есть свой собственный дом, мама — очень красивый, что касается замужества, то сначала мне нужно кое-что в чём разобраться.»

«Что же это такое?» — спросила она, совсем, как Сорен.

«Я не знаю. Но это каким-то образом связано, как кажется, с Богом.» Удивительно, как трудно было сказать это слово! «Я сама хочу убедиться, что Бог реален — если в жизни есть ещё какая-то цель, помимо карьеры и зарплаты.»

«Именно так заговорил твой отец в последний год или два!» — воскликнула мама. «Он даже начал посещать какие-то собрания на ферме за городом.»

«На ферме?» Трудно было представить себе отца, в его сюртуке, жилетке и брюках в тонкую полоску — сидящим в гостиной фермы.

«Да. Эти люди совсем не были похожи на тех, с кем он общался раньше. В конце концов я послала им немного денег. Я не хотела, чтобы твой отец ходил и пил у них кофе просто так!»

«Что отец ещё говорил?»

«Ну, я помню, как однажды он сказал, что за деньги не купишь мира в сердце.... Это было за несколько недель до его сердечного приступа. Ты же знаешь, как неожиданно он умер.»

Всё вдруг вспомнилось — телеграмма, мучительная поездка на поезде, а потом комната, где лежало его тело Я вспомнила первый сильный шок горя, и как постепенно это чувство сменилось таким ощущением мира, как будто рядом со мной был живой человек Я также вспомнила выражение на лице отца, когда он там лежал — такое спокойное выражение, какого я никогда не видела у него при жизни Конечно, он что-то нашёл в последние дни своей жизни. Но что?

«Что же тебе ещё нужно в жизни. Лидия, сверх того, что у тебя уже есть?» Голос матери прервал мои воспоминания «Ты так преуспела в своей карьере, и я знаю, что все в школе очень высокого о тебе мнения Я уверена, что тебе не хватает именно дома и детей »

«Может быть. мама, но...» Как я могла описать то внутреннее беспокойство, которое я не могла отрицать, но вместе с тем и не могла объяснить? Наконец, меня прорвало: «Если в жизни есть что-то особенное—такое, что не сможет сделать никакая другая женщина—то именно это я бы и хотела сделать!»

На лице матери появилось то же самое растерянное выражение, какое я видела у Сорена несколько дней тому назад. Казалось, что труднее всего мне было объясняться с теми, кого я любила больше всего. Было ли это глупостью с моей стороны — искать то, что я не могла объяснить словами — даже самой себе?

3 Встреча

Я вернулась в Корсор в понедельник 3-го января, 1927 года. Занятия в школе начинались через неделю Я сказала Вальборг, чтобы она не приходила до субботы, Следующие несколько дней я хотела провести сама с собой

На следующее утро я пошла на прогулку вдоль берега Стор Баэльта Холодный буйный ветер хлестал мне в лицо, но я плотнее обернула горло шарфом, наклонила голову вперёд и пошла против ветра. Идя, таким образом, против стихии, я обрела решительность Что бы ни предстояло мне, возвращаться я не собиралась, пока не найду ответа на свой вопрос

Когда я вернулась в свою квартиру на ланч, мне совсем не хотелось есть. Я заварила чашку крепкого кофе и зажгла сигарку, Затем я пошла в гостиную и посмотрела на полки с книгами на противоположной стене Я прочитала имена авторов: Киркегаард, Онслегер, Ибсен, Шекспир. Диккенс. Толстой. Платон Я читала их, цитировала, рассказывала о них — но у них не было ответа для меня. В самом правом углу на верхней полке мой взгляд упал на простую книгу в чёрном переплёте

В педагогическом колледже Библия была элементом обязательного курса по религии и истории церкви Я читала её ровно настолько, чтобы сдать экзамены, но никогда не заходила дальше этого. Могло ли в Библии быть что-то такое, чего я не могла найти в других книгах, которые я изучала с таким усердием? Я поколебалась немного, затем достала её с полки усевшись в своё любимое кресло, я подержала некоторое время Библию, не открывая ее, раздумывая, откуда начать Логично казалось начать с Нового Завета Я нашла первую главу от Матфея, быстро просмотрела генеалогию Христа и прочитала описание Его рождения и детства Простота повествования Матфея резко контрастировала с изысканными Рождественскими празднованиями, в которых я недавно принимала участие.

Я прочитала описание крещения Христа, искушения и первые примеры Его публичного служения Конечно, в этой книге была несравнимая этическая красота, которой не было ни в какой другой из прочитанных мною книг, но я не могла понять, как это относилось к моей ситуации сейчас. Когда я дошла до Нагорной Проповеди, с её Блаженствами в начале, я стала читать медленнее, останавливаясь на каждом Блаженстве, спрашивая себя, а какое это могло бы иметь отношение ко мне

Вдруг, когда я читала четвёртое Блаженство, у меня вдруг захватило дыхание; «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (От Матфея 5:6) Алчущие и жаждущие Может быть, именно это было то, что я испытывала, то, что я не могла выразить словами? Осмелюсь ли я приложить эти слова к самой себе?

Я остановилась и на стихе 10-ом: «Блаженны изгнанные за правду» Это не имело смысла. Почему это кого-то будут гнать за поиски правды?

Когда я медленно читала главы 5 и 6. то это было похоже на блуждание по лесу. Из-за нависающих ветвей почти не было видно тропы - но то тут, то там прорывался луч света, который ободрял меня. Затем, когда я добралась до 7-ой главы, это было, как если бы я пришла к просеке, где на меня стали изливаться прямые лучи солнца:

Просите, и дано будет вам: ищите, и найдёте, стучите, и отворят вам. ибо всякий просящий получает
От Матфея 7:7, 8

Просите ищите стучите Конечно, это было мне под силу Я продолжала читать, и снова свет стал ярче и чище:

Входите тесными вратами .потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их

От Матфея 7 !3, 14

Где-то впереди на пути, по которому я шла, были врата За ними был путь, который вёл к миру и исполнению. Прежде, чем попасть на этот путь, мне надо было найти и войти через ворота

Я посмотрела на часы, висевшие на стене над пианино. Было почти четыре часа дня! С тех пор, как я начала читать, прошло почти три часа. За окном темнело. Я включила свет и задёрнула тяжёлые парчовые занавеси на окне Я хотела остаться наедине со своими мыслями Я начала ходить по комнате, рассуждая о прочитанных словах Просите... ищите., стучите Конечно, я искала—не один месяц. Но просила ли я? Кого мне надо было просить? Подразумевал ли Христос молитву?

В детстве меня учили проговаривать Отче наш каждый вечер перед сном. К двенадцати годам это стало монотонной рутинной. Фактически, я вспомнила, как однажды вечером я помолилась Отче наш десять раз подряд, чтобы избавиться от молитвенного груза в течение следующих девяти дней. Кроме этого, я участвовала в обычных общих молитвах и ответах в те дни, когда я посещала церковь. Но мысль об индивидуальной и непосредственной молитве к богу, молитвы словами, которых не было в молитвеннике, эта мысль была непривычна и пугала меня. И тем не менее, я не могла уйти от слов Христа: «Просите, и получите....» Если Христос требовал, чтобы я просила, то как же я могла ожидать ответа без просьбы?

Я остановилась перед креслом, на котором раньше сидела Стать ли мне на колени? Некоторое время я колебалась Затем я преклонила колени и склонилась над сидением, упираясь локтями о мягкую бархатную обивку Я начала про себя: «О Боже ...» Но что-то было не так

Нужно ли было молиться вслух? Мысль о том, что я услышу свой собственный голос, испугала меня «О Боже....» Я сказала это вслух. Звук голоса в пустой комнате был дребезжащим Я снова сказала это: «О Боже «Затем в третий раз «О Боже — я не понимаю — я не понимаю — Кто такой Бог. Кто такой Иисус. Кто такой Святой Дух но если Ты покажешь мне, что Иисус реален, я последую за Ним!»

И в комнате, знакомой мне, со звуком часов, отдающемся в моих ушах, произошло что-то такое, к чему меня не подготовили ни моё происхождение, ни моё образование Мой ум совершенно отказывался принимать то, что видели мои глаза. Теперь я смотрела не на спинку стула. Вместо него надо мной стояла Личность Ноги этой Личности были закрыты длинным белым одеянием. Я медленно подняла свой взгляд. Над своей головой я увидела две распротёртые руки, как бы благословляющие Я подняла свой взгляд ещё выше и увидела лицо Того. Кто возвышался надо мной. Всё моё тело начало дрожать Непроизвольно мой губы произнесли: «Иисус!» Но Он исчез до того, как я это сказала.

Я снова оказалась перед креслом Я увидела две вмятины от своих локтей на зелёном бархате сидения. Действительно ли минуту назад надо мной Кто-то стоял? Или же я стала жертвой быстрой и невероятной галлюцинации!

Я подняла голову и медленно осмотрела комнату. Внешне ничего не изменилось. Тем не менее, в комнате было нечто такое, чего не было минуту назад Я вспомнила то мгновение, когда я вошла в комнату, где лежало тело отца. Сейчас я чувствовала вокруг себя точно такое же присутствие. Комната была буквально заполнена им Оно было не только вокруг меня, но и внутри меня — глубокий, безмятежный, переполняющий мир

Я вдруг поняла, что Бог на самом деле ответил на мою молитву! Он сделал именно то, о чём я Его попросила. Он показал мне Иисуса Я видела Его одежду и Его протянутые руки. В течение одной невыразимой минуты я смотрела в Его лицо Я поняла одно — Христос жив — вечно, в полноте и блеске славы! Вся сумма человеческого знания побледнела до незначительности по сравнению с этим одним единственным фактом

Вдруг молитва перестала быть усилием. Я не смогла удерживаться от благодарности. «О. благодарю Тебя!»— плакала я «Благодарю Тебя!»

Мою душу переполнила радость Её нельзя было ни сдержать, ни выразить Я поднялась на ноги и начала ходить туда-сюда. Каждые несколько минут меня переполняло свежее осознание того, что случилось. «Благодарю Тебя!» — вырывалось у меня снова и снова

Я села за пианино, пытаюсь как-то выразить свои чувства, Я вспомнила тот гимн, который вызвал мои слезы накануне Рождества Я наиграла мелодию на пианино. Затем я начала напевать слова вслух в своём собственном сопровождении:

Мой Спаситель и Мой Заместитель, Пусть все Тебя приветствуют! Ты получил терновый венец от мира - Но, Господи. Ты видишь, что я хочу — Венок из роз вокруг Твоего креста — Помоги мне найти благодать и мужество для этого!

Я пропела эти слова снова и снова. С каждым разом мой голос звучал всё сильнее и яснее. Из моих губ текла река мира в те слова, которые я пела

Я потеряла счёт времени Я то молилась, преклонившись у кресла, то садилась за пианино и пела. Когда я снова посмотрела на часы, то было 10 часов вечера. Шесть часов пролетели как шесть минут

В конце концов я разделась и приготовилась ко сну. Выключив свет, я спокойно лежала в постели, всё ещё повторяя слова благодарности: «О Боже, благодарю Тебя! Благодарю Тебя!» Примерно около полуночи я погрузилась в безмятежный сон

На следующий день рано утром я тепло оделась и пошла на длинную прогулку вдоль Стор Баэльта «Как странно!»— сказала я самой себе. «Всё выглядит таким свежим и чистым. Почему я не видела этого вчера?» За одну ночь самые знакомые мне предметы приобрели новую красоту Белые пики пены, высвеченные то там, то здесь тонкими струями солнечного света — морские чайки, кружащие над головой с пронзительными криками — щетинистая трава на песчаных дюнах, склонявшаяся от резкого ветра— всё свидетельствовало о гениальности их Творца

Вернувшись в квартиру, я возобновила чтение Евангелия от Матфея с того места, где я остановилась накануне вечером Разница была ещё более поразительной, чем на берегу Стор Баэльта Я больше не пыталась пробраться через лес по затемнённой тропе Я попала в полный и ясный солнечный свет. Я буквально чувствовала себя участником разворачивавшихся передо мной событий. Через всё это вырисовывалась Личность Самого Иисуса—теперь не просто историческая фигура, но живая и настоящая Личность

В полдень я наскоро перекусила, затем отодвинула от себя тарелки и положила на стол Библию. Рядом с ней я поставила чашку кофе и только что зажжённую сигарку. Некоторое время спустя я заметила, что дым от сигарки витал над открытыми страницами Библии Я спросила себя, а правильно ли это, что между мной и Библией был дым? Этот дым казался завесой, закрывающей от меня образ Христа

Я подумала о том, какую роль в моей жизни играло курение Я начала курить с тех пор, как поступила в колледж. Каждое утро Вальборг будила меня с чашкой кофе и сигаркой. Никакая еда не казалась полноценной без этой комбинации. В моменты напряжения или стресса у меня была та же самая реакция — взять и покурить. Несколько раз я даже заставляла Вальборг прекращать всё, чем она занималась, и покупать мне сигары, когда они заканчивались, упрекая её за непредусмотрительность.

Я посмотрела на сигарку, лежавшую в пепельнице передо мной. Разыгралось ли моё воображение? Или же какая-то зловещая сила удерживала меня в рабстве? Я почувствовала себя, как птичка, зачарованная взглядом змеи Я знала одно — никаким усилием воли я не могла отказаться от пристрастия к сигарам

Неожиданно мои губы произнесли: «Боже. Ты знаешь, что я никогда не смогу отказаться от этой привычки. Но если Ты хочешь, чтобы этого не было в моей жизни, я хочу расстаться с ней!»

Где-то под диафрагмой у меня появилось чувство облегчения, как будто развязался узел. Это освобождение выразилось в глубоком, длинном вздохе, который соскользнул с моих губ. Несколько мгновений я сидела вялая, лишённая силы. Затем я взяла всё ещё дымящуюся сигарку и затушила её о пепельницу, пока она не разломалась и не рассыпалась в моих руках

Когда в моих ногах вновь появилась сила, я взяла пепельницу и отнесла её на кухню, где выбросила её содержимое в мусор. На кухонном столе я заметила не начатую пачку сигарок и выбросила их в мусор. Затем я пошла в спальню, вынула ещё одну пачку из своей сумки и точно таким же образом избавилась от неё. Наконец, я вернулась в столовую и возобновила изучение Библии

Только в конце дня я поняла, что произошло чудо. Прошло целых десять часов, а я так и не прикоснулась к сигарете! Я даже в мыслях не думала о них. И всё это притом что я придавала им огромное значение в своей жизни. А теперь они как бы перестали существовать для меня.

В течение следующих дней Курсор хлестала буря. Но бушующая стихия снаружи только усиливала контраст мира, который наполнял мою квартиру Большую часть времени я

проводила за чтением Библии. К вечеру пятницы я добралась до Евангелия от Иоанна. Первые стихи первой главы обратили на себя моё внимание так, как это не удавалось никаким другим словам. Я читала их снова и снова:

В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. В Нём была жизнь, и жизнь была свет человеков И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины, и мы видели славу Его. славу как единородного от Отца.

От Иоанна 11:1.4. 14

Сочетание величия и простоты этих стихов превосходило любое другое произведение литературы, которое я когда-либо изучала

Когда я уставала от чтения, я садилась за пианино и наигрывала и пела те гимны, которые я выучила в церкви, будучи ребёнком. Слова и мелодии, которые я не слышала годами, вдруг всплывали в памяти

Время от времени, диковинность всего этого поражала меня, и я спрашивала сама себя: «Придумываю ли всё это? Или же это на самом деле происходит со мной?» И каждый раз я отвечала на свой собственный вопрос двумя фактами, настолько явными, что я не могла отрицать их. Во-первых, постоянный мир, который наполнял моё внутреннее естество и пронизывал всё квартиру. Во-вторых, чудесное освобождение от курения Я знала, что, вне всякого сомнения, это не было результатом ни моих собственных усилий, ни игрой моего воображения

В субботу. Вальборг принесла мне в спальню мою утреннюю чашку кофе.

«Доброе утро, мисс»— сказала она «Вот ваш кофе Я везде искала ваши сигарки, но нигде не могла найти их.»

«Я их все выбросила»— ответила я «Я бросила курить »

«Вы бросили курить? Почему? Вы болели?»

«Я никогда не чувствовала себя так хорошо! Но, видишь ли, сигары мне больше не нужны. Со мной что-то случилось ...» Неуверенно я начала подбирать нужные слова Я попыталась описать, что произошло за последние четыре дня

В конце Вальборг помолчала некоторое время. Затем она сказала «Я не думала, что такие вещи могут случаться с людьми и сегодня. И всё-таки я знаю, что это так и есть » Теперь и она засмущалась «Видите ли, как только я открыла дверь в квартиру сегодня утром, я знала, что то изменилось. Было что-то такое, чего не было раньше »

«Вальборг. это не что-то, а Кто-то. Это Иисус! Он на самом деле жив — прямо здесь и сейчас.»

Первые дни нового семестра прошли без особых событий Я видела Сорена каждый день, когда все учителя собирались в общей комнате на чашечку кофе в перерыве, но мы только обменивались вежливыми фразами. Затем, во время окна в пятницу после обеда, я читала журнал в учительской библиотеке, когда за моей спиной раздался голос Сорена «Прерываю ли я поиски истины? Или я могу присесть и поговорить?»

«Я сама хотела поделиться с тобой кое-чем »

«Это очень интересно!»— Сорен сел напротив меня.

Моё сердце начало биться учащённее Я знала, что объяснить Сорену будет труднее, чем Вальборг «Прежде всего, Сорен, я хочу сказать, что хочу извиниться за то, что так глупо ответила тебе в тот вечер. Боюсь, что ты подумал, что я не оценила сказанных тобой слов »

«Тебе не нужно извиняться, Лидия если этот другой вопрос так важен для тебя, то ты должна найти ответ »

«Вот что я хотела рассказать тебе — понимаешь, мне кажется, я начала находить этот ответ »

«Да? Каким же образом?»

Я чувствовала на себе взгляд зелёных глаз Сорена. «На прошлой неделе я провела четыре дня в своей квартире, сама, читая Библию, и молясь и Бог ответил, на мои молитвы, Сорен! Он показал мне, что Иисус жив!»

«Я не понимаю »

«Иисус стоял прямо передо мной. Сорен. Я видела над собой Его протянутые руки. Это длилось всего лишь мгновение, но это изменило всё »

Сорен молча смотрел на меня некоторое время наконец, он нарушил молчание «Лидия, мы не дети, ни ты, ни я, и мы знаем друг Друга достаточно долго, чтобы быть откровенными Я вижу, что с тобой что-то случилось, но я не совсем уверен, что это помогло тебе. Не кажется ли тебе, что есть опасность впасть в излишний субъективизм?»

«Но. Сорен. это было не субъективно! Это не было игрой моего воображения Я на самом деле видела перед собой Иисуса.»

«Лидия, я не хочу сказать, чтобы ты отказалась от этого мнения, но я думаю, что тебе нужно иметь правильную перспективу. Как ты сама призналась, ты была более или менее отрезана от мира, и что ты долго читала Библию я уверен, что любой психиатр смог бы разумно объяснить всё, что произошло с тобой—без таких сильных эмоциональных оттенков »

Я была совершенно не готова к ответу Сорена. Его слова были похожи на сильные порывы ветра, грозившие угасить маленькую свечу веры, которая трепетала в моём сердце

«Но. Сорен. ты не понимаешь! Если бы я только могла объяснить тебе, как чудесно иметь настоящий мир после всех этих месяцев борений и поисков »

«Но вот, ты снова за своё. Лидия! Ты опираешься на свои чувства Но чувства могут измениться Через месяц или два ты. возможно, увидишь всё по-другому.»

Мои мучения закончились, когда прозвенел звонок, и нам пришлось расстаться. Когда в тот вечер я ехала со школы домой на велосипеде, я была в полном замешательстве Я с таким нетерпением ожидала того момента, когда смогу поделиться с Сореном своей новообретённой верой, но потерпела полное фиаско. Вместо того чтобы поверить моему переживанию. Сорен почти заставил меня усомниться в нём самой Конечно, мне нужна была некая сила или мудрость, больше, чем мои собственные, если я хотела защитить свою маленькую свечу

Припарковываясь под лестницей, я обратила внимание на кусок бумаги с напечатанным текстом, застрявший в спицах заднего колеса Я вытащила его, намереваясь бросить в мусорное ведро на кухне, но в прихожей я заметила, что текст был на английском, и это возбудило моё любопытство

Тот кусок бумаги, который я держала в руке, первоначально был буклетом из четырёх страниц, но первой страницы с началом не хватало. В конце стояло имя — Эми Семпл Макферсон я поняла, что темой буклета была сила молитвы. Автор рассказывала, как она попросила Бога дать ей то, что она назвала «духом молитвы» и описала последовавшие за этим результаты в своей жизни Меня настолько поразила та часть текста, которая сохранилась, что я прочитала её полностью прямо в прихожей, даже не сняв верхней одежды. Наконец, я заметила рядом с собой Вальборг. которая ждала, чтобы помочь мне раздеться

Когда обед закончился, и Вальборг пожелала мне спокойной ночи, я снова взялась за буклет. Там была одна мысль, которая упорно застряла в моём мозгу Автор рассказывала, что однажды она провела в молитве целых сорок часов подряд Моим первым побуждением было отказаться от этой мысли как абсурда но тем не менее, если такое возможно, то значит есть такое измерение молитвы, о котором я даже не мечтала—не говоря о том, чтобы побывать в нём Что такое «дух молитвы»?

Наконец, я упала перед зелёным бархатным креслом, которое стало моим излюбленным местом для молитвы «Господи, мне нужна точно такая же сила, как у этой женщины» — сказала я «Я прошу Тебя, чтобы Ты дал мне точно такой же дух молитвы, как Ты дал ей » Я ожидала какого-то немедленного, драматического ответа, но ничего не случилось «Вот что получается, если просишь то, чего сама не понимаешь» — упрекнула я сама себя.

Однако несколько дней спустя я осознала, что мой образ жизни изменился. У меня появился голод к молитве, точно такой, какой может быть к пище Отказываясь принимать участие от игр в карты и катания на коньках, которыми я раньше занималась очень активно, я так планировала каждый день, чтобы достичь одной - единственной цели — провести как можно больше времени в непрерывной молитве Я сказала Вальборг готовить самую простую еду на вечер, и с внутренним нетерпением ожидала, пока она выполнит все свои обязанности и уйдёт

Однажды оставшись одна, я заняла своё привычное место перед зелёным креслом. Почти всегда, как только я хотела начать молиться, меня что-то отвлекало — собака, лающая во дворе, соседский ребёнок, разыгрывающий гаммы на пианино, даже тиканье моих собственных часов на стене. Также внутри меня был барьер самосознания говорить слова про себя было недостаточно. Но когда я молилась вслух, звук моего собственного голоса казался мне странным Временами я сомневалась, а достаточно ли почтительны мои слова. Или же они казались иногда такими холодными и «церковными »

На то, чтобы прорваться через этот двойной барьер—того, что отвлекало снаружи, и того, что тормозило изнутри — у меня уходило от пяти минут до получаса». Но как только мне удавалось преодолеть этот барьер, у меня внутри как бы включался фонтан Молитва начинала прорываться из какого-то источника внутри меня, более глубокого, чем моё сознание.

В большинстве случаев, мои молитвы сосредотачивались вокруг какой-то одной темы, которая не зависела от какого-то сознательного выбора с моей стороны. Это могла быть моя

семья, или мои коллеги, или мои ученики. Однажды я назвала по имени всех девочек в моём старшем классе по домоводству, представляя каждую девочку в уме. Однако мои молитвы не ограничивались теми людьми, которых я знала. Иногда я начинала молиться за людей в других странах, о которых я знала только как о географических точках

Если я никак не могла прорваться через первый барьер, то обращалась к книге Псалмов и начинала вслух читать из неё. Меня особенно ободряли молитвы Давида. Псалом 41 выражал жажду моей души, которой я так долго не замечала: «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе!» (стих 2). Псалом 50 стал криком моей собственной души о внутренней чистоте: «Окропи меня иссопом, и буду чист, омой меня, и буду белее снега» (стих 9) Но к одному отрывку я возвращалась снова и снова: «Укажи мне, Господи, пути Твои, и научи меня стезям Твоим Направь меня на истину Твою, и научи меня; ибо Ты бог спасения моего на Тебя надеюсь всякий день» (Псалом 24:4-5).

Двумя неделями раньше я прочитала о «тесных вратах» Затем Сам Иисус открыл врата и провёл меня через них за ними был «узкий путь» — та особая тропа в жизни, по которой мне предстояло пройти. Подобно Давиду, мне нужна была помощь Божия, чтобы найти её

Во второй половине января я молилась, таким образом, почти каждый день. Затем однажды в четверг в начале февраля, когда я всё пыталась пробиться через начальный барьер, в мою дверь неожиданно постучали Быстро расправив следы от моих локтей на кресле, я подошла к двери Ко мне пришла одна из моих коллег, Эрна Сторм Эрна везде ездила на шумном красном мотоцикле Поэтому ученики называли её «красным штормом.»

«Я пришла спросить вас, не заменители вы завтра утром меня на дежурстве в столовой» — объяснила Эрна, усаживаясь на зелёном бархатном кресле. «Я договорилась повести маленькую Эльзу Ларсен к врачу У Эльзы такое косоглазие, а её родители не хотят, чтобы её подлечили, и она смогла носить очки»

«Почему же?» — спросила я

«Наверно, они являются членами какой-то религиозной секты, которая верит, что Бог исцеляет по молитве, и они ждут, чтобы Бог исцелил её от косоглазия. А в это время бедный ребёнок даже не может прочесть то, что написано на доске»

«Я никогда не слышала об этом!» — воскликнула я

«Это ещё не всё! Они верят в огненные языки и видения и всё такое прочее Они называют себя «пятидесятниками» У г-на Хансена, того, кто убирает у нас, есть племянница, которая пошла на одно из их собраний, и она говорит, что они катались по полу и лаяли, как собаки!»

«Прямо здесь в Корсоре?»

«Именно так! Но и это не самое худшее! Летом они берут людей на берег Стор Баэльта — даже приличных членов церкви — и запихивают их под воду. Они называют это крещением — как будто их не крестили в младенческом возрасте в подходящей церковной обстановке!»

Эрна откинулась на спинку кресла и осмотрела комнату «Вас почти не видно в последнее время» — сказала она, «кроме, как в школе Чем вы занимаетесь по вечерам»

Вопрос Эрны застал меня врасплох «О. я усиленно изучаю Библию» — сказала я. «и молюсь.»

«Изучаете Библию и молитесь?» — Эрна с изумлением посмотрела на меня «Послушайте моего совета и не переусердствуйте в этом! А то вы закончите когда-нибудь, как мисс Сондерби — и одной такой личности, как она, более чем достаточно, среди преподавателей»

После того, как Эрна ушла, я подождала, пока она завела свой мотоцикл. Затем я вернулась в гостиную и снова встала на колени. Но барьер казался ещё более непробиваемым. Внутри я всё слышала слова предупреждения Эрны «Послушайте меня и не переусердствуйте!»

4 Погребение

На следующий вечер я снова встала на колени. Когда у меня не получилось преодолеть молитвенный барьер, я взяла книгу Псалмов. Однако в первый раз и это оказалось бесполезным я прочитала вслух два или три псалма, но мой голос прозвучал пустым и безжизненным — подобно звукам эха, отражающимся в пустом колодце

В конце концов я наугад начала читать из Нового Завета, ища те отрывки, которые могли бы обновить моё вдохновение Мой взгляд упал на первые стихи первого послания к Иоанну, и я начала читать вслух Я дочитала до четвёртого стиха «И сие пишем, чтобы радость ваша была совершенна.»

Я перечитала последние слова два или три раза — чтобы радость ваша была совершенна «Что такое радость» — спросила я себя «Действительно ли Бог хочет, чтобы мы радовались?» Когда я рассуждала над этим, мною овладело такое сильное чувство, что оно отразилось на моём физическом состоянии. У меня было такое чувство, как будто через все части моего тела

струились тёплые потоки. Если бы я не нашла какого-нибудь средства выражения этого чувства, то я не смогла бы сдержать себя Я встала на ноги и начала ходить по комнатам квартиры

На кухне я увидела метлу, стоявшую в углу комнаты. Я взяла её и начала вальсировать по квартире, держа метлу, как будто она была моим партнёром в танце Я говорила себе, что это смешно и совершенно неуместно для того, кто хочет молиться Богу. Но я всё равно продолжала танцевать по всей квартире, пока, наконец, не упала, без дыхания, на диван

Через пять минут я пришла в себя, так, что смогла продолжать чтение с того места, где остановилась С трудом сдерживая свои чувства, я дочитала до конца седьмого стиха, «и Кровь Иисуса Христа, Сына Его. очищает нас от всякого греха »

Когда я прочитала эту фразу об очищении от греха, во мне снова поднялась радость. Я уже не могла произносить слова, которые читала. Я начала заикаться, повторяя каждый слог два или три раза. Я чувствовала огромную потребность выразить что-то внутри себя, но вместе с тем у меня не было для этого слов, к тому же я не понимала, что мне нужно было выразить

Я немного подождала, чтобы радость уменьшилась, и продолжила чтение Я с трудом преодолела стих восьмой и едва дочитала девятый стих «Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи (наши) и очистит нас от всякой неправды » Слово очистит настолько наполнило меня радостью, что я больше не могла сидеть.

До того времени в моей жизни я не осознавала совершенных грехов. Фактически, сравнивая себя с людьми вокруг себя, я считала себя весьма порядочным человеком. Тем не менее, прочитанные только что слова произвели во мне потрясающее чувство чистоты Я не могла вообразить, что можно чувствовать себя таким чистым Мне казалось, что всё моё естество переполнено сверкающим светом Оглядываясь на своё прошлое, я поняла, что раньше не понимала, насколько я нуждаюсь в Божием прощении. В свете того, что мне сейчас открылось, у меня не было слов, чтобы выразить свою благодарность.

Я отказалась от дальнейших попыток читать и пошла спать Ожидая, пока засну, я знала, что мне нужно молиться за определённых людей или ситуации, но всякий раз, когда я пыталась это делать, я вместо этого благодарил Бога за то, что прощена и очищена от всех своих грехов Чем больше я благодарил Бога за это, тем сильнее становилась моя радость

Вдруг я поняла, что внутри меня звучал голос, произносивший слова на каком-то иностранном языке «Эрна была права» — подумала я. «Ты перестаралась, а теперь ты сходишь с ума!» Я положила руку на губы, чтобы помешать этим незнакомым словам — но давление в моей грудной клетке нарастало Я не говорила вслух, но про себя я сказала: «Боже, если то, что внутри меня, не от Тебя, пожалуйста, заведи это,...» Я немного подождала, но голос не исчезал. «Боже, если эти слова от Тебя» — продолжала я, «помоги мне не бояться! Помоги мне принять

их!» Я убрала руку с губ.

Сразу же те слова, которые я слышала внутри своей грудной клетки, начали выходить из моих губ, и я поняла, что я сама произносила их. С трудом верилось, что я слышала свой собственный голос. На каком языке я говорила? Я неплохо владела как английским, так и немецким, но это был ни тот, ни другой язык. Как это я могла так чётко произносить слова, которых раньше не слышала? Тем не менее, в них была некая ритмическая красота, которая напоминала поэзию

Говорение на этом новом языке постепенно облегчило сильное давление внутри меня. Эти слова на незнакомом языке говорили за меня то, что я тщетно пыталась выразить на своём родном языке, Чем дольше я говорила эти слова, тем глубже становилось чувство освобождения и удовлетворения Подобно реке во время наводнения, несущей разные обломки, так эти незнакомые слова разметали последние барьеры страха и самосознания

Наконец, языковой поток прекратился, и наступило глубокое спокойствие. Никогда раньше я не испытывала такого полного расслабления Мой ум и моё тело полностью успокоились. Мои глаза были закрыты, но вместе с тем, я не спала

После неопределённого промежутка времени я вдруг услышала новый звук, Он шёл откуда-то спереди, но издалека Я открыла глаза и села на край кровати, чтобы посмотреть, откуда доносился этот звук. В следующую минуту у меня захватило дыхание

Комната больше не была тёмной, а стена спальни передо мной исчезла! Я смотрела на пространство, где раньше была стена, на участок площадью примерно пять с половиной квадратных метров, что было вершиной огромной, неровной скалы. На все щели и впадины на поверхности скалы падала чёрная тень от полной луны, которая низко висела на небе позади

Но мой взгляд сосредоточился на женщине, которая стояла в центре и раскачивалась в движениях медленного, чувственного танца и пела пронзительным чётким голосом. На ней было длинное вышитое платье, присборенное на бёдрах шарфом. На голове у неё был глиняный кувшин. Она держала руки на бёдрах, а ноги её были босы. Вокруг женщины сидели мужчины, нога на ногу, хлопая в такт её песне. На них были какие-то длинные туники, а на головах белые шарфы, закреплённые шнурами, которые блестели, в лунном свете как золото.

К собственному удивлению, мне совсем не было страшно. Это не был сон — я знала это. Я не спала, и я действительно была «там». Я никогда не видела подобной сцены, ни слышала о ней. Тем не менее, она не была для меня чужой. Я была частью той сцены, я там была «своя». Я попыталась понять слова, которые женщина пела, но не смогла. Ритм её танца привлекал меня, потому что я сама любила танцевать. Мне захотелось войти в круг и танцевать вместе с ней.

Вдруг всё исчезло. Моя комната снова стала тёмной. Когда мои глаза привыкли к перемене, я снова стала различать знакомые очертания моей тумбочки, стоявшей на обычном месте возле стены. Сперва я испытала разочарование. Я хотела побольше узнать об этих людях, которые сидели на освещённой лунной скале. Кто они были? Какой они были национальности? Почему я чувствовала себя такой близкой к ним?

Я путешествовала по Скандинавии и Западной Европе, но никогда не видела таких людей. Не могла я припомнить, что читала о них по истории или географии. Они явно не были европейцами, но это не был ни Восток, ни Африка. Я до сих пор слышала пронзительное и чёткое пение женщины, но мелодия её песни не была похожа ни на какой музыкальный размер.

«Это определённо была самая странная ночь в моей жизни» — сказала я сама себе. «Мне следовало бы испугаться, но тем не менее я никогда не испытывала большего мира.»

На следующее утро, как обычно, Вальборг постучала в дверь моей спальни с первой чашкой кофе. Я собиралась сказать «Входи», но с ужасом осознала, что произнесла что-то не по-датски. Дверь открылась, и вошла Вальборг с кофе в руках.

«Что вы сказали, мисс?» — спросила она.

Усилием воли я в уме сформулировала ответ по-датски, прежде чем заговорить. «Вальборг, вчера вечером со мной произошла очень странная вещь.» Я внимательно слушала свои собственные слова и с облегчением поняла, что я снова говорила по-датски. Пытаясь найти правильные слова, я описала, что случилось со мной, попросив Вальборг не говорить никому об этом.

Снова очутившись одна, я откинулась с облегчением на подушку — я всё также могла говорить по-датски, когда хотела! Но вдруг мне пришла в голову другая мысль — может быть, я больше не смогу говорить на том незнакомом языке?

«Пожалуйста, Боже» — сказала я, «позволь мне заговорить на том другом языке! Это было так чудесно. Я не хочу потерять его.» На мгновение в моём горле застрял комочек страха. Затем изнутри поднялась такая радость, что страх растаял. Спокойно, но очень чётко, я начала снова говорить на незнакомом языке.

В течение дня, я сделала ещё одно открытие — на этом новом языке необязательно было говорить вслух. Я могла с одинаковым успехом говорить на нём про себя. Это давало мне свободу делать это всякий раз, когда мне этого хотелось, не заботясь о том, что: может подумать Вальборг. В моей жизни как-бы появилось новое, измерение. Мне больше не обязательно было прекращать все дела, чтобы помолиться. Я могла делать свои обычные дела — готовиться; к занятиям или исправлять работы учеников — и вместе с тем, одновременно молиться на незнакомом языке.

Когда Вальборг ушла в тот вечер, я направилась к своему молитвенному стулу с большим нетерпением, чем обычно. Теперь естественным было начинать с молитвы на незнакомом языке. После паузы, я начала вспоминать разных людей, и я поняла, что молюсь за них без всяких усилий по-датски. Затем я поняла, что случилось — больше не было прежней борьбы по преодолению молитвенного барьера! Новый метод молитвы на незнакомом языке перенёс меня через этот барьер без всяких усилий!

Однажды, возвращаясь на следующей неделе днём из школы, я вдруг остановилась возле книжного магазина и купила себе тонкое, карманное издание Нового Завета. «Теперь я всегда буду носить это с собой» — сказала я себе, когда положила его в сумку. Моё новое переживание усилило моё желание самостоятельно изучать Писания.

Однажды вечером за ужином на той неделе, я заметила, что у Вальборг что-то было на уме. «Помните, что вы сказали мне однажды утром, мисс» — сказала она, «о молитве и говорении на языке, которого вы не понимаете.»

«Так что же, Вальборг?»

«Ну, так вот В Корсоре есть люди, которые делают то же самое.

Они называют это «говорением на иных языках. Моя невестка ходила на одно из их собраний.»

Я не донесла ложку до рта Вот так новости!

«Мне кажется, их называют «пятидесятниками» — продолжала Вальборг, «или что-то вроде этого. Они не ходят в церковь, а встречаются в доме одного человека Его фамилия Расмуссен Он раньше был сапожником, но теперь он пастор »

Пятидесятники! Моё сердце сникло Я, очень ясно помнила предупреждение Эрны Сторм: «Они катаются по полу и лают, как собаки. Они выводят людей на берег Стор Баэльта. и запихивают их под воду» Я внутренне содрогнулась от этой мысли. Но вместе с тем мне срочно нужно было найти того, кто помог бы мне разобраться во всём, что происходило со мной

Подавляя внутреннюю сдержанность, я попросила Вальборг договориться о моей встрече с г-ном Расмуссеном «если возможно, наедине, чтобы не идти на эти собрания » Через несколько дней, Вальборг сообщила, что Расмуссены пригласили нас на чашечку кофе в следующую субботу вечером

После ужина в субботу, Вальборг и я сели на свои велосипеды и отправились к Расмуссенам Мы проехали через центр города, пересекли железнодорожные пути и попали в район узких улиц с рядами домов с обеих сторон, Наконец, мы свернули в узкий тупик и остановились у последнего дома слева. В ответ на наш стук к двери подошёл невысокий приземистый мужчина, в рубашке, без пиджака.

«Я пастор Расмуссен»—сказал он, протягивая руку с мозолями от многолетней работы за станком. «Добро пожаловать в наш дом!»

Когда его рука прикоснулась к моей, теплота его доброжелательности застала меня врасплох и, прежде чем я осознала, я сказала несколько слов на незнакомом языке. Сразу же его лицо расплылось в улыбке, и его пожатие стало крепче «Входите же!» — сказал он «Мы всё это понимаем! Эсфирь будет рада познакомиться с вами »

Не успели Вальборг и я засмущаться, как мы уже сидели рядом на диване Расмуссенов. Пастор сидел на стуле возле камина, в то время, как его жена слегка раскачивалась в деревянном кресле качалке Мебель у них была старая и потёртая, но всё было безупречно чистым.

«Итак, Бог крестил вас Святым Духом» — подвел итоги пастор Расмуссен «Как это случилось?»

«Так вот что это!»—ответила я «Я знала, что со мной что-то случилось, но не знала, как это называется.» Я описала своё переживание с незнакомым языком две недели тому назад

«Слава Богу!» — воскликнула г-жа Расмуссен «Бог действительно начинает изливать Свой Дух здесь в Корсоре »

«Вы имеете в виду, что и у других людей в Корсоре было точно такое же переживание» — спросила я.

«О да, примерно двадцать человек встречаются в нашем доме каждое воскресенье и вместе изучают Библию» — сказал пастор Расмуссен Он взял с полки камина потёртую Библию в кожаном переплёте «Видите ли, то же самое, что случилось с вами, описано здесь. Вот здесь в Деяниях.» Он показал пальцем на страницу: «И исполнились все Духа Святого, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать» (Деяния 2:4)

«Вы действительно думаете, что со мной произошло именно это?»

«Конечно» — ответил пастор «Бог исполнил вас Своим Святым Духом и дал вам новый язык для молитвы и поклонения »

«Новый язык. Но зачем мне нужен ещё какой-то язык, помимо датского?»

Пастор Расмуссен начал снова перелистывать страницы Библии. «Павел объясняет это в первом послании к Коринфянам, главе четырнадцатой. Здесь, в самом начале, он говорит, что когда кто-то говорит на незнакомом языке, он говорит тайны — такие вещи, которые недоступны пониманию умом А чуть-чуть дальше, он говорит, что когда мы молимся на незнакомом языке, то молится не наш ум. но дух» (см ст 2, 14)

«Пастор, вы хотите сказать, что во мне есть что-то более глубокое, чем ум — нечто нуждающееся в непосредственном разговоре с Богом, то, что преодолевает ограниченность моего ума »

«Да, именно так, сестра Кристенсен. именно так!» Пастор Расмуссен возбуждённо ударил Библией по колену, « Ваш дух — а не ум — был сотворён для непосредственного личного общения с Богом, и он не может удовлетвориться чем-то меньшим.»

Некоторое время энтузиазм пастора беспокоил меня. Кроме того, никто ещё не обращался ко мне «сестра»! Но, раздумывая о своей прошлой жизни, я начала понимать правоту его слов. Много лет я культивировала свой ум — учёбой и путешествиями, литературой, искусством и философией — и всё-таки всегда чего-то не хватало — какая-то часть моего существа никогда не получала удовлетворения. Был ли это мой «дух, как сказал пастор. А эта странная новая радость, которая постоянно журчала внутри меня — исходило ли это из моего духа, или же из моего ума.

Г-жа Расмуссен принесла кофе из кухни, пока её муж продолжал своё объяснение: «Вот ещё один стих, который объясняет, что Бог делает сегодня: «И будет в последние дни, говорит Бог, изолюю от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши, и юноши ваши будут видеть видения ...» (Деяния 2: 17)

«Видения!» — воскликнула я непроизвольно вспомнила женщину, танцующую на скале. «Мне кажется, что именно это....» Я остановилась Я и так слишком много рассказала этим людям о себе!

К счастью, пастор Расмуссен, по видимому, не заметил моего восклицания. В течение следующих двух часов он продолжал перелистывать страницы своей Библии, от Нового Завета к Старому, и снова возвращаясь к Новому Он обращался со всей Библией как с ежедневной газетой — как будто она именно сегодня была отпечатана Он объяснял такие вещи, которые даже и не упоминались в церкви, когда я там была. Я удивлялась, как это сапожник мог так много знать о Библии

На следующее утро, читая воскресную газету, я увидела статью в разделе о церкви под заголовком «Кто Такой Святой Дух!» Автор. Йоханнес Неергаард, был пастором лютеранской церкви в Копенгагене, известный своей учёностью. В один миг я села и написала ему письмо, прося о личном интервью. К моему удивлению, я получила ответ письмом с обратным уведомлением, где мне назначалась встреча в два часа дня в следующую пятницу, 25-го февраля

В пятницу я села на поезд, идущий в Копенгаген, находившийся на расстоянии примерно ста километров, а с вокзала на такси поехала прямо в церковь Секретарь провела меня в кабинет пастора Неергаарда Пастор был довольно-таки плотным человеком лет под шестьдесят Его официальный чёрный костюм освещался белым священническим воротничком и серебряными седыми волосами. Две стены его кабинета были уставлены полками с книгами от пола до потолка.

«Пастор» — начала я, «со мной случилось что-то непонятное.» «Что-то случилось с вами, маленькая мисс?» Он явно дал мне гораздо меньше лет, чем мне было на самом деле. В его голосе была отцовская озабоченность «Вы попали в беду?»

«О, нет» — быстро ответила я «Это не то, что вы думаете. Видите ли. однажды вечером я молилась в постели и почувствовала такую чудесную радость А затем, ну, внутри меня появился этот другой голос, и я начала говорить — слова, которых я не понимала — всё ещё молясь Богу, но не понимая, что я говорю.»

Я остановилась и с волнением подождала реакции пастора, К моему удивлению, он совсем не растерялся «А, теперь я понимаю вас» — сказал он «Мне кажется, что вы приняли крещение Святым Духом. Но этого не надо бояться Моя жена и я пережили то же самое Конечно, это непонятно нашим добрым членам церкви, поэтому нам нужно осторожно выражаться в публичных служениях »

Я с облегчением вздохнула Пастор Неергаард говорил то же самое, что и пастор Расмуссен Но мне было гораздо легче соотнести себя с пастором Неергаардом Его происхождение напоминало моё собственное В конце концов, мне не нужно было чувствовать себя изолированной или эксцентричной

«Но вот, маленькая мисс»—продолжил пастор Расмуссен «Я хочу предупредить вас » Он указал на меня пальцем по-отцовски. «Будьте очень осторожны со всеми этими водными процедурами » Некоторое время я не могла понять, что он имеет в виду Затем я вспомнила слова Эрны Сторм: « .они приводят людей на берег Стор Баэльта.»

«Водные процедуры, пастор?» — сказала я «Вы имеете в виду, водное крещение?»

«Не крещение, мисс, но перекрещивание » Пастор особо подчеркнул «пере» Он объяснил, что есть определённые группы: «Раскольники, как вы понимаете.» которые на самом деле берут членов лютеранской церкви и заставляют их погружаться в воду «Как будто одного крещения недостаточно!»

В этот момент, со мной случилось нечто неожиданное Без всякого умственного усилия с моей стороны, я вспомнила слова из Писания, которые я читала последние два месяца—фразы,

предложения, целые отрывки, которые относились к крещению, хотя я не делала сознательных усилий, чтобы изучить их, не говоря уже о том, чтобы запомнить

«Но, пастор, разве в Новом Завете не сказано, что все крестившиеся сходили в воду» — спросила я «Почему же тогда людям брызгают на лоб несколько капель воды?»

«Вы говорите о первом веке нашей эры» — ответил пастор Неергаард «Но с тех пор прошло восемнадцать столетий» И он начал объяснять разные понимания этого вопроса на протяжении веков, объясняя, как всё это воплотилось в традиции церкви «Должны ли мы отказаться сейчас от мудрости и опыта восемнадцати веков?» — завершил он

«Но, пастор, предположим, что наши традиции не согласовываются с Писанием? Разве не говорил Иисус религиозным руководителям Своего времени, что своими традициями они убрали Слово Божие? Именно Он сказал: «Кто будет веровать и креститься, спасён будет...» (От Марка 16:16) Не означает ли это, что сначала мы должны уверовать, а затем креститься?»

Я сама удивилась своей смелости, а также заметила, что пастор Неергаард начал нервничать «Молодая леди» — сказал он, «для всех лютеран этот вопрос решён раз и навсегда Ваше крещение во младенческом возрасте имеет силу из-за веры ваших родителей, а во время конфирмации вы подтвердили его вашей собственной верой»

Вера моих родителей? Моя собственная вера? Я, конечно, не могла спорить с выдающимся богословом, но его слова вызвали целую серию вопросов в моём уме Сколько веры было у моих родителей, когда я крестилась? Если это зависело от их веры, то мне важно было знать это Что ещё более важно сколько веры было у меня, когда я проходила конфирмацию? Я сделала это лишь только для того, чтобы сделать приятное своей семье и церкви. Разве я знала, что такое настоящая вера, кроме как за последние несколько недель.

Наконец, пастор вывел меня на ступеньки церкви и там дал мне свой последний совет: «Позвольте мне посоветовать вам не торопиться со словами или поступками. Вне всякого сомнения, у многих членов нашей церкви нет должной веры, но мы должны быть терпеливы и верить, что постепенно им откроется больше истины, В конце концов. Рим строили не один день!»

Сидя в поезде, возвращавшемся в Корсор. одна в купе первого класса, я начала упрекать себя. Разве я не была высокомерной, даже непочтительной, усомнившись в традициях церкви? Кто я была такая, чтобы так поступать? В конце концов, пастор Неергаард был повсеместно признанным богословом Я поражалась сама себе от тех доводов, которые я выдвигала Откуда они взялись? Я никогда не разговаривала так за всю свою жизнь

И тем не менее, меня поражала логика моих доводов. На заданные мною вопросы нужно было найти ответы, и если пастор не дал мне их, то тогда это должна была сделать я сама Что на самом деле говорится в Новом Завете о крещении? Я вспомнила некоторые слова Павла, которые произвели на меня глубокое впечатление несколько дней тому назад. Вытащив свой карманный Новый Завет, я полистала страницы, пока не нашла те стихи, которые я искала:

« Мы умерли для греха как же нам жить в нём?

Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились?

Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мёртвых славою Отца, так и нам ходить в обновлённой жизни

К Римлянам 6:2-4

Я перечитала эти стихи несколько раз. Подчёркивались три события — смерть, погребение, воскресение — три последовательные шага в нашем отождествлении со Христом, Я начала измерять свой собственный опыт этим стандартом Я оглянулась на ту жизнь, которой я жила до последних нескольких недель Можно ли было действительно назвать что-то в той жизни «смертью для греха.» с последующими погребением и воскресением? Никакими усилиями воображения я не могла применить эти слова к тому, что происходило со мной в детском или подростковом возрасте, или позже

Логика вела меня к выводу, который я не очень хотела принять Крещение было погребением старой жизни и воскресением к новому образу жизни. Это я понимала Точно также я понимала, что я никогда не переживала такого погребения и воскресения Следовательно—что? Возможен был только один вывод Я никогда не крестилась

Я медленно повторила сама себе слова Иисуса, которые я процитировала пастору Неергаарду: «Кто будет веровать и креститься, спасён будет.» Я совершенно точно знала, что теперь я верила. Что же оставалось, как кроме того, чтобы креститься? В своей квартире, в тот день, когда мне явился Иисус, я пообещала Богу «Если Ты покажешь мне, что Иисус жив, я последую за Ним» Бог ответил на мою молитву Я не осмеливалась нарушать своё обещание

К кому же мне нужно было обратиться насчёт крещения? Я знала только одного человека, пастора Расмуссена. Ну, а если об этом узнают жители Корсора? В таком маленьком, полном сплетен окружении новости распространялись быстро. Мне не трудно было представить себе последствия.

Дания, возможно, была самой тотально лютеранской страной в мире. Лютеранская церковь была государственной. Из 4-х миллионов датчан, более 90 процентов были её членами. В вопросах религии, школа, в которой я преподавала, подобно всем государственным школам, находилась под юрисдикцией церкви. Как церковные власти отреагируют на то, что преподаватель принимает крещение от пастора-пятидесятника?

А как насчёт моих коллег учителей? В таком городке, как Корсор, мы, учителя, были небольшой, привилегированной группой, на которую с уважением смотрели все остальные жители. Моя связь — даже просто посредством церемонии крещения — с презируемыми пятидесятниками, рассматривалась бы моими коллегами как предательство общественных и интеллектуальных стандартов нашей профессии. Я уже знала, как бы отреагировала Эрма Сорм. А как насчёт Сорена? А другие мои коллеги, чьим уважением и дружбой я дорожила?

Что же мне было делать? В молитве про себя я выдохнула слова, которые я читала так часто в последнее время: «Научи меня стезям Твоим» (Псалом 24 4). Затем я выглянула из окна. Поезд приближался к Корсору. Когда он затормозил, я знала, что уже приняла решение: «Я пойду прямо к пастору Расмуссену и попрошу его покрестить меня».

Я села на свой велосипед на вокзальной стоянке и направилась прямо к дому Расмуссенов. По дороге меня не оставляли страхи: «Ты потеряешь Сорена. Ты потеряешь работу. Ты выбросишь всё, над чем ты трудилась все эти годы».

Вдруг ко мне пришли слова из неожиданного источника — одного из учебников по истории, которым мы пользовались в школе. По иронии судьбы, это были слова самого Лютера, когда он отвечал на религиозном суде, инсценированном против него: «Вот я стою, неся ответственность перед своей совестью, Я не могу поступить иначе». И для меня тоже наступил такой момент, когда я должна была отвечать перед своей собственной совестью.

Расмуссены были явно удивлены, когда увидели меня, но они тепло приветствовали меня. «Пастор Расмуссен» — сказала я, «я хочу креститься — действительно креститься. Не сделаете ли вы это для меня?»

«Ну» — сказал он. «мы строим новое собрание с баптистерием, и как только оно будет готово, мы планируем проведение служения с крещением. Мы можем внести вас в список крещаемых».

«Но на то время у меня может не быть храбрости» — сказала я ему. «Чем дольше я буду ждать, тем труднее это будет».

Пастор Расмуссен задумчиво потёр подбородок. «Летом мы иногда крестим людей в Стор Баэльте, но сейчас это невозможно». Он замолчал, а потом повернулся к жене. «Эсфирь, мы не могли бы одолжить ванну и поставить её на кухне?»

«Почему бы и нет?» — ответила г-жа Расмуссен. «я уверена г-жа Свенсен разрешит нас воспользоваться своей ванной».

«Вас это устроит?» — пастор Расмуссен повернулся ко мне. «Вы не против, чтобы креститься в нашей кухне — в ванной?»

«Мне всё равно, как вы будете это делать» — ответила я, «лишь бы моя старая жизнь действительно была погребена!»

«Давайте подумаем» — продолжил пастор Расмуссен. «сегодня пятница. Приходите снова завтра вечером часов в шесть, а мы приготовим для вас ванну в кухне».

На следующий день я, как и было договорено, появилась в доме Расмуссенов. Г-жа Расмуссен помогла мне облачиться в длинную белую ночную рубашку и повела меня на кухню. В центре на каменном полу стояла большая цинковая ванна с водой. «Мы немного нагрели воду для вас» — успокоила она меня.

Для засвидетельствования церемонии было приглашено несколько жён местных рыбаков. С шокom я узнала в одной из них мать моего ученика. До того момента я тайно надеялась, что мой поступок не станет известным никому. Теперь я знала, что через несколько дней это будет транслировано на всю школу, как учителям так и ученикам.

Я запомнила все детали той сцены. Пустые полки и доски были безупречно чисты, но истёрлись от многолетнего вытирания. Над плитой, на которой тихо шумел чайник, висели две большие чёрные сковородки. Единственным украшением была деревянная доска для резки хлеба. На ней были слова: «Хлеб наш насущный подай нам на сей день».

Мои ноги немели от холода каменного пола без всякого покрытия. Трудно было бы себе представить сцену, более резко контрастирующую со всем, к чему я привыкла. Только Бог мог сделать разрыв столь полным. Одним символическим поступком я порывала со всем своим наследством—общественным, культурным, интеллектуальным и религиозным.

Ещё раз я взвесила все последствия того поступка, который я хотела совершить. Действительно ли я хотела поступиться хорошим отношением ко мне всех, кого я знала всю свою жизнь — чтобы с того момента стать чужаком в моём собственном народе — навсегда? И тем не менее, именно этого я и просила—«быть похороненной.» Как много из своего прошлого можно было взять в могилу? Только сейчас я поняла, что такое похороны.

Сама церемония была короткой и простой. Мы стояли вокруг ванны, напротив друг друга. Пастор Расмуссен прочитал слова Иисуса от Матфея:

если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною.

Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет её; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретёт её.

От Матфея 16:34-25

Закрыв Библию, пастор Расмуссен предложил помолиться, но мой ум не следил за его молитвой. Меня поразили слова Иисуса, которые он только что прочёл: «Кто потеряет душу свою, тот обретёт её». Я поняла, что моё крещение в тот вечер стало началом этого обмена. Я теряла свою жизнь, такой, какой я знала её до сих пор. Взамен мне предлагалась другая жизнь, которую мне предстояло найти.

Когда пастор Расмуссен закончил молитву, я уселась в ванной. «По исповедании вашей веры» — услышала я его голос, «я крещу вас в смерть и воскресение Христа бо имя Отца и Сына и Святого Духа Аминь!» Затем он мягко, но уверенно окунул меня в воду, наклонив назад, подержал меня под водой секунду, а затем поднял.

Там, сидя в ванной, с водой сбегаящей по моим щекам, я больше не осознавала, где я нахожусь. Важно было только одно — мои страхи и мучения прекратились! Вместо них моё сердце наполнилось глубоким, непоколебимым миром. Так Сам Бог засвидетельствовал Своё одобрение моему поступку. Вперед стоящие дни я могла держаться этой уверенности: «Я сделала то, что Бог потребовал от меня.»

5 Слова д-ра Карлссона

К середине следующей недели новости о моём крещении облетели всю школу. Ученики отреагировали более открыто и спонтанно, чем учителя. В школьном дворе меня приветствовали резкие крики «Аллилуйя!» Приближаясь к своей классной комнате, я слышала оживлённые дискуссии. Когда я заходила, наступала неестественная тишина, которую нарушали только немногие тихие смешки. Однажды я увидела буквы АЛЛИЛУЙЯ, нацарапанные на доске корявым детским почерком.

Поведение моих коллег учителей было не столь явным, но ранило больше. Я скоро поняла, что они не хотели, чтобы их видели вместе со мной в школьном дворе. Они либо поспешно торопились пройти впереди меня, притворяясь, что не замечают меня, или же находили какой-то повод подождать или же шли в другом направлении, пока я не пересекала двор. Когда я входила в общую комнату для учителей, наступала неожиданная тишина. Потом кто-то начинал громко говорить на банальные темы.

Однажды днём, после моего последнего урока, я увидела Сорена. 'ожидавшего меня в коридоре «Не уделишь ли ты мне минуту?» — спросил он.

«Конечно» — ответила я «Мы давно не говорили друг с другом.» Мы начали медленно идти по направлению к школьному двору.

«Не возражаешь, если я задам тебе несколько откровенных вопросов?» — Сорен помолчал и, увидев, что я не возражала, продолжил: «Всё это относительно...» — он заколебался, затем с усилием произнёс слово: «крещения, это имеет отношение к твоим поискам истины?»

«Думаю, что это можно назвать и так. Видишь ли, когда ты ищешь истину и веришь, что нашёл её — ну, тогда тебе бросается вызов послушания этой истине!»

«Найти истину? Разве не провозглашала то же самое каждая религиозная группа?» И когда я не ответила: «Ты знаешь, что Эрнст Сторм собирает подписи под петицией о твоём удалении с должности преподавателя?»

Мы подошли к краю школьного двора. Я немного задержалась, позволяя Сорену пройти впереди меня. К его чести, он однако был согласен пройти сквозь строй вместе со мной. Когда мы были на полпути, раздались обычные крики Аллилуйя.

«Разве тебе это безразлично?» спросил Сорен.

«Не могу сказать, что мне это очень нравится» — ответила я, «но это небольшая цена за то, что я нашла»

«Лидия, что это?»

«Счастье. Сорен, настоящее счастье глубоко внутри себя, невзирая на то, что говорят или делают люди Я чувствую себя, как тот торговец в Христовой притче, который нашёл такую драгоценную жемчужину, что продал всё, лишь бы приобрести её» («Может быть, даже наши шансы совместного счастья» — прибавила я про себя, когда мой взгляд встретился с озабоченным и вопросительным взглядом Сорена)

Я всё ещё ожидала официальной реакции со стороны церковных властей. На это не ушло много времени 9-го марта, меня вызвали к лютеранскому пастору, который отвечал за все религиозные вопросы в школе Он попросил меня объяснить своё крещение, что я и попыталась сделать, как только могла

Оттуда моё дело передали на более высокую инстанцию — к настоятелю. В своё время меня вызвали к настоятелю в близлежащем городе Слагелзе, где снова от меня потребовали объяснить своё поведение

Настоятель явно рассматривал меня как одну из своих заблудших овец «Почему вы не пришли ко мне в первую очередь» — спросил он, «прежде чем совершить этот поступок?»

«Настоятель» — ответила я, «я много лет посещала церковь, но всегда выходила со служений с большей путаницей, чем приходила на них. В конце концов я поняла, что мне надо обратиться к Самому Богу»

«Каждое поколение утверждает, что имеет монополию на истину» — вздохнул настоятель «Я не удивлюсь, если вы думаете, что у вас есть миссионерское призвание Я и сам так думал, когда был в вашем возрасте»

«Но, настоятель, может быть, у вас на самом деле было» Я замолчала от взгляда в глазах настоятеля Был ли это гнев? Или печаль? Запрещение — или мольба? Так или иначе, я знала, что сказала лишнее

Несколько дней я не могла забыть взгляда в глазах настоятеля. Вот преуспевающий в своей профессии человек, которого все уважают, сознательно служащий Богу и своим соотечественникам. И тем не менее — его озабоченный взгляд напомнил мне Сорена. Было ли в жизни нечто такое, чего не нашёл даже настоятель — то самое, что было самым важным? Почему он заговорил о миссионерском призвании? Я не поняла, что это значило, но эта фраза не уходила от меня.

Тем временем, о моём случае стали писать в газетах как в местных, так и в центральных Однажды вернувшись со школы я нашла на своём столе экземпляр Утра, самой читаемой в Дании газеты

«Я принесла вам эту газету, мисс» — сказала Вальборг «Там внутри есть статья о вас, прямо на центральной странице»

И, конечно, на всё ширину страницы был заголовок МОЖЕТ ЛИ ГОВОРЯЩАЯ НА ЯЗЫКАХ ПРЕПОДАВАТЕЛЬНИЦА ОСТАВАТЬСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ШКОЛЕ? Автор статьи делал главный упор на моих отношениях с пятидесятниками, которых он отвергал как «новомодную секту, не имеющую никакого образования или богословия» Однако, его отношение к моему случаю нельзя было бы назвать полностью недоброжелательным Он поднимал вопрос, насколько лютеранская церковь могла диктовать преподавателям государственных школ относительно личных религиозных убеждений.

«Наверное, это ужасно» — сказала Вальборг, - знать, что о тебе так говорят по всей стране»

«В каком-то смысле, это так. Вальборг» — ответила я, «но это помогло мне понять стих, который поразил меня, когда я впервые прочитала его: Блаженны изгнанные за правду. Тогда я не понимала, как это можно блаженствовать в таком состоянии Но среди всей этой критики и вражды, я испытываю радость и мир. как никогда раньше»

После этого, всякий раз, когда обо мне упоминалось в газете. Вальборг приносила мне один экземпляр и внимательно наблюдала за моей реакцией На протяжении последующих нескольких недель мой случай подробно обсуждался в прессе Выдающиеся личности в стране выступали как за меня, так и против. Однако, преобладало общее мнение, что учителям в государственных школах должна быть дана большая свобода вероисповедания

В начале апреля г-н Педерсен, директор школы, послал за мной Именно по его рекомендации я получила должность директора по домоводству, и я знала, что ему нравилось, как я исполняла свои обязанности,

«Мисс Кристенсен» — сказал он, «я обязан проинформировать вас, что ваш случай передали в министерство образования в Копенгагене, и его будут обсуждать в парламенте. Когда это случится, неизвестно, когда они примут решение, Однако я буду держать вас в курсе » Затем он добавил более доверительным тоном «Я уверен, что всё будет хорошо »

Я поблагодарила его, но внутренне удивилась откуда у него такая уверенность.

К этому времени пятидесятники закончили строительство своего молитвенного дома, и я подумала, что мне нужно посещать их собрания Расмуссены сделали всё, что могли, чтобы я чувствовала, что нужна, но члены собрания не были расположены ко мне так, как я надеялась, Как я ни старалась приспособиться, я всё равно была «другой » Все женщины одевались настолько просто, что это было почти безвкусно На собрания я одевала свои наименее элегантные платья. Но это не было достаточно. Создавалось впечатление, что все Христианки носили тёмные чулки Мои были слишком светлыми. С неохотой я купила две пары уродливых чёрных чулок

Проблема бы лай с моей речью Я была слишком «образованной » Образование было «мирским » Разница в интеллектуальном и общественном фоне имела большее значение для них, чем для меня. Несколько раз, когда я молилась вслух на собраниях, все остальные присутствовавшие неодобрительно замолкали

Вернувшись домой после одного из таких собраний, я призадумалась над своим положением Мои коллеги-учителя больше не хотели общаться со мной Лютеранская церковь смотрела на меня как на вероотступника Пятидесятники неохотно принимали меня за свою. Во всей стране обсуждалась моя судьба, а парламент должен был решить мою будущность как учителя. Трудно было понять, как всё это могло возникнуть только потому, что я просто и лично обнаружила, что Христос жив, а Библия истинна

Незадолго до Пасхи, я получила короткое, но тревожное письмо от матери; «Все наши друзья говорят о тебе. Ко мне приходит наш священник Я не понимаю, как ты могла так поступить »

Пасхальный уикэнд я провела в доме у матери, делаясь с ней всем, что произошло со мной «Знаешь, я никогда не изучала это самостоятельно» — сказала она наконец «Я только хотела удостовериться, что ты не сделала ничего плохого »

«Мама» — уверила я её, «Это самое лучшее, что только происходило в моей жизни!»

В конце июня меня снова вызвали в кабинет к г-ну Педерсену. Как только я вошла, он встал и показал мне письмо «Это ответ по вашему делу из министерства образования »

Я почувствовала, как моё сердце забилося учащённее Я молилась, чтобы исполнилась воля Божия, но когда наступил этот момент, я поняла, как много для меня значило моё положение в школе

Г-н Педерсен продолжил «Министерство образования разрешило вам оставаться преподавателем — если вы подпишите этот документ » Он вручил мне лист бумаги, на бланке министерства образования

Я внимательно прочитала этот документ Затем без дальнейших слов я взяла ручку у г-на Педерсена и подписала документ.

«Погодите!» — возразил он «Не торопитесь! Вы не один месяц ждали этого решения, а теперь подписываете его, не зная, о чём там идёт речь »

«О. нет» — ответила я ему, «я знаю, что там сказано. Там сказано, что я не буду влиять на учеников относительно крещения младенцев. Если бы я и хотела что-то рассказать ученикам, то не о крещении младенцев, но о крещении верующих »

На лице г-на Педерсена было заметно облегчение. «Знаете, мисс Кристенсен» — сказал он, «я никогда сам не изучал этот вопрос, но я заметил, что вы как-то изменились за последнее время — стали более довольной, что ли? Скажите, завидовать — плохо?». Внешне моё положение как преподавателя в школе было вновь утверждено Я бросила открытый вызов и власти и богословию государственной церкви, а общегосударственный парламент поддержал меня. Однако во мне произошло внутреннее изменение, которое не зависело от парламентского решения. Благодаря акту крещения я потеряла свою старую жизнь. Во всём этом была такая окончательность, которую нельзя изменить. Казалось, что мне нужно было начинать планировать новую жизнь вместо старой. А у меня не было ни малейшего понятия, как это сделать

От Расмуссенов я услышала о больших пятидесятнических церквях в Швеции, куда постоянно приезжали для духовного наставления люди из других Европейских стран Может быть, там мне смогут помочь Я решила воспользоваться для этой цели летними каникулами

В начале августа я пересекла южную границу Швеции и поэтапно добралась на север, в Стокгольм, посещая по дороге разные пятидесятнические церкви. К счастью, не было языкового барьера. Датский и шведский языки настолько близки, что датчанин и швед могут свободно общаться друг с другом, говоря каждый на своём родном языке, и вместе с тем понимая собеседника

В Стокгольме я добралась к середине августа и остановилась в гостинице в центре города. Однажды, смотря вниз из своего окна на заполненный перекрёсток, я увидела, как во всех направлениях непрерывно текут потоки людей и транспорта «Так много людей идут в разных направлениях» — подумала я про себя «Разве это имеет значение, куда идёт человек? Или же есть единственный правильный путь для всех?»

В воскресенье я пошла в самую крупную пятидесятническую церковь в Стокгольме. Служение в большом собрании вдохновляло, а проповедь была ясной и сильной, но я так и не получила ответа на свои личные поиски. Объявили, что в тот вечер должен был проповедовать миссионер из Конго, по имени Бенгт Карлссон

Я вернулась на вечернее служение с чувством разочарования. Я провела в Швеции три недели, посетив полдюжины церквей, а на следующий день собиралась обратно в Данию. Но я так и не продвинулась в своих поисках и не понимала, как рассказ о миссионерском труде в Конго мог помочь мне

Свой рассказ Бенгт Карлссон начал с цитирования апостола Павла: «Ибо мы — Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять» (К Ефессянам 2:10). Он приложил это к своей собственной жизни, описывая те шаги, которые привели его от успешной медицинской карьеры на юге Швеции в первобытные джунгли Конго

Но я уже не слышала его. Церковное окружение исчезло из моего поля зрения. Последние слова вводного текста отдавались эхом в моём сознании: «добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять». Постепенно мне стал ясен смысл этих слов: Бог уже определил конкретное жизненное задание для каждого из нас

Вот ответ на мой вопрос! Мне не нужно было планировать то дело, которое мне предстояло сделать. Мне нужно было найти то дело, которое Бог уже спланировал для меня. Бог предусмотрел для меня особое задание, которое не мог сделать никто другой в мире. Моей высочайшей ответственностью в жизни было найти и исполнить это задание. Если я не сделаю это задание, то оно останется несделанным. Никто другой не мог занять моё место

В церкви было тепло — даже жарко. Но я вдруг задрожала. Чувство личной ответственности было ошеломляющим. В вечности мне предстояло ответить за этот момент. Я отвечу перед Богом за то, что сделаю со своей жизнью! Склонив голову и закрыв глаза, я выдохнула молитву: «Господи, покажи мне то дело, которое ты предусмотрел для меня, и я сделаю всё, чтобы исполнить его»

Я снова увидела церковь. Д-р Карлссон объяснял свои планы по сооружению небольшой больницы посреди джунглей. Оборудование нужно было импортировать из Швеции; за труд и строительные материалы взялась отвечать его африканская община. При строгой экономии и тщательном планировании общая стоимость не должна была превысить четыре тысячи долларов. «Мы просим народ Божий помочь нам в этом деле» — завершил д-р Карлссон

«У тебя есть деньги, чтобы помочь ему!» Я обернулась, чтобы посмотреть, кто это говорит за моей спиной — но там люди доставали свои песенники. Тем не менее слова прозвучали так ясно, как будто их сказали вслух.

В то утро, когда я уезжала из Корсора в Швецию, я получила выписку из банка. Баланс в мой кредит составлял 12 212 55 датских крон — примерно 3000 долларов. Это то, что мне досталось по наследству от отца - в 1927 году это была значительная сумма

После служения я представила себя д-ру Карлссону и спросила, не могу ли я поговорить с ним наедине. Через несколько минут я уже сидела напротив него и его жены за кухонным столом в маленькой квартире за церковью

«Д-р Карлссон» — начала я, «я только недавно начала эту новую жизнь, и ещё есть много таких вопросов, которых я не понимаю. Но мне кажется, что в конце сегодняшнего служения Бог заговорил со мной. сказав мне дать вам три тысячи долларов для вашей больницы»

Я увидела, что Карлссонов ошеломила названная мною сумма «Сестра Кристенсен» — сказал доктор, «прежде, чем вы решитесь отдать такую крупную сумму, я бы хотел, чтобы вы внимательно помолитесь и совершенно точно удостоверитесь, что вы услышали именно голос Божий.»

Я поблагодарила его за слова предосторожности, но внутренне я уже была уверена.

«Пожалуйста, расскажите нам, как у вас началась эта новая жизнь во Святом Духе» — сказала г-жа Карлссон.

Я начала описывать свои поиски истинного смысла в жизни и те странные переживания, которые последовали Карлссоны были такими благодарными слушателями, что я совершенно не смущалась Я даже рассказала им о видении танцующей женщины, вокруг которой сидели мужчины со скрещенными ногами. «Не знаю, есть ли такая страна, где люди одеваются именно так» — добавила я

Д-р Карлссон улыбнулся: «Возможно, я могу ответить на этот вопрос для вас»—сказал он «Возвращаясь из Конго этой весной, мы совершили отдельное путешествие на Святую Землю Как мужчины, так и женщины там одеваются именно так, как вы описали.»

«Святая Земля.. » — начала я. Почему я никогда об этом не подумала? И почему у меня был такой прилив возбуждения? Я помню, как мне захотелось узнать больше о тех людях из моего видения

«Позвольте мне попросить вас сделать одну вещь, сестра Кристенсен—молитесь о том. чтобы вы узнали, какова воля Божия о вашей жизни, и исполнили её»— д-р Карлссон завершил с мягкой настойчивостью в голосе. «Именно для этой цели мы были сотворены от вечности, и в конце концов только это может дать нам истинную удовлетворённость Я убедился в этом сам »

В течение следующего часа д-р Карлссон рассказал, как он сам искал смысла — как он отказался от жизненных притязаний, об одиночестве и трудностях в африканских джунглях, тяжелейшей борьбе с болезнями и суевериями «И, тем не менее» — завершил он «если бы я снова смог сделать свой выбор, я бы не попросил ничего иного Я нашёл наивысшую удовлетворённость в жизни »

На следующий день рано утром я начала длительное обратное путешествие в Данию Мне нужно было время чтобы порассуждать о том, что произошло накануне. Не поторопилась ли я, пообещав такую крупную сумму денег для строительства больницы в таком месте, о котором я никогда не слышала? Я могла бы беззаботно жить целых два года на эту сумму. Или же это было такое сокровище, о котором Иисус предупреждал нас, чтобы мы не копили его на земле? В конце концов, моя преподавательская зарплата снова не вызывала сомнений

Важнее обещания дать эти деньги для меня было то новое направление, которое я получила для своей жизни Я напомнила себе, что Бог показал мне не нужно было планировать свою собственную жизнь. У Бога уже был план для моей жизни Мне только и нужно было, что найти его

Я прибыла в Корсор поздно вечером того же дня. На следующий день я сняла все деньги со своего сберегательного счёта и послала их заказной почтой в Стокгольм д-ру Карлссону Я наполовину ожидала внутреннего борения, но случилось совсем наоборот. Когда я вручила конверт почтовому служащему, я почувствовала, как будто с моих плеч упал груз Я была свободна, чтобы посвятить себя на то задание, которое, как я знала, лежало передо мной — обнаружение плана Божия для моей жизни

Школьные занятия начинались в конце августа Дела в моем отделении домоводства шли как нельзя лучше, и г-н Педерсен постарался показать своё одобрение. Но время шло, и у меня появилась странная внутренняя обеспокоенность Слова из проповеди д-ра Карлссона всё время возвращались ко мне Моё дело в школе было «добрым делом»— но было ли это именно тем делом, которое Бог действительно предопределил для меня? В Дании были и другие учителя, которые имели точно такую же квалификацию, чтобы преподавать домоводство Ожидало ли меня какое-то другое, особое задание—то задание, которое никак не может быть сделано, пока его не сделаю я?

Д-р Карлссон предположил, что те люди, которых я увидела в видении, могут быть жителями Святой Земли. Почти против собственной воли, я начала интересоваться в том направлении. Кроме Карлссонов. я не встречала больше никого, кто бы там побывал. Хотя этот участок земли площадью почти в 26 тысяч квадратных км, где пересекались три континента — Европа, Азия и Африка — сыграл странную и важную роль в истории человечества, тем не менее в течение долгого времени от завершения Библейских событий до наших дней трудно было найти достоверную информацию. Я посещала библиотеки, комиссионные книжные магазины, даже газетные хранилища. Наконец, мне удалось составить краткую историческую справку о стране.

Бог пообещал дать эту землю, первоначально известную как Ханаан, в качестве наследства последовательно трём Еврейским патриархам: Аврааму. Исааку и Иакову (переименованному в Израиль) Позднее во время правления Давида и Соломона, потомки Иакова, которые были

известны как Израиль, установили сильную и процветающую империю, с Иерусалимом в качестве своей величественной империи. Затем начался религиозный и политический упадок, и в последующие века землёй поочерёдно владели разные соперничающие империи. Вавилон, Персия, Греция и Рим. Поднявшейся против Рима Еврейской нации было нанесено окончательное и жестокое поражение. Иерусалим со своим святым храмом был уничтожен, а те, кто выжили, рассеялись среди окружающих народов. Таким образом начался период изгнания, продлившийся более восемнадцати веков. Землю захватили язычники окружающих стран.

В седьмом веке нашей эры Святая Земля пала перед захватническими армиями арабов, преданными последователями новой мусульманской религии, основанной Мухаммедом. В течение последующих тринадцати веков, за исключением короткого периода Крестовых походов в одиннадцатом веке, эту землю покоряли разные мусульманские народы, с кульминацией четырёх векового ига турецкой империи. Эта длинная серия захватов, в сочетании с запущением, постепенно привела к превращению большинства земель в пустыню, без деревьев, с разрушающимися городами и малярийными болотами на месте когда-то плодородных полей.

Наконец, десять лет тому назад, в конце первой мировой войны 1914-18 годов, феодальное турецкое владычество уступило место Британскому мандату над двумя прилегающими территориями, разделёнными рекой Иордан — Палестиной на западе и Трансиорданием на востоке. Однако эта перемена только спровоцировала новую напряжённость и проблемы. Технология двадцатого века начала наводнять обычаи и образ жизни, которые оставались неизменными со времён Авраама Арабским крестьянам, семьи которых обрабатывали одни и те же маленькие участки на протяжении тысячи лет или даже больше, вдруг противостояли голодные на землю Еврейские иммигранты, имеющие современные навыки и оборудование и финансовую поддержку международного Сионизма.

За кулисами, великие державы соперничали друг с другом за контроль над стратегическими участками Ближнего Востока, такими, как Суэцкий канал, и за богатейшие в мире залежи нефти. Британское правительство безуспешно жонглировало с соперническими притязаниями разных национальных, политических и религиозных групп, но так и не могло найти окончательного решения. Один датский журналист, недавно вернувшийся из тех краёв, так подвёл итоги ситуации: «Вопрос не в том, начнётся ли открытый конфликт или нет, но только, когда он начнётся».

В той картине Святой Земли, которая сформировалась в моём уме, не было ничего привлекательного. Я попыталась не думать об этом, но не могла. Может быть, это было ещё одним доказательством, что цель Божия для моей жизни была каким-то образом связана с той землёй и тем народом? Я знала только об одном способе найти ответ на вопрос — посредством молитвы. Мне было трудно начать молиться о такой чужой и далёкой стране, но я посвятила себя на поиски Божьей цели, и я должна была следовать по тому единственному пути, который мне казался открытым.

В последующие недели я провела много утомительных часов, преклонившись у своего зелёного кресла. Часто у меня возникало искушение бросить всё. Зачем молиться о чём-то столь отдалённом и нереальном? Медленно я начала понимать, что Бог учил меня полагаться на Святого Духа. Когда я начинала чувствовать потребность в особой поддержке, я обращалась к словам Павла: «Также и Дух подкрепляет (нас) в немощах наших, ибо мы не знаем, о чём молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас» (Рим 8:26).

Когда я переставала продвигаться, молясь на своём собственном языке, я сдавалась Святому Духу и позволяла Ему молиться через меня на языке, который Он Сам избрал. К тому времени я обнаружила, что Бог дал мне не просто один новый язык, но несколько. Один был нежный и быстрый, похожий на итальянский. Этот язык я получила в самом начале — в тот вечер, когда увидела видение с танцующей женщиной. Был ещё один язык со множеством гортанных звуков — больше похожий на голландский язык. В ещё одном языке был носовой звук, как ни в каком языке, которые мне приходилось слышать. Были и другие языки, которые не так уж легко описать. Создавалось впечатление, что языки соответствовали определённым темам в молитве, или же определённому настроению моего духа.

Иногда, помолившись немного на незнакомом языке, я переходила на датский язык, с удивлением узнавая, о чём я молилась. Я осознала, что такие молитвы, даже на датском языке, давались мне непосредственно Святым Духом. В таком случае, молитва на незнакомом языке становилась лестницей, ведущей меня на более высокий уровень молитвы, чем та, на которую был способен мой ум — хотя позже я могла переходить опять на датский язык.

Продолжая молиться таким образом весь октябрь и ноябрь, я осознала, что мои внутренние отношения претерпевали глубокие изменения Можно ли было на самом деле любить людей, которых я никогда не видела? Я хорошо знала, что такое любить своих родителей и сестёр. Теперь же начала чувствовать, что у меня есть ещё одна семья в той стране, о которой я молилась — семья, которой я никогда не видела и чьих имён не знала. Тем не менее, любовь к ним пронизывала мои молитвы, Чем больше я молилась, тем сильнее становилась моя любовь

Пастор Расмуссен пригласил меня посетить особый день молитвы в его церкви в воскресенье. 4-го декабря 1927 года. Около тридцати человек собрались утром и провели первую часть дня поочерёдно, то, поя, то, молясь и читая из Писания. Во второй половине дня на нас сошло необычное спокойствие. В течение пяти или десяти минут никто не осмеливался молиться вслух. Наше общение с Богом и с друг другом стало таким тесным, что его не нужно было выражать слышимыми словами

Стоя на коленях, я почувствовала над собой тень Божиего присутствия. Это было похоже на росу, падающую в ночной тиши Моё сердце начало биться учащённее в предчувствии. Некоторое время спустя передо мной появилось лицо маленькой девочки.

Она смотрела на меня из некоего подобия ящика, но детали были смутны Меня поразили её чёрные и печальные глаза Я хотела общаться с ней — но не могла!

Несколько дней после этого, всякий раз, когда я закрывала свои глаза для молитвы, я видела детское лицо, с взглядом, направленным на меня. Была ли она членом моей невидимой семьи?

На Рождество я поехала в Брондерслев на традиционную семейную встречу. Внешне ничего не изменилось, но мне там больше не было места. Между мной и моей настоящей семьёй появилась пропасть. Каким-то образом я начала чувствовать большую близость со своей невидимой семьёй в далёкой стране

Я вернулась в Корсор на Новый, 1928, год. Прошёл всего лишь год с тех пор, как мне в этой квартире явился Иисус. Два месяца спустя я приняла крещение Кто бы мог предвидеть все эти последующие изменения? И я чувствовала, что ещё большие перемены ожидали меня впереди Моё убеждение, что Бог направлял меня на Святую Землю, становилось всё крепче и крепче Могла ли я просить Его показать мне больше этого—именно то место, куда мне нужно было ехать, именно тот труд, который мне предстояло делать?

Когда я так молилась, мне вспомнилась игра, в которую я часто играла в детстве. Один человек уходил из комнаты, и в его отсутствие другие прятали где-нибудь в комнате кольцо. Затем тому человеку позволяли вернуться в комнату. Когда он начинал приближаться к тому месту, где было спрятано кольцо, другие говорили: «Тепло!» Если он двигался в неправильном направлении, они говорили: «Холодно!» Когда он подходил совсем близко, ему говорили: «Горячо!»

Всякий раз, когда я молилась за Святую Землю и её народ, я чувствовала в своём духе тепло, которое показывало мне, что я двигалась в правильном направлении. Однажды я почувствовала сильное побуждение молиться за город Иерусалим. Сразу же тепло усилилось, Может быть, Дух Святой говорил мне: «Горячо!»? На протяжении целой недели я молилась по такому образцу, и всякий раз была точно такая же реакция. Итак. Иерусалим?

Но почему Иерусалим? Я там никого не знала и не имела никаких связей, Что я могла там делать? Я пыталась представить себя в различных ситуациях — но что-то ни одна из них не подходила для меня. Я говорила самой себе, что это абсурд, но, невзирая на все мои аргументы, я не могла освободиться от убеждённости Бог просил меня поехать в Иерусалим, даже, если я не знала почему, или же что мне предстояло делать

Бесчисленные вопросы начали атаковать мой ум. А как насчёт денег? Я отдала всё своё наследство от отца д-ру Карлссону Если я уволюсь с работы в школе, я потеряю свою школьную зарплату Я была уверена, что из-за моей известности по всей стране благодаря моему водному и духовному крещению, никакое признанное миссионерское общество в Дании не возьмёт меня кандидатом. У пятидесятников не было лишних денег Фактически, те деньги, которые я давала со своей зарплаты, были одним из существенных элементов поддержки пастора

Всю свою жизнь я жила в финансовом благополучии Могла ли я довериться Богу, чтобы Он обеспечил мен я в далёкой и незнакомой стране, без всякой поддержки от какой-либо церкви или миссионерского общества? Никто даже не будет знать, что я буду там Смог бы Бог побудить людей посылать мне деньги, даже если бы они не смогли бы назвать меня миссионером и не знали, что мне нужно Целую неделю я поворачивала этот вопрос и так и

этак в своём уме. Наконец, я решила, что я помолюсь о деньгах прямо сейчас и посмотрю, что из этого получится

Всё время, пока у меня было хорошо оплачиваемое место преподавателя, вряд ли кому-то пришло бы в голову предложить мне деньги. Однако, я решила попросить Бога именно об этом. Я помолилась простой и конкретной молитвой «Пожалуйста, Боже, я хочу, чтобы кто-то дал мне пять долларов завтра до полуночи. Если Ты сделаешь это, тогда я буду знать, что Ты можешь побудить людей обеспечивать мои нужды даже в Иерусалиме»

Весь следующий день я упрекала себя за такую абсурдную молитву и в то же самое время я пыталась представить себе, кто же мог дать мне деньги. Наверняка, никто из моих коллег. Все они знали, как хорошо я была обеспечена. Может быть, в почтовом ящике будет письмо от дальнего родственника. С противоречивыми чувствами я поехала домой на велосипеде намного быстрее обычного

«Вальборг, приходил ли сегодня почтальон» — спросила я, как только вошла в квартиру. Вальборг вручила мне единственный конверт, с пометкой из Финляндии. Моё сердце забилося немного быстрее, когда я открывала его. Это была записка от одного из детей Кезии: «Дорогая тётя Лидия, благодарю тебя за тот подарок, который ты послала на мой день рождения» Но — без денег!

К 9 30 вечера стало ясно, что денег не будет. Я не знала, что чувствовать: разочарование или облегчение. Если денег не будет, то это будет значить, что Бог не хочет, чтобы я ехала в Иерусалим. В конце концов, я не так поняла Его водительство.... Или же это говорило о том, что моя молитва вообще была неправильной? Почему Бог должен был послать мне точное количество денег в определённый день, когда деньги мне вовсе не были нужны! Мне не следовало молиться такой неразумной молитвой.

Я собиралась лечь спать, когда раздался стук в дверь. Моё сердце в прямом смысле колотилось, когда я её открывала. Моим посетителем была Кристина Сондерби, библиотекарь школы, которая посещала Евангельскую миссию возле порта

«Надеюсь, что вы не посчитаете это очень странным» — начала она, прежде, чем я успела попросить её войти «Но сегодня вечером я молилась, и что-то случилось..» Она шарилась в своей большой чёрной сумке, пока говорила «У меня появилось очень сильное убеждение, что Бог хочет, чтобы я принесла вам вот это» Она вытащила из своей сумки пять долларов и вручила их мне. Немного постояв у двери, она ушла, явно смущённая своим необычным поведением

После того, как Кристина ушла, у меня не стало силы в ногах. Мне пришлось присесть возле обеденного стола на несколько минут, ожидая, пока я смогу встать на ноги. До конца дня оставалось менее двух часов, и Бог послал мне именно ту сумму, о которой я попросила. У меня не было больше никакого повода сомневаться! Бог предоставил мне неопровержимое доказательство, что Он обеспечит меня в Иерусалиме — или где бы то ни было, куда Он пошлёт меня!

На следующий день, во время школьного перерыва, Кристина снова подошла ко мне, шаря в своей сумке точно также, как она это делала накануне вечером. «Я не знаю, почему я так поступила вчера вечером» — сказала она «Я всё время хотела дать вам двадцать долларов, но по какой-то причине я дала вам только пять. Вот остальные пятнадцать.» Она вручила мне банкноты.

«Кристина» — сказала я, «вы, наверное, никогда не узнаете, как это важно для меня — но я хочу поблагодарить вас за то, что вы послушались голоса Божия»

Я чувствовала, как её глаза изучали меня через толстые линзы «Вы действительно изменились» — сказала она. «Вы больше не курите... Не могли бы вы мне сказать, что случилось?»

Как можно проще, я описала, как Иисус открылся мне, а затем исполнил меня Святым Духом

«Лидия, я верю всему этому» — прокомментировала Кристина в конце «Я не понимаю только одного — насчёт говорения на иных языках. Нас всегда учили, что вещи, подобные этим, перестали существовать вместе с апостолами и что мы не должны искать этого сегодня» Мне показалось, что в её голосе была грусть

«Почему бы вам не помолиться об этом» — ответила я «Попросите Бога показать вам истину прямо по Библии.»

«Да, думаю, что вы правы — именно это я и сделаю.» Кристина пожала мою руку с теплотой, которой я никогда в ней раньше не замечала, и мы расстались

Остаток дня я провела, рассуждая над тем, что случилось. Бог не просто предоставил мне доказательство, что Он может обеспечить мои нужды в Иерусалиме Он также дал мне два важных урока о молитве

Прежде всего, я не должна представлять себе заранее, как Бог ответит на мою молитву Ответственность за то, как придёт ответ, лежит на Боге, а не на мне Я вычеркнула всякую возможность получения денег от кого-либо из моих коллег, но Бог предусмотрел послать их через Кристин.

Во-вторых. Бог хотел дать мне больше, чем у меня было веры молиться. Потому что я попросила конкретно пять долларов. Бог сделал так, чтобы Кристин принесла мне сначала именно эту сумму. Однако. Он на самом деле положил ей на сердце дать мне в четыре раза больше, чем я попросила Я не должна ограничивать Бога, прося слишком мало!

В Корсоре. зима начала уступать место весне Ранние блики весны подчёркивали белизну карнизов и красный цвет крыш аккуратных кирпичных домов. Я полюбила Корсор с самого первого дня, когда я переехала сюда, но он никогда не казался мне столь привлекательным, как тогда Лействительно ли Бог просил меня поменять всё это на далёкую и примитивную страну, где люди, обычаи и пейзаж будут незнакомы и непривычны? Моё посвящение целям Божиим должно быть закреплено последним актом- вручением заявления об увольнении г-ну Педерсену Неделя шла за неделей, а я всё откладывала это

На Пасхальный уикэнд я пошла послушать миссионера-ветерана из Китая, по имени Арне Конрад, который проповедовал в пятидесятнической церкви. Во время последнего служения в воскресенье вечером он говорил на тему к Евреям: «Верю Авраам повиновался призыванию идти в страну, которую имел получить в наследие, и пошёл, не зная, куда идёт» (К Евреям 11:8) Г-н Конрад нарисовал очень яркую картину того, как Авраам покидал удобства и надёжность своего дома в Уре и отправлялся в землю, о которой ничего не знал, полагаясь исключительно на обетование Божие Я чувствовала, что каждое слово, которое он говорил, было адресовано мне лично.

После служения я попросила о личной беседе с г-ном Конрадом Я описала, как Бог вёл меня к тому, чтобы я отказалась от своего положения и ехала в Иерусалим, и те колебания, которые я имела по поводу окончательного посвящения. Когда я закончила, он некоторое время смотрел на меня своими серыми глазами, сияющими из-под кустистых белых бровей. Наконец, он сказал «Сестра Кристенсен, Дания полна духовных калек, которые слышали призывание Божие, но побоялись выступить в вере. Не становитесь одним из них!»

Его слова всё ещё звучали в моих ушах, когда я вернулась в свою квартиру Я пошла прямо к своему письменному столу, написала заявление об увольнении и положила его поверх учебников, которые мне предстояло взять с собой в школу завтра утром

Укладываясь спать в тот вечер, я представила себе окончательность того, что я собиралась сделать. Это было прощанием со всем знакомым мне миром Корсора и первым шагом в неизвестное будущее — тем шагом, к которому я не могла подготовиться и запастись. Для того, чтобы отбросить сомнения и страхи, которые атаковали меня, я продолжала повторять слова из текста, на котором была построена проповедь г-на Конрада: «Верю Авраам пошёл, не зная, куда идёт.» Наконец, я заснула с этими словами на губах

На следующее утро в школе у меня было окно во время второй пары. Как только позвонил звонок с первого часа, я взяла своё заявление об уходе и направилась в кабинет г-на Педерсена Он поздоровался со мной и пригласил меня присесть.

«Г-н Педерсен» — сказала я, протягивая заявление, «я хотела вручить вам это лично. Это заявление о моём уходе»

«Ваше заявление о...» — г-н Педерсен замер с рукой, протянутой за заявлением. «Вы хотите сказать, что уходите от нас?»

Я рассказала, как убедилась в том, что Бог говорил со мной о переезде в Иерусалим. В конце г-н Педерсен встал, протянул свою руку и пожелал мне счастливого пути: «Не уверен, что я вполне вас понимаю»— добавил он, «но я уважаю вашу преданность своим убеждениям»

Выйдя в коридор, я натолкнулась на Сорена «Доброе утро»— сказал он. «Что это заставило тебя прийти к директору в столь ранний час?»

«Я как раз подала заявление об уходе.»

«Об уходе! Ты никогда не говорила об этом!» Сорен был явно шокирован. «Я уверен, что это не связано с тем, что люди говорили о тебе Признаюсь, я сам был порой бестактен Мне нужно было быть осмотрительнее..» Он почти заикался «Ты собираешься занять вакансию, которая предлагалась в Копенгагене?»

«Пожалуйста, не вини себя. Сорен! Я ухожу не потому, что кто-то сказал Я должна была сказать тебе раньше, но мне казалось, ты бы не понял. Видишь ли я еду не в Копенгаген — я еду в Иерусалим » «Иерусалим! Что ты там собираешься делать?» «Я не знаю — но я верю, что Бог хочет, чтобы я была именно там » «Лидия, я никогда не думал, что ты можешь дойти до таких крайностей, следуя своим идеям!» Сорен был наполовину сердит, наполовину озадачен. «Ты на самом деле думаешь...?»

«Нет. Сорен. я не думаю — и я не знаю — но я верю! Много лет я строила свою жизнь, сама планируя и рассуждая, но я поняла, что есть и другое жизненное измерение!»

«Другое измерение. Лидия?» — голос Сорена стал странно безликим «Я что-то не понимаю этого.»

Прозвенел звонок, Я протянула руку и на мгновение задержала его руку в своей «Мне нужно идти. Сорен! Извини»

Дойдя до угла коридора, я оглянулась назад Сорен всё ещё стоял там, где мы расстались, смотря в моём направлении Я повернула за угол и потеряла его из виду Я прошла всего лишь пятьдесят метров, но я знала, что я ухожу из его жизни.

Внутри меня была боль, которая была слишком глубока для слез. Я подумала, что даже смерть не сделала бы расставание столь окончательным Я вспомнила своё крещение. Уже тогда я признавала его как смерть, но я не вполне понимала, что это такое Мои отношения с Сореном делали нас обоих такими счастливыми. Было ли это частью той старой жизни, которую я должна была потерять, прежде чем войду в ту новую жизнь, в которую Бог вёл меня'

Я должна была рассказать о своём увольнении и матери, но я знала, что письма не хватит Я подождала Троицы и ненадолго поехала в Брондерслев. В субботу утром, самыми простыми словами, я рассказала матери, что я сделала. Когда я закончила, она некоторое время молчала «Но что ты собираешься делать в Иерусалиме?» — сказала она наконец

«Мама, я задавала этот вопрос себе много раз. И я всё таки верю, что у Бога есть особое задание для каждого человека — и что я найду своё в Иерусалиме »

Я вернулась в Корсор. с ещё большим уважением к своей матери, чем когда-либо Мои новости сильно шокировали её, но она постаралась не сказать ничего такого, что могло бы сделать моё следование тому, что я избрала, более трудным Я начала молиться, чтобы Бог подготовил её к тому времени, когда я буду отъезжать в Иерусалим

Семестр закончился в середине июля Сначала было трудно поверить, что я больше уже не преподаватель. Одним из практических напоминаний об этом факте было то, что я перестала получать чеки с зарплатой Жизнь стала казаться удивительно пустой. Однако, я не могла позволить себе жить прошлыми воспоминаниями Я начала строить планы по путешествию в Иерусалим. В миссионерском журнале, который издавался в Швеции, я обратила внимание на адрес одной шведки, которая жила в Иерусалиме Её звали Ида Густафссон Я решила написать ей и сказать, что я приезжаю в Иерусалим

Ожидая её ответа, я начала продавать свою мебель Мои цены были до смешного низкими, но у меня не было никакого желания торговаться Половину денег я отдала пятидесятникам для приобретения обстановки в их церкви. Отдала я им и своё пианино Остаток денег я отложила на своё путешествие в Иерусалим и на свои расходы по моему приезду туда

Я оставила только кровать, кресло и столик, которые я хотела отдать Вальборг Я знала, что она легко найдёт себе другое место но я дала ей зарплату за месяц вперед «Благодарю вас, мисс, за всё» — сказала она. «Я буду думать о вас каждый вечер, засыпая на кровати — и я буду за вас молиться!»

Однажды, когда я сидела одна в почти пустой квартире, пришла Кристин Сондерби. В дополнение к своей чёрной сумке, с которой она никогда не расставалась, у неё был плоский бумажный пакет «Я пришла не за тем, чтобы покупать» — объяснила она, «я просто хотела принести вам вот это ...»

Развернув свой пакет, она достала картинку без рамки с отрывным календарём, вставленным в разрез внизу На картине был изображён, в пастельных тонах, пастух в Библейском одеянии, в посохе в одной руке, и новорожденным ягнёнком в другой Внизу были слова в готическом стиле «Агнец будет брать на руки и носить на груди Своей» (Исайя 40:11). Кристин неуверенно смотрела на меня сквозь свои толстые линзы «Я всё ещё не понимаю того, что вы сказали мне. но я буду молиться за вас.»

После ухода Кристин, я положила календарь сверху вещей приготовленных мною для отъезда. Это был такой тип сентиментального церковного искусства, который мне особенно неправилен «Но. по крайней мере»—сказала я сама себе, «в Корсоре обо мне будут молиться два человека: Кристин и Вальборг »

В первое воскресенье августа, во время утреннего служения в церкви пятидесятников я познакомилась с ширококостной женщиной с копной волос соломенного цвета, которые были собраны при помощи двух черепашьих гребней. Это была Китти Соренсен, миссионерка из Китая. Она сказала мне, что собирается в обратное путешествие в Китай в начале сентября Мы решили поехать вместе до Египта—на поезде через Европу в Марсель, а затем на корабле в Александрию на северном побережье Египта. Оттуда Китти продолжит своё путешествие на Восток на корабле по Суэцкому каналу, а я завершу свой маршрут на поезде через Синайский полуостров в Иерусалим

Через десять дней я получила ответ от Мисс Густаффсон, шведки из Иерусалима Она очень обрадовалась, узнав о моих планах и предложила встретиться со мной по приезду, если я дам ей знать о том, каким маршрутом я буду следовать Её ответ очень ободрил меня По крайней мере, когда я приеду в Иерусалим, у меня будет, где остановиться Я написала ей ответ, описав свои планы и обещая послать телеграмму из Александрии.

В пятницу, 21-ого сентября, я пошла в бюро путешествий и заплатила за свой билет до Александрии. Из оставшихся денег я отложила самый минимум на свои расходы в Дании до конца месяца, а всё остальное поменяла на туристские чеки на сумму 180 долларов. Вот и всё моё мирское богатство.

В следующий понедельник я послала свой основной багаж в Копенгаген, пока сама села на поезд в Брондеслев Я пообещала своей матери провести вместе с ней последние дни в Дании

В течение первых двух дней мы просто наслаждались обществом друг друга. По молчаливому согласию мы не упоминали события, последовавшие за моим крещением, или неизвестное будущее, ожидавшее меня в Иерусалиме. Наконец, настал мой последний день дома Мама сама нарушила это установленное молчание

«С тех пор, как ты побывала здесь в последний раз, я думала о том, что случилось с тобой, когда тебе было пять лет» — сказала она, мягко раскачиваясь туда-сюда в своём любимом кресле «Ты заболела сильным воспалением лёгким, и я думала, что мы потеряем тебя Я помню, как я стояла у твоей кровати однажды вечером и говорила Богу, что если Он оставит тебя в живых, то ты будешь принадлежать Ему. Возможно, это объясняет события последних двух лет»

«Да, мама, это помогает и мне понять лучше» Я поцеловала её в лоб, затем ускользнула, чтобы сделать последние приготовления для моего путешествия в Копенгаген на следующий день

Когда я вернулась, мама заснула, откинувшись головой на спинку кресла, Я несколько минут стояла молча, наслаждаясь знакомой красотой её черт Она сильно постарела за последний год. Во многом, как я знала, из-за озабоченности обо мне

Вдруг она открыла глаза и посмотрела на меня «Разве это не странно!» — воскликнула она «Я, должно быть, задремала, а потом увидела твоё лицо прямо перед собой Ты выглядела совсем как пятилетняя девочка—с такими длинными золотыми локонами, которые у тебя были тогда С чего бы это мне привиделось!»

«Я думаю. Бог что-то показывает тебе, мама» — сказала я «Он показывает тебе, что я на самом деле не изменилась Я та же самая маленькая девочка, которую ты всегда знала. Только сейчас я начинаю понимать ту истинную цель, которая всегда была у Бога для меня»

За ужином в тот вечер, мама немного заговорила о том, что её беспокоит моё будущее «Но во всяком случае, я рада одному» — добавила она

«Что же это, мама?»

«Я знаю, что у тебя есть кое-какие средства Ты сможешь жить больше года на те деньги, что тебе достались по наследству от отца»

«Не думай об этом, мама, и не беспокойся» — быстро ответила я «Я хочу только, чтобы ты регулярно писала мне и каждый день молилась обо мне» Я была так благодарна, что мама не спросила меня, сколько у меня осталось от отцовского наследства Мне было бы трудно сказать ей, что я отдала все эти деньги на строительство больницы в Конго!

На следующее утро мама и Анна проводили меня на вокзал. Когда подошло время садиться на поезд, мама обняла меня и несколько минут молча держала меня в своих объятиях. Наконец, она сказала: «Ты всё такая же моя малышка, самая лучшая в мире!»

Когда поезд начал отходить, мама бежала рядом до тех пор, пока могла. Потом она достала свой белый кружевной носовой платок и начала махать им Я не сводила с неё глаз, пока она наконец не слилась с фоном. Самое последнее, что я могла видеть, это был белый носовой платок

6 Путешествие

На следующее утро я встретила Китти на центральном железнодорожном вокзале Копенгагена. Сквозь толпу пассажиров, спешащих во всех направлениях, и носильщиков, толкающих тележки с огромными чемоданами, мы пробрались к поезду, идущему на Марсель. Провожать Китти пришло с полдюжины её друзей, и она высунулась из окна, ведя оживлённый разговор, знаки препинания в котором временами проставлял выходящий со свистом пар двигателя. Я стояла в купе за её спиной, стараясь выглядеть оживлённой, но внутренне я остро осознавала, что меня никто не провожал.

«Почему кто-то должен быть?» — напомнила я себе «Китти — миссионер по назначению, и она возвращается на своё поприще. А ты — ненастоящая миссионерка, ты просто.» Я сделала паузу, не сумев закончить фразу, даже в уме. Меня не посылала ни церковь, ни миссионерское общество, так что я не могла быть миссионеркой. Кто же я такая на самом деле?

Прозвучали последние свистки, и поезд отошёл. Китти и я уселись на двух боковых сиденьях, напротив друг друга. «Вот теперь мы на самом деле в пути!» — заметила Китти, поправив свои гребешки. Я снова поймала себя на том, что сравниваю её положение со своим. Она совершала повторное путешествие, возвращаясь на устроенный миссионерский участок в стране, которую она хорошо знала. Но для меня путешествие было первым шагом в совершенно новом и незнакомом мире.

Я попыталась не поддаваться оцепеняющему чувству страха, надеясь, что Китти не подозревает о моих внутренних переживаниях. Непроизвольно я крепче сжала свою сумку: в ней был мой паспорт, билет на судно в Александрию и 180 долларов туристических чеков. В конце концов, я подумала, Китти будет со мной до Александрии, а в Иерусалиме у меня есть Ида Густафссон. Когда наступила ночь, мы пошли в спальный вагон третьего класса. Некоторое время беспощадный стук колёс поезда, бегущего на своём пути на юг, не давал мне заснуть, но наконец я заснула. Вдруг я оказалась перед большим письменным столом. Напротив меня сидел мужчина со смуглой кожей. Он упирался локтями в стол, а руками поддерживал подбородок. Его чёрные глаза неотрывно смотрели на меня, как бы ожидая ответа на вопрос. Не выдержав его взгляда, я отвела глаза и увидела странный предмет, стоявший на углу его стола. Он был сделан из плотной, красной материи, в форме усечённого конуса, а с одной стороны свисала чёрная шёлковая кисточка, закреплённая сверху. Всё ещё чувствуя на себе взгляд мужчины, я попробовала ответить на его вопрос, но у меня пересохло в горле, и не было слов.

Вдруг поезд накренился, и шторы купе взметнулись перед моими глазами. Я поняла, что видела сон. Но это понимание не устранило эмоциональное впечатление от видения. Я не могла забыть ни смуглых черт и взгляда чёрных глаз мужчины за столом, ни странный красный головной убор с чёрной шёлковой кисточкой. Я не могла избавиться от чувства смущения и беспомощности. Заснуть я смогла только через час.

На следующий день я рассказала Китти о своём сне, но она точно также не поняла его как и я — кроме того, что красный предмет напоминал тюрбан, который носят чиновники в Египте.

Стало легче, когда поезд наконец приехал в Марсель. Китти и я знали всего лишь несколько слов по-французски, но нам удалось поймать такси и доехать до маленькой гостиницы недалеко от порта. Нам предоставили пустую комнатку с двумя кроватями. «Не очень-то и чисто» — заметила Китти, «но это вполне сойдёт на пару ночей, пока мы не сядем на корабль, идущий в Александрию.»

На следующее утро мы пошли в контору Томаса Кука, чтобы подготовить всё для посадки на судно, которое должно было отплыть на следующий день. На своём несовершенном английском

я объяснила клерку, что я собиралась сойти в Александрии, и он попросил меня показать мой паспорт. «Если вы хотите сойти в Египте, вам нужна виза от Египетского правительства. Вам не разрешат сойти с судна без неё» — сказал он.

«Где я могу получить эту визу?» — спросила я. Клерк дал мне адрес египетского консульства.

Оставив Китти в конторе Кука, я сама села на такси и поехала в консульство. После небольшого ожидания, меня пригласили пройти в кабинет консула,

«Доброе утро, мадам» — сказал он по-английски. «Чем могу быть полезен?»

«Доброе утро» — начала я, но слова застряли у меня во рту. Передо мной за столом сидел тот самый мужчина, которого я видела во сне в поезде две ночи тому назад. Вне всякого сомнения, это были те же самые смуглые черты и чёрные глаза, в упор смотревшие на меня. Автоматически я посмотрела на дальний угол стола, но даже до того, как я это сделала, я внутренне была уверена, что там увижу. Так оно и было! Там был странный головной убор

красного цвета с чёрной шёлковой кисточкой! Все детали были точно такими, как я видела их во сне

С усилием я перевела свой взгляд снова на консула, чувствуя, что он всё ещё ожидает от меня ответа на свой вопрос. Наконец, я заставила себя сказать: «Мне нужна виза Я еду в Палестину, и мне нужна виза, чтобы сойти на берег в Палестине » Я покопалась в своей сумке, затем достала свой паспорт и дала его консулу

Он просмотрел мой паспорт и сказал: «Мы не можем дать вам визу здесь Мне придётся писать в Каир »

«Но — на это не уйдёт много времени?»

«Примерно две недели Может быть, больше »

«Две недели! « — воскликнула я «Но я не могу ждать две недели, моё судно отходит завтра » Я начала чувствовать то же самое, что и во сне, только намного сильнее. У меня в горле пересохло, а горло стало как свинцовое «Помогите мне, пожалуйста!»

«Мадам, я ничего не могу сделать » Взгляд чёрных, беспощадных глаз не покидал меня

«Но вы не понимаете!» — сказала я «Если я не сяду на это судно, я останусь здесь в Марселе — сама по себе Я здесь никого не знаю. Я просто ..» Я почувствовала, как мои глаза наполняются слезами, и замолчала

«Повторяю, мадам, я ничего не могу сделать.» Консул протянул мой паспорт Как загипнотизированная, я взяла паспорт из руки консула и вышла из кабинета,

Я постояла несколько минут на тротуаре, пытаюсь взвесить обстановку. Наконец, так ничего и не придумав, я села на такси и поехала в контору Томаса Кука Кити не было видно Она, наверное, всё сделала и вернулась в гостиницу.

Я рассказала клерку, что случилось в египетском консульстве. «Без визы вы не можете сесть на судно, идущее в Александрию» — сказал он. «Я могу вам только посоветовать сесть на судно, которое идёт из Марселя в Тель-Авив»

При упоминании Тель-Авива моё сердце забило быстрее. Изучая карту в Корсоре. я знала, что это порт на берегу Палестины, который был даже ближе к Иерусалиму, чем Александрия «Есть ли какое-то судно, которое отходит в ближайшее время?»— спросила я

Клерк посмотрел в расписание «Через неделю отходит французское судно» — сказал он. «Порт назначения Тель-Авив. Но на своём пути оно будет заходить в разные порты Мы можем достать вам билет на это судно »

«Сколько будет стоить проезд отсюда до Тель-Авива?» «Клерк снова посмотрел в расписание: «Сорок шесть долларов » «Могу ли поменять свой билет с судна на Александрию на судно в Тель-Авив?»

«К сожалению, мадам» — ответил клерк, «но мы не имеем права обменять или возместить ваш билет в Александрию.»

Наверное, у меня не было выбора. Мне нужно было купить билет на французское судно, идущее в Тель-Авив. Я вынула портмоне с туристическими чеками и внимательно отсчитала 70 долларов Я заплатила 46 долларов за билет, а остальные поменяла на французские деньги. Если мне удастся тратить не больше 4-х долларов в день, то хватит на эту неделю, которую я вынуждена буду провести в Марселе. Но моё портмоне с туристическими чеками стало жалко тонким, когда я положила его обратно в сумку. У меня уже не было больше трети моих денег!

Вернувшись в гостиницу, я рассказала Китти, что случилось, Когда я закончила свой рассказ, она немного помолчала, поправляя свой черепаший гребень. Наконец, она нарушила молчание: «Нелегко понять, почему Бог допускает подобные вещи, но, по крайней мере. Лидия, ты можешь быть уверена в одном — Бог тебе показал заранее, что должно было случиться »

«Значит, ты считаешь, что мой сон действительно был от Бога?»

«Конечно. Если Бог показывает тебе заранее все подробности ситуации, которая тебе предстоит, тогда ты знаешь, что Он держит эту ситуацию под контролем, как бы ни расстраивались твои планы »

Я охотно приняла объяснение Китти. Это был как бы пресловутый луч надежды в тёмном облаке разочарования Мой ум начал приспосабливаться к новой ситуации Я пошла к расштанному столу возле окна и написала письмо Иде Густафссон. той шведке, которая обещала встретить меня по прибытии в Палестину, объясняя неожиданные перемены в моих планах Я написала ей название того французского судна, на которое у меня было забронировано место, с указанием ожидаемого времени прибытия в Тель-Авив. Сможет ли она встретить меня там, хотя это далеко? Получить от неё ответ здесь в Марселе я не успею.

Китти пошла вместе со мной на почту Чиновник, который говорил по-английски, сообщил нам, что недавно ввели авиапочту в Палестину. Это давало моему письму возможность дойти до мисс Густафссон вовремя С почты мы пошли погулять возле порта, останавливаясь, чтобы поглазеть в витрины магазинов, и переводя французские франки в датские кроны

На следующий день после ланча я проводила Китти на корабль и помогла ей донести ручной багаж в каюту. Там было только две койки, и одна из них, над койкой Китти, была свободной Несомненно, это было то место, которое должна была бы занять я. Когда Китти разместила свой багаж, мы преклонили колени возле койки Китти и предали друг друга Божьему попечению и покровительству

В 4 часа дня прозвенел гонг, предупреждая, что все посетители должны сойти на берег На палубе Китти обняла меня в последний раз и подождала, пока я сойду на берег Стоя на причале, я видела её на палубе Она сложила руки рупором, видимо, пытаясь мне что-то сказать, но мы были слишком далеко друг от друга, и я не слышала

Наконец, с несколькими звуками сирены и облаками тёмного дыма, вылетающими из труб, пароход начал медленно отходить Я махала Китти столько, сколько я могла видеть её, но через несколько минут корабль поменял курс, и я потеряла её из виду Я всё ещё следила за судном, пока оно выходило из порта в открытое море Наконец, оно превратилось в чёрный силуэт на фоне неба, освещённого последними лучами дневного света

Вдруг меня охватило чувство страшного одиночества. Расставшись с Китти, я потеряла последний контакт с Данией. Я была в чужом городе, где я никого не знала и не понимала языка Меня ожидали только шесть дней в весьма пустынной гостиничной комнате. До того момента, я не представляла себе, что такое на самом деле одиночество. Теперь же одиночество сошло на меня как сырой сумеречный воздух Я задрожала

Мои мысли вернулись к Дании. А что сейчас делала мама? Я представила себе, как она мягко раскачивается в своём кресле, в такт с ритмическим звуком вязальных спиц в руках. Так привычно было услышать её голос: «Моя маленькая девочка, разве ты не видишь, что уже стемнело? Немедленно возвращайся в гостиницу!»

Я вдруг поняла, что на самом деле стемнело Дома, в северном климате Дании, я никогда не замечала, чтобы темнело так быстро. Но вот я оказалась совершенно одна в незнакомом городе Я начала идти обратно в Марсель как можно быстрее

На полпути в гостиницу я услышала за собой тяжёлые шаги. Затем грубый голос что-то сказал по-французски, и я почувствовала на своём бедре руку мужчины Инстинктивно, я повернулась и сказала по-датски: «Оставьте меня в покое!»

Передо мной стоял плотный мужчина в матросской форме. В течение мгновения, которое показалось вечностью, я почувствовала запах алкоголя из его рта Моё сердце бешено колотилось. Затем он передёрнул плечами и убрал свою руку

У меня возникло сильное желание побежать, но я не осмелилась показать, как мне было страшно Я прошла метров пятьдесят и снова оглянулась Мужчина всё ещё смотрел в моём направлении, но не пытался преследовать меня. Пять минут спустя, с румянцем на щеках и запыхавшись, я вернулась в гостиницу

Я опустилась вниз возле кровати и попыталась молиться, но не находила слов. Из моего горла вырывались рыдания. Наконец, я успокоилась, и наступила глубокая внутренняя тишина Время как бы остановилось. Не было ни прошлого, ни будущего Я повисла в вечном «сейчас»

После неизмеримого периода внутренней тишины, с моих губ спонтанно начали сходить слова на незнакомом языке С удивлением я поняла, что я не проговаривала их, но пела—с мелодией, напоминающей средневековые церковные распевы. Хотя я не понимала слов, я была уверена в теме. Это было поклонение и радость, даже триумф Я встала с коленей и начала ходить, с поднятыми руками и словами распева на устах

К тому времени я уже привыкла говорить на незнакомом языке. Фактически, я делала это всякий раз, когда молилась. Но вот в первый раз Дух Святой дал мне не просто слова, которые я не понимала, но и мелодию, которую я никогда не слышала Конечно, это было ещё одним доказательством, если доказательство и было нужно, что всё это не было плодом моего ума. И действительно, своим умом я всё ещё не понимала, почему это я славилла Бога таким триумфальным пением в этой пустой маленькой комнате. Внешне ничего не изменилось, и тем не менее внутренне, страх и одиночество уступили место миру и радости.

Я взяла свою Библию, лежавшую на ночном столике, намереваясь ещё раз прочитать мой любимый стих из Римлян, который начинался словами: «Так же и Дух подкрепляет нас в немощах наших» Однако, мой взгляд упал на стих через один: «Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, всё содействует ко благу» (К Римлянам 8:28)

Призванным по Его изволению эти слова относились ко мне! Покинуть Данию и предпринять это путешествие меня побудил Бог. Я старалась найти и исполнить Его цель для своей жизни. Но если так. Тогда всё, что произошло со мной, было мне на пользу! Разочарование, задержка, непредвиденные расходы, одиночество—всё это было допущено моим Небесным Отцом для моего блага!

Вот действительно повод для прославления и радости — такое объяснение мой ум мог понять. Но, по порядку Божьему, мой Дух начал радоваться прежде, чем мой ум понял, почему

На протяжении оставшегося времени в Марселе мой гостиничный номер стал местом моего молитвенного уединения. Он больше не казался ни пустым, ни одиноким Он стал дышать святостью. Каждый день я проводила там целые часы, по очереди то прославляя, то молясь— иногда говоря, иногда распевая — иногда на незнакомом языке, иногда на моём родном.

В такой атмосфере молитвы я начала понимать те многообразные способы, которыми Бог защищал меня и заботился обо мне. Через сон в поезде Он показал мне, что Он знает будущее, вплоть до мельчайших подробностей, хотя я этого и не знала. Затем в момент одиночества на пристани Он заговорил со мной голосом матери. Разве можно было яснее показать нежность Его любви ко мне? Наконец. Он защитил меня от человека на улице

Более того, я поняла, почему Бог допустил изменения в моих планах. Многие годы я была столь уверена в себе, столь сильна своей собственной мудростью и рассуждениями. Это сослужило хорошую службу в моей учительской карьере, но было препятствием в моей новой жизни верой. Теперь же с меня была совлечена моя самонадеянность, и я зависела от милости и верности Божией. Мне больше не нужно было зависеть от моих собственных суждений в планировании каждого предстоящего шага Я была согласна вложить свою руку в руку Божию и позволить Ему вести меня, день за днём, шаг за шагом.

Французское судно отплыло точно в полдень, в понедельник 8-го октября 1928 Я оставалась на палубе, наблюдая, как очертания Марселя пропадали за горизонтом. Как это было увлекательно снова оказаться на пути в Иерусалим! Но я знала, что уроки, усвоенные в Марселе, оправдывали время, которое я там провела

Я сразу же узнала, что на корабле никто не понимал по-датски, это означало, что мне предстояло каждый день говорить по-английски Большинство членов команды были французами, а большинство пассажиров — арабами из различных районов Ближнего Востока, и почти все говорили по-английски. Если временами мои английские фразы казались им странными или же мой сильный датский акцент было трудно понять, они вежливо не показывали это

Я подружилась с одним торговцем из Аммана, который начал учить меня арабскому языку. Это был первый араб, которому я попыталась засвидетельствовать о своей вере

«Как на арабском говорят имя Иисуса?» — спросила я его

«Я-су-а» — ответил он

«А как называется вот это» — спросила я, прикасаясь к двери.

«баб» — ответил мой друг

Я уже знала, что по-арабски Бог был Аллах

«Я-су-а баб Аллах» — сказала я ему, показывая на небо «Иисус—дверь к Богу »

Он вежливо улыбнулся и кивнул головой.

Наше путешествие на восток было спокойным Мы заходили в различные порты на северном побережье Средиземного моря, а также в один порт на Эгейских островах Многие названия напоминали о миссионерских путешествиях Павла

Большую часть времени я проводила, изучая карту Святой Земли, купленную в букинистическом магазине в Дании Я заметила, что главная дорога из Тель-Авива вилась на восток через горы в Иерусалим Согласно шкалы на карте, расстояние было примерно восемьдесят километров Больше всего гор было возле Иерусалима Мне вспомнились слова псалмопевца: «Горы окрест Иерусалима, а Господь окрест народа Своего отныне и вовек» (Пс 124:2)

Наш корабль пришвартовался в Тель-Авиве в четверг после полудня. 18-го октября Стоя у поручня судна, я впервые увидела Святую Землю вблизи. Гавань подо мной была завалена клетками и тюками, между которыми бегали моряки и носильщики, жестикулируя и крича друг на друга на языке, который я приняла за арабский. Напротив стоял длинный растянутый навес с надписью: Таможенная и иммиграционная служба Внизу были надписи на языках, мне незнакомых. Может быть, на арабском и на иврите?

Встав на цыпочки, я взглянула, поверх крыши навеса, на разношерстную толпу, стоявшую на открытом участке песчаной земли. Была ли там мисс Густафссон? Определить было трудно.

Один из матросов помог мне снести багаж с судна под таможенный навес. Моё первое интервью было с офицером службы иммиграции. «Вы из Дании?» сказал он. «Туристка?» Я кивнула.

Он пролистал мой паспорт, затем поставил печать на свободном пространстве «Я поставил вам туристическую визу— действительную шесть месяцев» — объяснил он. В углу печати, я заметила слова маленькими буквами БЕЗ ПРАВА НА РАБОТУ

Затем таможенный офицер попросил меня открыть два главных предмета моего багажа — чемодан с одеждой и плетёный сундук с постельным бельём и несколькими принадлежностями серебряного ффраже и кухонной посуды. Покопавшись немного в сундуке, офицер пометил оба места багажа синим мелком и разрешил мне идти.

Через минуту я оказалась на улице, с багажом возле ног. Первое, что бросилось мне в глаза, это был мужчина в разорванной тунике, который лежал у стены навеса Кожа на его ногах была изъедена открытыми ранами. Заметив, что я смотрю на него, он протянул ко мне руку, которая заканчивалась красным, грубым обрубок. Он монотонно бубнил одно и то же слово "Бакшиш—бакшиш—бакшиш •

Я не могла не смотреть на раны и обрубок руки Могла ли это быть проказа? Прямо здесь, на открытом воздухе, без всякой повязки и с роящимися мухами! Я открыла сумку, чтобы достать монету, и поняла, что у меня были только французские деньги

Не успела я решить, что же делать дальше, как меня обступили оборванные уличные мальчишки, одновременно оружие и жестикулирующие. Один тыкал мне в лицо открыткой, другой держал поднос с безделушками и сувенирами, третий склонился у моих ног, готовый почистить мои туфли. Краем глаза я заметила высокую пожилую женщину, с седыми волосами стального цвета, которая спешила в нашем направлении «Она похожа на шведку» — подумала я про себя.

«Вы мисс Кристенсен из Дании» — сказала эта дама по-шведски, умело оттолкнув мальчишек в сторону

«Да» — ответила я по-датски, «я Лидия Кристенсен. А вы, наверное, мисс Густафссон. Как это любезно с вашей стороны встретить меня!»

«Добро пожаловать на Святую Землю!» — сказала мисс Густафссон, пожимая мою протянутую руку своими костлявыми пальцами «Как прошло ваше путешествие!» Не дожидаясь моего ответа, она продолжила: «Если мы хотим попасть в Иерусалим сегодня, то нам нельзя терять времени. Подождите здесь с вещами, пока я найду такси.»

Ожидая возвращения мисс Густафссон, я наблюдала за открывающейся передо мной картиной — прокажённый, оборванные мальчишки, рой мух, песок с валяющимися то тут, то там пустыми банками и гниющими фруктами. Над всем этим стоял лёгкий и незнакомый запах, от которого меня немного мутило Самым неподходящим названием для этого было «Святая Земля »

Скоро Мисс Густафссон вернулась с такси. Последовал длинный разговор на арабском языке между нею и водителем Я поняла, что они спорили о цене поездки в Иерусалим Они говорили так, как будто были сердиты Я подумала, что дело может дойти до драки, но в конце концов, они достигли соглашения «Может быть, для

арабского языка это нормальный разговор?» — задала я вопрос сама себе

Водитель засунул мои принадлежности в багажник, и мы отправились в Иерусалим Мы покидали окрестности Тель-Авива при наступлении темноты. Опять-таки наступление темноты застало меня врасплох, как это было в Марселе, Вот сияло солнце, а через несколько минут всё потемнело

Я обратила внимание, что как только стемнело, улицы опустели. Даже когда мы проезжали по улицам с домами с обеих сторон, на улице не было никого видно. После Тель-Авива, я не заметила никакого общественного освещения, даже в городах.

Когда мои глаза привыкли к темноте, я увидела, что все окна защищены деревянными ставнями. Иногда сквозь щели в ставнях пробивались слабые лучи света, но этот слабый свет только усиливал, а не рассеивал, окружающую тьму Я невольно сравнила это с яркостью и безопасностью любого даже маленького датского городка ночью, и я заскучала по дому.

«Почему на улице никого нет» — спросила я

«О, все сидят дома после захода солнца!»—воскликнула мисс Густафссон «Ведь могут и напасть и ограбить, или даже убить!» Она засмеялась высоким нервным смешком

«Разве здесь нет полиции для защиты населения?» — спросила

«Полиция есть, по британскому образцу, и весьма надёжная, в колониальном смысле. Но если на вас нападут на улице ночью, они скорее всего сделают вид, что в этом виноваты вы

сами, выйдя на улицу в столь неподходящее время! Наследство со времён турецкого владычества.» И снова этот напряжённый смешок!

Дорога начала закручиваться наверх, и я стала различать темные очертания гор с обеих сторон. «Мы должно быть начинаем взбираться в Иерусалим» — подумала я Пульс у меня стал немного учащённее

Спустя некоторое время мы поехали по дороге, которая, как казалось, всё время, возвращалась назад «Эти повороты известны как Семь Сестёр» — объяснила мисс Густафссон «Мы совсем недалеко от Иерусалима »

С одной стороны был горный массив, а с другой — крутая пропасть Водитель поворачивал всякий раз чуть ли не возле самого края дороги Каждый раз. когда мы поворачивали, машина гремела и раскачивалась, и шины издавали запах палёной резины Время от времени мисс Густафссон наклонялась вперёд и заговаривала с водителем «Швоя —швоя.»—говорила она «Швоя — швоя!»

Затем она повернулась ко мне и объяснила «Это самое первое слово, которое вам нужно выучить, если вы едете на такси в этой стране Оно означает- медленно- или «осторожно Я повторила эту фразу несколько раз про себя, чтобы воспользоваться ей в будущем

Я устала за этот день и начала дремать Меня разбудила мисс Густафссон. которая сказала; «Это пригород Иерусалима » Я сразу же проснулась «Мы на дороге в Яффу» — добавила мисс Густафссон. «По ней мы попадём прямо в центр города »

Воздух был тихий, а небо безоблачное К этому времени можно было видеть месяц новолуния, который прибавлял немного света к сиянию десятков тысяч звёзд, и очертания домов были видны удивительно ясно

«Как всё спокойно!» — заметила я «А дома кажутся такими основательными!»

«Они действительно прочные»—ответила мисс Густафссон. «Они построены из тёсаного камня В пределах города разрешается строить только из него.» Она наклонилась вперёд и что-то сказала водителю по-арабски «Я попросила его поехать немного другим путём» — объяснила она «Мы поедem в северную часть Старого Города и вдоль западной стены—мимо ворот на Яффу. Это будет хорошим знакомством с Иерусалимом.»

Чуть дальше, дорога стала шире «Площадь Алленбай»— объяснила мисс Густафссон. «Вон та тёмная масса камня прямо перед нами — стена Старого Города »

Я прищурилась, чтобы рассмотреть ряды тёсаного камня, поднимающиеся в виде изломанной линии на фоне ночного неба Такси сделало вираж вправо, и примерно четыреста метров мы ехали вдоль тёмной стены слева от нас «Какое странное сочетание тишины и силы»— подумала я. «Начинаешь чувствовать себя почти захватчиком »

Мисс Густафссон дотронулась к моей руке и показала налево «Слева от нас Башня Давида»—сказала она. «Там ворота на Яффу Но, конечно, они закрыты после захода солнца »

Вскоре после этих ворот такси повернуло направо, переехало через мост и две или три возвышенности. «Это Талбих—район, где я живу»—сказала мисс Густафссон Она снова обратилась к водителю по-арабски

Наконец, мы остановились перед узким прямоугольным зданием Водитель выставил мой багаж на тротуар, и мисс Густафссон отсчитала немного денег в его руку. Ни снаружи, ни внутри здания не было ни лучика света, но мисс Густафссон свет и не был нужен. Подхватив мой чемодан, она пошла к массивной железной двери, на уровне с тротуаром Я пошла вслед за ней, обеими руками держа впереди себя плетёный сундук

Мисс Густафссон вытащила из сумки большой железный ключ и открыла дверь Пошарив немного в коридоре, она нашла несколько спичек и зажгла керосиновую лампу. Держа лампу в левой руке, она повела меня в гостиную. На полу лежал потрёпанный коврик Мебель была в викторианском стиле, тёмная и пыльная Воздух был спёртый и отдавал каким-то неопределённым запахом, который напомнил мне комиссионный магазин

«Моя спальня вон там» — сказала мисс Густафссон. показывая на полуоткрытую дверь на другом конце «Вам я постелю здесь на диване »

Она достала две узкие простыни и постелила их поверх дивана Затем она накрыла их вылинявшим покрывалом из лоскутков Я ничего не ела и не пила с ланча, и мне очень хотелось пить

«Можно ли мне выпить стакан воды?» — спросила я

Мисс Густафссон посмотрела на меня, как будто я попросила что-то совершенно неуместное «Вода?»—сказала она «Конечно, нельзя! Вода заражена Если вы её выпьете, вы заболеете »

Ну, да ладно Я так устала, что могла уснуть и невзирая на жажду «Может быть, открыть окно» — предложила я «Здесь так душно »

И снова мисс Густафссон бросила на меня такой взгляд своих чёрных глаз, который усиливал значение её слов «Открыть окно?»— сказала она «Да ни за что! Вползут змеи!»

По моей спине прошли непроизвольные судороги «Неужели здесь есть змеи»
«Конечно! И это ещё не всё!»

В конце каждой ремарки раздавался этот странный, пронзительный смешок Он начал действовать мне на нервы «Зараженная вода! Змеи, заглядывающие в окна!» — сказала я про себя «Что же ещё» Но мне было так неприятно, что я не стала задавать других вопросов

Как только я вытянулась на диване, мисс Густафссон пошла в свою комнату, взяв с собой лампу Я услышала, как через несколько минут она погасила лампу

Я лежала в темноте, тщетно стараясь не обращать внимания на блюдо на столе в углу комнаты я видела гранат. О, если бы я могла очистить его и сделать один- два глотка сока, то я бы дотянула до утра. Я украдкой встала с дивана и на цыпочках пошла к столу. Когда я протянула руку за гранатом, я зацепила рукавом своей ночной рубашки глиняную вазу на ближайшем углу стола. Она упала на каменный пол с резким грохотом и разлетелась на кусочки. Из спальни раздался душераздирающий крик, и через мгновение я заметила очертания мисс Густафссон в длинной белой ночной рубашке на фоне черного проёма двери спальни.

«Воры!» — закричала она «Воры! Грабят!»

«Нет, мисс Густафссон» — попыталась я её успокоить, «никто никого не грабит Я пыталась что-то взять со стола и разбила вазу. Извините!»

«О, это вы!» — сказала она «Благодарение Богу! Я забыла, что вы здесь.»

Она вернулась в свою комнату, а я продолжила шарить, пока не нашла этот гранат. У меня не было ножа, чтобы разрезать его, но я впиалась ногтями в кожуру, и мне удалось разломать его при помощи ногтей и высосать немного кисловатого сока

Я вернулась на цыпочках к дивану и легла. Хотя я и устала, но я не могла расслабиться. Я думала о мисс Густафссон Были ли её страхи реальными? Или же это были просто фантазии ума, повреждённого многолетней жизнью в одиночестве в Иерусалиме? Сколько же выдержат мои нервы

В то же время было совершенно ясно, что условия мисс Густафссон были рассчитаны только на одного человека. Её узкий, набитый соломой диван не мог заменить кровати

Я начала непроизвольно молиться. «Господи! Если у Тебя есть ещё одно мест о— то, которое Ты выбрал для меня — пожалуйста, приведи меня туда побыстрее!»

Но с чего же я могла даже начать поиски! Кроме мисс Густафссон я не знала ни имён, ни адресов во всём городе. На меня сошло облако тёмных чувств—одиночество, тоска по родине, незащищённость — всё это соединённое затхлым воздухом гостиной мисс Густафссон. Наконец, я заснула беспокойным сном Но во сне я увидела себя, едущей в такси по дороге с сумасшедшими поворотами, преследуемая кричащей фигурой в белом; «Воры! Воры! Воры!»

7 Иерусалим

Утром я обратила внимание, что мисс Густафссон тщательно кипятила каждую каплю воды, которую мы пили, но кофе, который она подала на завтрак, наконец, облегчил мою жажду Я намеревалась съехать с её квартиры как можно скорее но не имела ни малейшего представления, куда Я вспомнила свою молитву накануне вечером Действительно ли я верила в то, что Бог быстро покажет мне, где я должна жить?

«Мисс Густафссон» — сказала я, когда мы позавтракали, «Мне нужно рассчитаться с вами за такси и другие вчерашние расходы. Не скажете ли, где я могу получить наличные за туристические чеки»

«Самое лучшее место — банк Баркляя» — ответила она. «Он находится на площади Алленбай Мы проезжали вчера Мне и самой нужно кое-что сделать там »

Солнце на безоблачном небе сильно пекло, когда мы отправились в банк. С самого начала я решила узнать как можно больше о том городе, куда Бог привёл меня — хотя я всё ещё не знала, что Он здесь приготовил для меня

«Как сухо и пыльно всё смотрится!» — прокомментировала я

«У нас не было дождя с апреля месяца» — ответила мисс Густафссон. «но на следующий месяц ожидаются сильные дожди—то, что в Библии называется "первым дождём"»

Примерно в пятидесяти метрах от нас на пустынном участке возле дороги паслось небольшое стадо овец и коз. За ними наблюдал опирающийся на посох молодой человек в длинной белой тунике. От солнца его защищал красно-белый шарф, держащийся на голове при помощи чёрного шнура

Этот молодой человек выглядел удивительно знакомым. Но я знала, что никогда не видела его раньше. Вдруг у меня захватило дыхание, и я остановилась, как вкопанная. Я вспомнила своё видение и мужчину на скале Шарф на голове молодого человека был пёстрым, а не чисто белым, и шнур был чёрным, а не золотым. Но во всех других деталях, одежда была очень похожа. Мне было тяжело сдержать возбуждение. Это на самом деле была страна, которую Бог показал мне в видении!

«Это традиционное арабское одеяние» — сказала мисс Густафссон, заметив мой интерес. «Большинство мужчин арабов всё ещё носят одежду в таком стиле, но некоторые начинают носить костюмы по западной моде.»

Мы подошли к широкой дороге с указателем на одном углу — «ПРОСПЕКТ КОРОЛЯ ДЖОРДЖА V» — «Это главная улица, которая идёт с севера на юг через Новый Город» — сказала мисс Густафссон. Я обратила внимание, что в этом районе большинство людей одеты по европейской моде. В радиусе пятидесяти метров я слышала отрывки разговоров на нескольких европейских языках, а также на одном или двух, которые звучали как восточные.

«Еврейские иммигранты» — объяснила мисс Густафссон. «Их стало больше после войны, и это вызывает гнев арабов. Напряжённость всё время возрастает. Скоро будет взрыв.»

Через десять минут мы попали на площадь Алленбай. При ярком солнечном свете стена Старого города была менее чужой и таинственной, а пространство возле неё было заполнено шумной деятельностью. Но всё равно в ней была некая молчаливая и неизменная сила.

Когда мы вошли в банк, меня начали одолевать сомнения, на какую сумму обменять свои туристические чеки. Мне было так неприятно, что деньги таяли так быстро. Наконец, я обменяла сорок долларов, на которые я смогла приобрести примерно десять палестинских фунтов. Я отдала четыре фунта мисс Густафссон (примерно пятнадцать долларов) за такси и за другие расходы по её путешествию в Тель-Авив и очень поблагодарила её за всё, что она сделала для меня. После этого у меня осталось наличными шесть фунтов (чуть меньше двадцати пяти долларов) и шестьдесят долларов туристических чеков. На сколько же мне этого хватит?

Когда я сделала всё, что было нужно, мисс Густафссон занялась своим вопросом. У неё были какие-то проблемы с переводом из Швеции. Поджидая её, я вышла на ступеньки банка, чтобы понаблюдать за людьми на улице. Может быть, среди них будет женщина с кувшином на голове.

Почти сразу же я увидела одну женщину на противоположной стороне площади, в тени стены. Она одной рукой поддерживала кувшин на голове. Эта самая? Я внимательно осмотрела все детали её одежды и внешности. Конечно, она была одета в том же стиле, но у неё не было шарфа вокруг бёдер. Кроме того, у женщины на скале был более светлый цвет лица, и она была намного моложе. Возбуждение перемешалось с разочарованием. Несомненно, я попала в эту страну, но я ещё не видела той женщины.

«Простите, что заставила вас ждать!» — сказала мисс Густафссон, подойдя ко мне через некоторое время. «Я вернусь домой другим путём. Мне нужно посетить одну миссионерку в Абу Тор.» Она показала в направлении на юг. «Её зовут Лорна Ратклифф. Мы обе отвечаем за еду на ежемесячном миссионерском собрании.»

Своей размашистой походкой мисс Густафссон направилась прямо с площади Алленбай туда, где дорога на Яффу поворачивала на юг вдоль западной стены Старого Города. Мне приходилось почти бежать, чтобы успевать за ней. Скоро мы очутились в потоке людей и животных, идущих по всей ширине дороги. Ослики и верблюды, ужасно нагруженные мешками и ли плетёными корзинами, безжалостно толкали нас. Мужчины, которые вели их, немилосердно погоняли их палками и грубо кричали, что звучало, как проклятие. Часто можно было видеть мужчин, сгорбившихся от грузов, которые я бы сочла излишне тяжёлыми и для осла.

«Это дорога на рынок в Старый Город» — сказала мисс Густафссон.

В этот момент тук на проходящем мимо осле так сильно ударил меня в спину, что я чуть не упала. «Видно, принцип "Пропустите вперёд женщину" не действует в этом районе земного шара» — сказала я.

«О, да!» — фыркнула мисс Густафссон. «Всё как раз наоборот. Видите того мужчину с тростью в руке — а позади него женщину с большим узлом на голове? Вот какой порядок в этой стране! Мужчина безмятежно идёт впереди, а женщина следует за ним, неся всё!»

«Почему у неё эта чёрная вуаль на лице?» — спросила я.

«Потому что она мусульманка» — ответила мисс Густафссон. «Считается неприличным, если мусульманская женщина показывает свое лицо на людях.»

При дороге стоял мужчина с большим медным кувшином, прикрепленным к спине. Через плечо у него выдавался длинный, изящный носик кувшина. В одной руке мужчина нёс металлическую чашку, а в другой две маленькие медные тарелки. Он постоянно барабанил пальцами по этим тарелкам. Этот громкий металлический звук рекламировал его присутствие. Одновременно он кричал «Моя баридех! Моя баридех!»

«Холодная вода» — объяснила мисс Густафссон «Он продаёт питьевую воду»

В этот момент к мужчине с кувшином подошёл покупатель. Продавец быстро наклонился вперёд и проворно налил в металлическую чашку тонкую струю воды, которую он выталкивал из кувшина движениями своего тела. Затем он дал чашку покупателю и в обмен получил немного металлических монет. Я посмотрела, вытрет ли он чашку для следующего клиента, но этого не случилось. Вообще сама идея продажи воды была для меня совершенно новой. Это придавало дополнительный смысл Христову обещанию дать «воду жизни даром» всем, кто жаждет (см Откровение 22.17)

Когда мы дошли до ворот на Яффу, большинство людей свернуло в Старый Город. Мы немного подождали, наблюдая, как они устремляются через ворота подобно потокам широкой реки, сдерживаемой узким проливом. Затем мы пошли на юг, минуя справа мелкое озеро коричневой воды. Мисс Густафссон на минуту обернулась назад и показала на южную стену Старого Города «Это гора Сион» — сказала она, «но, конечно. Сионом часто называется весь город. Это слово берёт своё начало со дней Давида»

Примерно через полкилометра мы повернули налево и пошли по пыльной дороге, которая вилась по крутому возвышению к кучке домов наверху «Здесь живёт мисс Ратклифф» — сказала мисс Густафссон. остановившись возле двухэтажного дома с плоской крышей. Она пошла по короткой лестнице и громко постучала по железной двери. Дверь открыла смуглая женщина в длинном, закрытом платье, которое ниспадало свободными складками на её босые ноги. Она обменялась приветствиями на арабском языке с мисс Густафссон и повела нас через широкий вестибюль в комнату, которая была обставлена частично как контора и частично как гостиная.

Из-за деревянного письменного стола поднялась седая женщина маленького роста и поздоровалась с нами. Ей можно было дать лет под шестьдесят. На ней было платье с длинными рукавами из тёмно-серой ткани, которое полностью закрывало её от шеи до щиколоток. Единственным светлым пятном на сером фоне был узкий, накрахмаленный белый воротничок и белые манжеты.

Мисс Густафссон представила нас друг другу «Мисс Ратклифф, познакомьтесь с мисс Кристенсен. Она только что приехала из Дании»

«Из Дании? Что привело вас в Иерусалим из таких далёких краёв?» — голос мисс Ратклифф был мягким, но удивительно глубоким. «Вы — миссионерка?»

«Ну, не совсем. Но я верю, что Бог привёл меня в Иерусалим для какой-то цели...» Я подождала, думая о том, прозвучало ли это столь же глупо для мисс Ратклифф, как для меня самой. «Где вы остановились — в гостинице или у друзей?» «Мисс Густафссон очень любезно предложила мне провести эту ночь у неё на диване, но у меня ещё нет своего жилья.»

Глаза мисс Ратклифф оцезающе посмотрели на меня. «У меня есть пустое подвальное помещение. Не хотите ли взглянуть?»

Как во сне я проследовала за мисс Ратклифф в них по лестнице, ведущей в подвал. Она открыла дверь и провела меня в большую комнату с каменными стенами и полом. Я задержалась в двери и быстро осмотрелась вокруг. Для того чтобы оценить все детали, не нужно было много времени. Стены и пол были совершенно пустыми, но за двумя деревянными дверями угадывалась какая-то кладовка. Вся мебель состояла из четырёх предметов — кровати и тумбы слева, и стола и стула справа. В дальнем конце была железная дверь, а слева от двери окно с массивной решёткой, через которую я увидела очертания каменной лестницы.

Когда я осматривала эти детали, меня наполнило тёплое сияние. Это было точно такое же ощущение, которое было у меня в Корсоре. Когда я начала молиться о поездке в Иерусалим. Говорил ли мне

Святой Дух: «Горячо!»

Внутреннее тепло странно контрастировало с голыми стенами вокруг меня. Было ли это на самом деле то место, которое Бог приготовил для меня? Я вспомнила свою молитву накануне вечером. Я просила Бога показать мне, куда направиться — и быстро. Если это был Божий ответ, то он пришёл гораздо быстрее, чем я ожидала.

Мои мысли прервал голос мисс Ратклифф. «Та железная дверь ведёт во двор. из которого есть лестница на улицу Так у вас будет отдельный вход, и вам не нужно будет проходить через дом.»

«Мисс ратклифф»—ответила я, «всё произошло так неожиданно, что у меня нет слов » «Почему бы вам не помолиться немного, прежде чем вы решитесь?» И она тут же ушла Оставшись наедине, я склонилась возле кровати и попросила Бога о ясном ответе Непроизвольно я представила себе свою гостиную в Корсоре — зелёное бархатное кресло. Уилтоновский ковёр, пианино из орехового дерева, тяжёлые парчовые занавеси Каменный пол, на который опирались мои колени, только усиливал контраст с моей нынешней ситуацией Что же Бог имел в виду?

Я не могла найти ответ на этот вопрос, но тем не менее, чувствовала внутри себя странное, успокаивающее тепло Я вспомнила то решение, которое я приняла в гостинице в Марселе. Я больше не буду опираться на свой собственный рассудок в выборе пути. Я просто вложу свою руку в Божию и позволю Ему вести меня шаг за шагом

«Отче» — сказала я, «если Ты привёл меня в это место, тогда я довольна этим » Как только я произнесла эти слова, всё мои внутренние вопросы прекратились Я знала, что я там, где Бог усмотрел Я поднялась на ноги и вернулась в гостиную, чтобы принять предложение мисс Ратклифф

«Великолепно, мисс Кристенсен»— ответила она. «Когда вы хотите переехать?»

Прежде, чем я успела ответить, вмешалась мисс Густафссон «Она может переехать прямо сегодня. Мы сразу же вернёмся ко мне домой и привезём её вещи Их у неё немного »

К четырём часа дня я перебралась в подвал мисс Ратклифф. Несколько моих платьев висели с одной стороны кладовой. На полках с другой стороны разместились мои немногочисленные кухонные принадлежности. Остальную одежду и вещи я положила в дряхлую тумбочку Жёлтое покрывало приятно смотрелось на фоне чёрного железа кровати. Мой плетёный сундук, теперь пустой, стоял у окна и служил ещё одним предметом мебели.

Кто-то из прежних жильцов оставил в стене ржавый железный гвоздь в стене над кроватью. Там можно было повесить календарь с картиной пастуха, подарок Кристин Сондерби

При наступлении темноты мисс Ратклифф подошла к моей двери с зажжённой керосиновой лампой «Это вам понадобится» — сказала она «Когда вы сможете купить свою собственную, тогда и вернёте » Она поставила лампу на стол и села на стул «Расскажите мне поподробнее, как вы приехали в Иерусалим» — продолжила она.

Я уселась на плетёный сундук и начала рассказывать ей, как Христос явился мне в Дании и как я в конце концов отказалась от своего учительского места и поехала в Иерусалим «Даже сейчас»— сказала я в заключение, «я не знаю, что Бог хочет здесь от меня »

«И я приехала в Иерусалим десять лет назад, не зная, что меня здесь ждёт»—ответила мисс Ратклифф Она описала, как постепенно выросло её служение—воскресная школа. Библейский класс для женщин, евангелизация в тюрьмах и среди британских солдат и полицейских Она остановилась, чтобы поправить лампу, и её лицо моментально осветилось бликами Тонкая сеть крошечных морщин свидетельствовала о многолетнем пребывании на солнце

«Это были трудные десять лет» — сказала она, «с головной болью и разочарованиями. Но ведь Сам Господь предупредил нас, чего ожидать, когда сказал: "Иерусалим. Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе!» (От Луки 13:34) Воистину, другого такого города, как Иерусалим, нет » «Тогда вы жалеете, что приехали?»

«Нет, мисс Кристенсен, я не жалею. Невзирая ни на что, Иерусалим сам по себе является наградой. Он требует, чтобы его любили до самозабвения, так, что никакие страдания или разочарования или опасности не могут изменить вашей любви к нему » Она улыбнулась «Вот почему псалмопевец сказал: "Если не поставлю Иерусалима во главе веселья моего "»

Когда мисс Ратклифф наконец собралась уходить, я удержала её «Вы мне не сказали одного»— сказала я «Сколько я буду платить за комнату?»

Мисс Ратклифф посмотрела на меня с испытывающей улыбкой

«Скажем, восемь долларов в месяц?»

Когда она ушла, я положила свою Библию на стол под лампу и начала читать книгу псалмов Я хотела сама прочитать те слова, которые процитировала об Иерусалиме мисс Ратклифф. Наконец я нашла их:

Если я забуду тебя. Иерусалим, забудь меня десница моя Прилипни язык мой к гортани моей. если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселья моего Псалом 136:5-6

Я закрыла Библию и осмотрелась по сторонам. Голая суровость стен немного смягчалась тенями. Казалось, что на комнату сошел глубокий мир. Это был мой новый дом! Как я была благодарна, что оказалась здесь! Я склонила голову для молитвы.

«Благодарю Тебя, Господи!»— сказала я «Благодарю Тебя, что я здесь в Иерусалиме!»

На следующее утро мисс Ратклифф пригласила меня позавтракать вместе с ней. Когда мы ели, она начала мне советовать, как устроиваться.

«Прежде всего, арендуйте свой собственный почтовый ящик»— сказала она «Доставка почты по уличному адресу ненадежна. Затем вам понадобятся продукты — и примус.»

«Примус?»— сказала я, «а это что такое?»

«Это маленькая плита, которая работает на керосине. Им пользуются для приготовления пищи большинство людей в Иерусалиме.»

Мисс Ратклифф взяла медный колокольчик, который стоял возле ее тарелки, и позвонила два или три раза. Позади неё открылась дверь, вошла женщина и встала возле её кресла. Это была та же самая смуглая женщина, которая открыла дверь вчера

«Это Мария»— сказала мисс Ратклифф. «Она плохо понимает по-английски, но я скажу ей, куда вас повести и что вам нужно купить.» Она повернулась и заговорила с Марией по-арабски

«Я попросила её сперва повести вас на почту»— объяснила мисс Ратклифф. «Затем вы пойдёте к Дамасским воротам и вернётесь через Старый Город. Там, на рынке, вы сможете подобрать себе всё необходимое. Мария поможет вам распорядиться деньгами.»

Через пять минут Мария и я уже шли к центру Иерусалима. На макушке головы Марии было небольшое плотно повязанное кольцо ткани, на котором стояла пустая круглая корзина из тростника. Я ещё раз вспомнила своё видение и женщину с кувшином на голове. Очевидно, так арабские женщины, без всякого усилия, носили груз на своей голове.

Мария знала очень мало слов по-английски, но она смогла показать мне самое интересное. Мы пошли тем же самым путём, которым мисс Густафссон и я шли накануне, по дороге на Яффу в северном направлении. На площади Алленбай мы повернули направо и попали на почту, где за четыре доллара, я арендовала свой почтовый ящик на целый год. Продолжая идти на восток вдоль северной стены Старого города, мы пришли к широким воротам с аркой перед обширным пространством, выложенным булыжником.

«Дамасские ворота»— сказала Мария

Перед воротами было несколько куч животных—овец, ослов и верблюдов. На некотором расстоянии по обе стороны стояли деревянные прилавки с рядами открытых мешков. В одном месте в мешках были разные виды муки грубого помола, дальше я увидела мешки с рисом, сахаром и чечевицей. Другие прилавки были заставлены дровами или древесным углём.

Возле одной из каменных колонн во рот стоял мужчина с большой плетёной корзиной, прикрепленной к спине. Мария помахала ему, и он пошёл за нами через ворота. Вскоре мы оказались в лабиринте узких мощёных улиц, которые тянулись между рядами магазинчиков. В некоторых местах над улицами нависали каменные арки; в других стены домов с обеих сторон так выдавались, что почти соприкасались посередине улицы. Внизу преобладала искусственная полутьма. Я не могла себе представить, чтобы кто-то мог ориентироваться во всем этом, но Мария чувствовала себя как дома.

В каждом районе была своя собственная продукция. Одну улицу занимали жестянщики и прочие мастера по металлу, на другой были сапожники. Я заметила один участок, где были выставлены коврики и ковры, в другом месте был фарфор, стекло и керамика. Мы прошли через длинную секцию с фруктами и овощами, а потом с разными видами свежего мяса. Над мясом роились тучи мух, но, как казалось, никто и не думал отгонять их.

Когда я стояла перед мясной лавкой, поджидая Марию, мимо меня прошёл мужчина с бочкой и опрокинул на каменный пол кучу овечьих голов — только что снятых и без кожи. Не успела я переварить это зрелище, как пришёл ещё один мужчина с большой бочкой, в которой были туши овец. Я засомневалась в том, что смогу отныне есть баранину и получать от этого удовольствие.

На одном углу Мария показала на улицу, где почти никого не было видно. «Яхуд»— сказала она «Евреи!» Она положила свою голову на руки, как будто отдыхая. Я поняла, что это была суббота, и Евреи праздновали свою «субботу.»

Но во всех других районах было шумно и оживлённо. Люди, и животные шли нескончаемым потоком в обоих направлениях по узким уличным проходам. В магазинах покупатели шумно торговались с продавцами, внимательно следя, как те отвешивали товар на металлических весах, подвешенных к потолку.

В дополнение к звукам незнакомого языка, воздух был наполнен странной смесью резких запахов—иссопа, перца, жареного кофе, жира, свежее испечённого хлеба, чеснока, которым пахло ото всех, питом людей и зверей и испражнениями неисчислимого количества животных. Это было слишком для моих органов чувств.

Я обратила внимание, что нигде не было ярлыков с ценами. Перед каждой покупкой Мария оживлённо торговалась, прежде чем дать деньги. Если ей не нравились цены в одном магазине, она шла в другой. Сама идея торговли из-за дюжины яиц и фунта картофеля была непривычна для меня. Ясно, что времени здесь не придавали значения. Человек с корзиной терпеливо следовал за нами от одного прилавка до другого. После того, как была сделана очередная покупка, он наклонялся вперёд, и Мария складывала в корзину свои покупки.

Наконец, все мы трое вышли на более свободное пространство, которое вело к высоким железным воротам, которые Мария обозначила как ворота на Яффу. К этому времени корзина на голове мужчины была полной. Внизу, хотя и скрытая плетением корзины, была видна канистра с керосином на 15 литров. Поверх были сложены разные бакалейные товары: помидоры, огурцы, картофель, чёрные маслины, брынза, бумажный кулёк с сахаром, к тому же были какие-то овощи, которых я никогда раньше не видела. Сверху был примус, совок, большая коробка со спичками и три стеклянных бутылки — с молоком, оливковым маслом и метилированным спиртом. А на самом верху красовалась метла, деревянная часть которой была где-то между продуктами.

К тому же, у Марии на голове была корзина с плоскими круглыми булками хлеба и дюжиной мелких яиц. В одной руке она несла лампу и стеклянный вытяжной верх. Моя часть в общем бремени была крошечная, но весьма существенная для меня — ключ от моего только что арендованного почтового ящика, который я надёжно спрятала в свою сумку. Посреди всей этой новизны этот ключик каким-то образом связывал меня с Данией.

Пройдя через ворота на Яффу, мы снова вышли на солнце. Мне потребовалось несколько минут, чтобы привыкнуть к блеску пыли и камней. Пройдя несколько метров по дороге, я повернулась и проследила стену Старого Города на север. Я не знала, что стена была такой многоцветной. Да и камни самих ворот на Яффу были разных серых оттенков, но камни в стене на север от них были нежного коричневого цвета, который на солнце отливал тёплым цветом.

Когда мы вернулись в дом мисс Ратклифф, человек с корзиной проследовал за нами вниз по каменной лестнице во двор, где он терпеливо склонился, пока Мария вытаскивала свои покупки из его корзины. Теперь меня не удивляло шумное обсуждение между ним и Марией. Они, очевидно, обсуждали, сколько же ему причитается за труды. Наконец, они достигли соглашения, и он ушёл, спрятав деньги где-то в складках своей свободной одежды. У меня сложилось впечатление, что он был доволен той суммой, которую получил, но не хотел показать это.

Я тепло поблагодарила Марию за помощь и занялась сортировкой купленного добра. Маленькие предметы ставились на полки, более крупные я разместила как можно аккуратнее на полу во входе кладовой. Наконец, я взяла свою новую метлу и подмела пол.

Мисс Ратклифф кратко пояснила мне, что Палестинские деньги основаны на десятичной системе. Фунт состоял из ста пиастров, а пиастр, в свою очередь, из десяти мильем. Когда я привела свою комнату в порядок, я подсчитала, сколько же я потратила:

Бакалея	89	пиастров	
			(примерно 3,56 доллара)
Керосин	28	пиастров	
Спирт	6	пиастров	
Лампа	47	пиастров	
Примус	62	пиастра	
Метла и совок	16	пиастров	
Услуги носильщика	15	пиастров	
		2.64	пиастра
			(примерно 10.76 долларов)

После этого у меня осталось примерно четырнадцать долларов в Палестинской валюте и шестьдесят чистыми в виде туристических чеков. Я начала подсчитывать, на сколько же мне этого хватит, но потом решила, что это напрасная трата времени. Мои ресурсы скоро явно исчерпаются. Одной или двумя неделями позже—какое это имеет значение?

После полудня пришла мисс Ратклифф, чтобы посмотреть, как у меня дела. Я воспользовалась этим случаем, чтобы расспросить её о водном снабжении, упомянув то, что узнала о загрязнении от мисс Густафссон.

«Ну, ситуация вовсе не так уж безнадежна» — ответила мисс Ратклифф с улыбкой «В Иерусалиме всегда была проблема с водой. Сегодня вода качается в некоторые районы города. Но почти во всех домах, построенных вовремя турецкого владычества, имеются подземные цистерны, в которые собирают дождевую воду с крыши. Так дело обстоит и у нас Мне кажется, что за все эти годы, мой желудок привык к этой воде — так или иначе, но я обычно не кипячу воду »

Чуть позднее Мария преподала мне первый урок обращения с примусом. Прежде всего, она наполнила ёмкость керосином. Затем она налила метилированного спирта в желоб наверху и подожгла его. Несколько энергичных движений нагнетательным насосом — и керосин, поднявшись вверх по вертикальной трубке, через отверстия в головке соединился с теплом от метилированного спирта — и появилось яркое голубое пламя, которое горело с постоянным шипящим звуком

В тот вечер я в первый раз приготовила еду на примусе - сварила два яйца Другими элементами моего меню стал салат из латука, помидоров и огурца, булка хлеба из муки грубого помола, немного брынзы, несколько маслин и чашка горячего чая Я смягчила свой хлеб, обмакнув его в оливковое масло, но я не смогла убедить себя в том, что оливковое масло сможет когда-нибудь заменить мне хорошее датское сливочное масло!

Поев, я убрала со стола, и при свете моей новой лампы, я разложила свою Библию и карту Иерусалима. Прежде всего, я внимательно изучила тот маршрут, который мы в тот день прошли с Марией—до западной стены Старого Города, вдоль северной стены, через Дамасские ворота, затем на запад к воротам на Яффу, и обратно вдоль западной границы Геенской долины

После этого, я открыла книгу псалмов и начала искать стихи, в которых говорилось об Иерусалиме Меня поразили следующие слова »Ты восстанешь, умилосердишься над Сионом.... Ибо рабы Твои возлюбили и камни его, и о прахе его жалеют» (Псалом 101:14,15). Камни и прах! Как реальны эти слова стали для меня! Но как можно было влюбиться в такие вещи?

Я снова остановилась: «Вот, стоят ноги наши во вратах твоих. Иерусалим» (Псалом 121:2) В то утро мои ноги сделали именно это!

«Просите мира Иерусалиму» — продолжал псалмопевец, «да благоденствуют любящие тебя» (ст. 6) Как много народ Божий в те дни говорил о своей любви к Иерусалиму! Отношение к городу было глубоко личным — почти такое, как у ребёнка к матери, или молодого человека к невесте

Позднее, когда я склонилась в молитве перед тем, как ложиться спать, мой ум снова вернулся к этой теме: «Благодарю Тебя, Господи, что Ты привёл меня в Иерусалим» — снова сказала я. «Яне понимаю, почему я здесь, и не чувствую себя достойной Но. пожалуйста, помоги мне полюбить этот город, как его любили слуги Твои на протяжении веков.»

8 Моё место

Следующий день был воскресеньем Я пошла на утреннее собрание у мисс Ратклифф, которое состоялось в длинной узкой комнате на первом этаже. Присутствовало примерно двадцать пять человек, большинство из которых были женщины и дети Группа детей спела несколько живых песен на арабском. Одну из них я узнала как арабский вариант «Иисус любит меня! Это я знаю » Затем Британский полицейский в форме рассказал о важности ежедневного чтения Библии. На арабский его переводил араб, который тоже, наверное, был полицейским.

В тот день я написала длинное письмо матери, описав свое путешествие и мои первые впечатления об Иерусалиме. Я решила, что с тех пор буду обязательно писать ей, по крайней мере, каждую неделю. Я также написала письма Вальборг. Кристин Сондерби и пастору Расмуссену. указав свой новый адрес

В последующие дни я начала разрабатывать такой образ жизни, который соответствовал моим новым условиям. Понимая свою нужду в более систематическом ежедневном чтении Библии, я разделила Библию на три главные раздела: исторические книги, от Бытия до Есфири, поэтические и пророческие книги, что охватило весь Ветхий Завет, и Новый Завет Каждое утро я начинала с чтения Нового Завета, в середине дня я читала из исторических книг; а вечером я заканчивала день поэтическими или пророческими книгами

В дополнение, я подобрала те темы, которые соответствовали моей новой ситуации: город Иерусалим; сила молитвы, разные формы служения Богу — так как я искала предназначенное именно для меня служение в Иерусалиме, и до того времени Бог направлял меня главным образом через мои молитвы. Для каждой темы я подобрала карандаши разного цвета — синий для Иерусалима, зелёный для молитвы, красный для служения — подчёркивая каждый отрывок соответствующим цветом. В конце дня я сравнивала отрывки, подчёркнутые одинаковым

цветом из трёх главных разделов Библии, и меня поражало, как они взаимно дополняли друг друга

Ещё одной из моих нужд было усовершенствование моего английского Я решила, что могу соединить это с чтением Библии Я положила рядом обе Библии, читая сперва на датском, а затем на английском. Как только я чувствовала, что освоила новый этап, я пыталась опробовать это с мисс Ратклифф. Время от времени я вызывала улыбку на её лице, говоря, что я «опоясалась» в своё пальто и ли «воспламенила» свой примуса, когда я однажды сказала ей, что «мои внутренности заиграли от радости», она громко рассмеялась!

К тому же. я решила уделять время для молитвы о моих бывших школьных коллегах в Корсоре. Вспоминая, как они собирались каждый день в общей комнате во время утреннего кофейного перерыва, и учитывая разницу во времени, я решила молиться о них именно в это время, прося Бога, чтобы Он как-то показал им Себя, настолько же реально, как и мне.

Вскоре мисс Ратклифф заговорила со мной о необходимости изучения языка. «Чем скорее вы начнёте изучать язык страны, тем лучше»— сказала она

«С какого языка вы бы посоветовали мне начать?»— спросила я

«Не имеет смысла учить иврит — на нём почти никто не говорит»— ответила мисс Ратклифф. «Евреи, родившиеся здесь, говорят в основном на арабском. Те, которое иммигрировали из других стран, говорят на своём родном языке и на некоем подобии идиша Больше всего вам понадобится арабский Женщина, которая играла в воскресенье на пианино, преподаватель »

Я договорилась с этой арабской женщиной заниматься со мной пять раз в неделю по одному часу за два доллара. После первых двух недель я была готова всё бросить. Некоторые звуки, особенно гортанные, не были похожи ни на какие другие звуки ни в моём родном языке, ни в каком другом языке, какой я когда-либо слышала Моё горло болело от попыток произносить их. Написание также было невообразимым, справа налево, с тремя разными вариантами каждой буквы, в зависимости от того, где они встречались—в начале слова, в середине или в конце. Слова также были ужасными Моя учительница сказала, что в арабском языке есть около сорока слов для описания верблюда Мне казалось, что до конца своей жизни я не смогу выучить подобный язык!

Посреди всех моих мук с арабским, я неожиданно получила помощь и поддержку Кроме Марии, была ещё одна пожилая, слепая арабка, по имени Нижмех. которая тоже жила у мисс Ратклифф. Общаясь со многими миссионерами. Нижмех прилично выучила английский Она регулярно читала Библию Брайя на английском и восторженно цитировала из нее наизусть своим сухим, сипловатым голосом Подобно многим слепым людям, она компенсировала свою слепоту повышенной чувствительностью в других аспектах. Не имея ничего, кроме своей короткой трости. Нижмех постоянно ходила в Старый Город и проводила там час или два. У неё был талант заводить разговоры с людьми и почти всегда ей удавалось поделиться с ними своей верой во Христа «Я называю это моей рыболовной приманкой» — объясняла она «Я стараюсь исполнять слова нашего Господа — быть ловцом людей.»

У Нижмех было и время и терпение, чтобы помочь мне в изучении арабского. Каждый день, послетого. как моя учительница уходила, Нижмех заставляла меня повторять с ней новые слова и фразы, до тех пор, пока моё произношение не удовлетворяло её Часто мне приходилось повторять одно слово двадцать или тридцать раз, прежде чем Нижмех восклицала: «Эль-хамд иль-Аллах!» — «Благодарение Богу!» — что свидетельствовало о хорошем результате

Часто я сопровождала Нижмех все «рыболовных путешествиях» до самых ворот на Яффу, а затем шла сама по себе, изучая территорию за стенами Старого Города, заглядывая на почту, а вдруг там письмо из Дании. Но ящик был всегда пуст Не один раз я видела женщин, похожих на ту из моего видения, но ещё ни разу не видела именно ту женщину Я пришла к выводу, что не имело смысла слишком много думать о ней. Если Бог предусмотрел, чтобы я встретила её, то Он всё устроит так, как Ему это угодно, и в предназначенное Им время

Однажды, возвращаясь с такой прогулки, я встретила Еврейское погребальное шествие. Впереди шли четыре мужчины, неся носилки, на которых, лежало тело, завёрнутое в молитвенную шаль с кисточками Плачущие плелись позади. Сначала шли мужчины, одетые в чёрное, в чёрных шляпах с широкими полями. Позади них шли женщины, с растрёпанными волосами, спадающими на лицо. Они не переставая кричали изо всех сил. В глазах как мужчин, так и женщин, был застывший пустой и безнадежный взгляд Я никогда не видела, чтобы у людей был такой ужас от смерти. Как им нужно было знать. Того. Кто сказал, стоя у могилы Лазаря: «Я — воскресение и жизнь!» (см от Иоанна 11:25).

Наконец, после почти трёхнедельного пребывания в Иерусалиме, я получила письмо от мамы Мои руки дрожали, когда я открывала его Я прочитала его, даже не успев закрыть свой почтовый ящик. Мама сообщала все местные новости. Инге, дочка местного почтмейстера, вышла замуж за американского матроса Ханс Питер, мой друг детства, получил место управляющего местным банком. Когда я подошла к последней фразе, мои глаза наполнились слезами, Мама подписала: «Твоя любящая — молящаяся — мама.»

Возвращаясь в тот день домой с почты, я зашла в книжный магазин и купила себе Библию на арабском языке. Теперь на моём столе бок о бок стояли три Библии: на датском, английском и на арабском. Однажды я с гордостью сказала Нижмех, что прочитала свой первый Библейский стих на арабском.

«Что это был за стих?»— спросила она

«Первый стих Евангелия Святого Иоанна.»

«Сколько времени у тебя ушло на это?»

«Примерно два часа.»

«Эль - хамд иль - Аллах, «— прокомментировала Нижмех.

Однажды утром в середине ноября, спустя только месяц после моего прибытия в Иерусалим, я проснулась со странным ощущением, что мир вокруг меня изменился. Был слышен постоянный барабанный звук. Сначала я не поняла, что же изменилось. Затем до меня вдруг дошло — шёл дождь! Я видела это сквозь железные решётки своего окна

Несколько минут я стояла возле окна замороженная, не отводя глаз от дождя Он падал не каплями, а сплошным полотном, заполняя всё поле моего зрения. В первый раз я увидела дождь, с тех пор, как приехала в Палестину. Это был долгожданный «ранний дождь», прервавший засуху, которая стояла с апреля. Дождь шёл без перерыва весь день и ночь. Температура в моей комнате упала на двадцать градусов. Стены и пол покрылись влажной плёнкой. Когда я провела по ним пальцем, там остался след. Ночью я вынуждена была укрыться всеми одеялами, которые привезла из Дании, чтобы согреться, а во время утреннего чтения Библии мне пришлось накинуть на себя пальто

Вспоминая свои прогулки по Старому Городу, я подумала об улице, где были выставлены разные нагревательные плитки. Когда дождь наконец перестал, я пошла на ту улицу, шагая по густой и пристающей к туфлям грязи там, где раньше была только пыль Я изо всех сил старалась делать покупки, как Мария: ходя вдоль разных прилавков и спрашивая везде цену. Наконец, я нашла плитку, которая выглядела подходящей и предложила половину запрашиваемой цены. К моему удивлению, продавец сразу же согласился! Я поняла, что он предполагал, что я начну торговаться с гораздо более низкой цены.

Я взяла свою плитку за ручку и пошла домой. Проходя мимо носильщика с корзиной на спине, я чуть не соблазнилась воспользоваться его услугами. Но я быстро подсчитала в уме 4.32 доллара были уплачены за плитку. После этого у меня осталось в кошельке 3 доллара, и 30 долларов в виде туристических чеков Я предпочла нести плитку сама!

В конце ноября я получила письмо от Вальборг

В прошлое воскресенье я ходила в церковь пятидесятников, и пастор Расмуссен помолился за меня, и я заговорила на языках! Теперь я понимаю, почему вы были так счастливы — даже когда всё было против вас

Вы ни за что не догадаетесь, у кого я сейчас работаю — у мисс Сторм Она пришла ко мне месяц назад и попросила поработать у нее Она постоянно спрашивает о вас и о том, что так поменяло вашу жизнь. По правде говоря, мне кажется, ей интересно, но она не хочет показывать этого...

«Это означает, что теперь я должна молиться за Эрну Сторм в два раза больше!» — прокомментировала я для себя самой

Время от времени, по мере того, как мои деньги уплывали, я подумывала о какой-нибудь работе Может быть, есть какая-то школа, где я могла бы преподавать, по крайней мере, на полставки. Но я вспомнила, что моя гостевая виза не является разрешением на работу Может быть, мне попытаться поменять свою визу? Всякий раз, когда я начинала думать об этом, я теряла внутренний мир. Как я понимала, Святой Дух говорил мне «Холодно» Если бы Бог хотя бы намекнул мне, что я должна делать!

Через две недели после письма от Вальборг я получила письмо, написанное незнакомым почерком и со штемпелем из Бейрута, в Ливане. Кто же мог написать мне из Бейрута? Я там никого не знала Письмо было написано по-датски. Под заголовком ДАТСКАЯМИССИЯ НА БИБЛЕЙСКИХ ЗЕМЛЯХ, было следующее содержание

Дорогая мисс Кристенсен!

Я узнала о Вас от г-на Педерсена, директора государственной школы в Корсоре Он сказал мне, что Вы работали под его руководством в направлении домоводства, но теперь Вы в Иерусалиме

Я пишу Вам, чтобы предложить должность заведующей кафедры домоводства в нашей школе для девочек здесь в Бейруте. У нас примерно двести учениц, и мы бы хотели расширить кафедру домоводства Нам кажется, что при надлежащем руководстве, это станет самым важным элементом нашего служения народу Ливана

Ливан—это очень красивая страна, с прекрасным климатом и пейзажем, несравнимым ни с чем в мире. Ваша зарплата будет в соответствии со шкалой руководства Миссии Уто меньше, чем- то, что Вы получали в Дании, но достаточно для удовлетворен и я Ваших нужд, а после десяти лет служении я Вы получите право на пенсионное пособие

Пожалуйста, внимательно подумайте об этом предложении, и дайте мне знать, как можно скорее

Искренне Ваша.

Марта Дитлоффсен. директор

Всякий раз, когда я читала «домоводство», моё сердце начинало биться быстрее. В конце концов, именно в этой области были сосредоточены мои интересы в течении такого долгого времени. Какая перспектива ввести этот предмет для девочек в стране с менее благоприятным развитием! Я начала думать, как приспособить и упростить методы, которые имели успех в Корсоре Может быть. Бог на самом деле открывал для меня возможности в Ливане? Я провела в Иерусалиме два месяца, и так ничего и не выяснила. Мои деньги почти что закончились, и во мне, как казалось, никто не нуждался

Я перечитала письмо дважды. Затем я положила его в конец своей Библии на датском языке. В последующие дни я вытаскивала его и не раз перечитывала, но так и не знала, как ответить. После первого обильного дождя, который начал зиму, погода стала более разнообразной Дни были то яркими и солнечными, то ветреными и дождливыми Временами дождь шёл без перерыва по' восемь-десять часов. Однажды короткий снегопад напомнил мне, что через неделю Рождество

Я получила рождественские открытки от моих обеих сестёр в Дании, от некоторых учителей в Корсоре и от других знакомых От Сорена не было ни строчки Я получила только один подарок - красивый голубой свитер, который мама сама связала для меня.

Это было первое Рождество, которое я должна была провести вне дома. Обычно я ожидала Рождество с чувством возбуждения и предвкушения, которое оставалось неизменным с самого детства. Но в этом году приближение Рождества наполнило меня смятением, почти дурным предчувствием. Мисс Ратклифф пригласила меня отобедать у неё в день Рождества, но для меня всегда настоящим праздником был сочельник. Как же я могла праздновать это сама, в холодном, каменном подвале, без друзей или родственников'

Я присела и подумала о своих финансах Я получила наличные по своим последним туристическим чекам несколько дней тому назад Из этих денег я заплатила мисс Ратклифф за квартиру те восемь долларов, которые я была должна ей за декабрь. Я также рассчиталась со своей учительницей арабского языка. Купив бакалейные товары и керосин для моей лампы и плитки, я осталась с четырьмя долларами. По какой-то причине, которой я не могла объяснить себе, я чувствовала, что мне должно хватить денег на Рождество Кто знает, что случится после этого?

Примерно в 4 30 по полудню накануне Рождества я зажгла свою лампу и начала готовить на примусе свой Рождественский обед кусочек баранины, зажаренный на оливковом масле с картофелем и баклажанами — хотя я всё ещё не могла забыть те овечьи головы на полу в мясной лавке! На десерт у меня было сладкое, липкое печенье, которое называлась пахлава, и которое я недавно обнаружила в Старом Городе. В конце я выпила чашку крепкого кофе (Я наловчилась, как варить кофе по датски на своём примусе)

Попивая кофе, я представила себе, как наша семья собирается дома, Я видела длинный обеденный стол, заставленный от одного края до другого всякими деликатесами, которые я любила с самого детства Муж моей сестры Ингрид шагал от одного стула к другому, разливая тёмно-красное вино в хрустальные бокалы, в то время как на другом конце стола муж Кезии, Кнуд. снимал бумажные флажки с гусиной грудинки. Я попыталась представить себе маму, но не смогла Мне так хотелось увидеть её лицо.

На меня нашло то же самое чувство одиночества, которое я впервые испытала, стоя на Марсельских доках. Я попыталась сдержать слезы, которые поднимались к моим глазам Усилив воли я убрала со стола и положила на стол свою Библию на датском языке. В тот

вечер мне не хотелось читать по-английски, не говоря уже об арабском Я хотела только свой родной язык

Когда я открыла свою Библию, из неё выпало письмо из Бейрута Мне не нужно было перечитывать его. Я могла повторить его наизусть «... место преподавателя домоводства. Ливан — красивая страна. Вам будет достаточно для всех ваших нужд ...» Был ли это тот труд, который Бог приготовил для меня—с Иерусалимом как подготовительной ступенькой в Бейрут'

Накануне вечером я закончила читать на псалме 135 Я открыла на следующей псалме и начала читать. Это был тот самый псалом, который я прочитала в свой самый первый вечер в этом подвале:

Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня десница моя Прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего Псалом 136 5. 6

Действительно ли я так думала? Если да, то вопрос был решён Я просила Бога показать мне то место, которое Он предназначил для меня — и Он это сделал. Это был Иерусалим, а не Бейрут, и никакой другой город на земле Ничто не могло поменять этого! Если это означало одиночество, или даже голодание, то тогда я буду голодать там, где Бог поместил меня. Но я была преданна Иерусалиму. Никакое личное желание или амбиция не могли помешать этому!

Разделаться с проблемой можно было только одним способом Я вытащила бумагу и начала писать письмо Марте Дитлофсен в Бейрут. Сначала я не могла найти подходящих слов, но постепенно они нашлись, Я поблагодарила за письмо и заманчивое предложение, но объяснила, что Бог призвал меня в Иерусалим — и только в Иерусалим. В заключение, я написала: «Я должна исповедать, что до сих пор не знаю, какой труд Бог предусмотрел для меня в Иерусалиме, но я стараюсь доверять Ему и подчиняться, шаг за шагом »

Написав адрес и заклеив конверт, я положила его на тумбочку, чтобы взять с собой в следующий раз, когда пойду на почту. Затем я посмотрела вокруг себя Ничего не изменилось, и всё-таки всё выглядело иначе Простая деревянная мебель, каменный пол, решётчатое окно, как ни просто или пустынно, но это было моё место! Я оказалась здесь, послушавшись Бога. Всё остальное не имело значения! Во мне ключом начала радость, которая, как я знала, была от Святого Духа

Мой взгляд упал на метлу, стоящую в углу Я вспомнила, как однажды в Корсоре я танцевала с такой же метлой, и как Бог исполнил меня Святым Духом. Пол не нужно было подметать, но мне нужно как-то выразить ту радость, которая ликовала внутри меня. Я взяла метлу и начала размахивать ею в направлении к двери, как подметая,

«Прочь, сомнение»— я сказала, ударяя метлой по полу. «Тебе здесь нет места! И тебе, одиночество.» (Ещё одно подметательное движение) «И депрессия, и компромисс!» (Ещё несколько бросков.) «Все прочь, все до единого! Я не потерплю никого из вас!»

Я остановилась на минуту и опёрлась на метлу, чтобы отдышаться. Вдруг я вспомнила ещё кое-что «Прочь и ты, жалость к самой себе, «— сказала я, выметая в последний раз

Затем я снова осмотрела комнату « В конце концов»— сказала я сама себе, «первое Рождество было отпраздновано в конюшне. То, что у меня сейчас, просто роскошь по сравнению с тем!»

Мой взгляд упал на Библию, которая лежала открытой под лампой Подойдя к столу, я взяла свой синий карандаш и осторожно подчеркнула стихи, которые я только что прочитала. Когда я дошла до последней фразы, я подчеркнула её два раза «...если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего »

9. Первое задание

Пятница после Рождества была серым и мутным днём. Не успела я закончить свой ланч, как услышала чьи-то шаги по каменной лестнице, ведущей во двор Я выглянула в окно и успела заметить пару ног в брюках. Тут же раздался стук в дверь

Открыв дверь, я очутилась лицом к лицу с бородатым мужчиной среднего роста, лет тридцати. На нём был потрёпанный костюм в европейском стиле, а на голове традиционная Еврейская «ярмулка»— шапочка

«Добрый день»— сказал он «Вы мисс Кристенсен?»

От удивления я ничего не сказала и только кивнула. Откуда он узнал моё имя?

«Моя фамилия Кохен»—продолжил он. «Элиэзер Кохен. У меня и моей жены на руках умирающий ребёнок Я пришёл попросить вас взять ребёнка » По-английски он говорил медленно и с трудом

«Умирающий ребёнок?»— сказала я «Но — я не разбираюсь в детях. Откуда вы вообще узнали обо мне?»

«Моя жена и я — мы верим в Бога Мы молились: "Боже, покажи нам, что делать!"» Мужчина сложил свои руки как бы для молитвы и посмотрел вверх «Сегодня утром моя жена встретила слепую женщину у ворот на Яффу, и та сказала, что в - Иерусалим приехала очень добрая мадам из Дании, и живёт она в подвале этого дома? Разве это не вы?»

Нижмех! Но почему она дала моё имя этим людям? Вслух я сказала: «То, что я приехала из Дании, правда, но я вовсе не медсестра или что-то в этом роде.»

«А зачем вы тогда приехали? Разве не для того, чтобы помочь нам?» В голосе мужчины была нота безнадёжности. Именно этот вопрос я задавала себе самой сотни раз. Зачем я приехала? Но разве Бог просил меня позаботиться об умирающем ребёнке—в этом пустом подвале.

«Я вовсе не хочу остаться бесполезной»— сказала я, «но я не состоянии что-то сделать для вас. У меня нет места для вашего, ребенка—нет лекарств, нет еды и нет денег, чтобы купить всё это! Вам нужно отвезти ребёнка в больницу.»

«Мы уже делали это»— ответил мужчина, «но её не взяли в больницу. Там сказали, что не могут ничем ей помочь. Её сестра - близнятка умерла два месяца назад, и вот теперь её очередь! Это повредило ум моей жены. Она не может больше выдержать этого!» «Г-н Кохен»— сказала я, «не в том дело, что я не хочу помочь. Я просто не знаю, что же я могла бы сделать.» В этот момент я заметила выражение его глаз, точно такое же пустое и безнадёжное, как утех людей в похоронной процессии «По крайней мере, дайте мне немного времени, чтобы помолиться об этом. Если я пойму, что могу сделать хоть что-то, то я приду к вам. Где вы живёте?»

Он рассказал мне, как найти дом, и я пообещала связаться с ним, если усмотрю какой-то способ, чтобы помочь им.

Мужчина неохотно собрался уходить. На полпути по каменной лестнице он повернулся и сказал: «Пожалуйста, не ждите слишком долго!»

Через несколько минут пришла моя учительница арабского, но мне было очень трудно сосредоточиться. В конце урока я заплатила ей те два доллара, что я была ей должна за неделю. Когда она ушла, я вывалила на стол содержимое своего кошелька и посчитала: восемьдесят шесть центов. Это всё, что у меня было!

Вскоре пришла Нижмех, чтобы повторить со мной урок арабского. «Нижмех. ты встретила с Еврейкой возле ворот на Яффу и сказала ей, что я возьму её ребёнка?»

«Ну, я действительно встретила там одну женщину сегодня утром, которая по выговору походила на Еврейку Она сильно печалилась о своём ребёнке, и я рассказала ей о вас »

«Но. Нижмех. почему ты решила, что я могу помочь ей?» «Мисс Кристенсен. я много лет молилась, чтобы Бог послал кого нибудь позаботиться о бездомных детях этого города. Я верю, что вы и есть этот человек.»

Я с изумлением посмотрела на неё. «Я, Нижмех? Но ведь в Иерусалиме наверняка есть приюты?»

«Да Большие приютские дома. Но я не знаю ни одного такого места, которое я могла бы назвать домом, где ребёнок мог бы почувствовать, что его любят и не отвергают.»

«Но. Нижмех, у меня нет места даже для одного ребенка—нет денег, нет миссии, которая бы поддерживала меня »

Нижмех встала и стала на ощупь добираться к двери «Я буду продолжать молиться » Вскоре я услышала, как она шла вверх по лестнице, постукивая своей тростью

«Но это безумие»— сказала я сама себе. «Лаже в больнице отказались взять этого ребёнка. Что я могу сделать?»

Раздумывая над этим, я вспомнила отрывок, который я подчеркнула сегодня утром. Я открыла свою Библию и нашла последнюю главу послания Иакова. Пять стихов, с 14-го по 18-ый. были подчёркнуты зелёным карандашом — цвет, который я использовала для молитвы. Одно предложение так и бросалось в глаза: «И молитва веры исцелит болящего...» (ст. 15) Говорил ли мне Бог. что молитва в состоянии спасти жизнь этого ребёнка— даже если все человеческие ресурсы исчерпаны?

Почти опасаясь ответа, который я могла получить, я склонила свою голову над столом и сказала: «Господи, пожалуйста покажи мне, есть ли Твоя воля на то, чтобы я взяла этого ребёнка »

Последовало несколько минут тишины. Затем мне вспомнилось одно единственное предложение из притчи Христа об овцах и козлах «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (от Матфея 25:40) Слова были так ясны и понятны, как будто Сам Господь сказал из мне вслух.

Я посмотрела на часы — почти четыре часа дня. Осталось чуть меньше часа дневного света. Сегодня слишком поздно, чтобы искать дом г-на Кохена. Я пойду туда первым делом завтра утром. Но я услышала ещё один голос—голос г-на Кохена. когда он повернулся и посмотрел со ступенек лестницы во дворе: «Пожалуйста, не ждите слишком долго!»

Я подошла к окну, пытаюсь решить, что же делать. Драгоценные минуты дня уплывали. Среди всех противоречивых мыслей, которые одолевали меня, я не могла избавиться от одной: Если ребёнок умрёт сегодня вечером, то отвечать перед Богом буду я.

«Господи, помоги мне не подвести Тебя»— прошептала я. Затем я схватила своё пальто и начала подниматься по лестнице, застёгивая пальто на ходу

Почти бегом я дошла до ворот на Яффу до площади Алленбай. Оттуда мне пришлось идти медленнее, находя те ориентиры, которые мне дал г-н Кохен. Примерно через полкилометра я прошла мимо большого здания справа, над которым развевался флаг Великобритании. Должно быть, это здание суда. Здесь должна быть улица направо Ага, вот и она! Дом г-на Кохена был третьим слева.

Поднявшись по растрескавшимся каменным ступенькам, я постучала в дверь. Я могла слышать своё собственное сердцебиение в наступившей тишине. Затем, в замке повернули ключ, и дверь приоткрылась на несколько сантиметров.

«Кто это? Что вам нужно?»— спросил мужской голос.

«Это я — мисс Кристенсен» — сказала я. «Вы просили, чтобы я пришла.»

Дверь открылась настежь. В проёме стоял г-н Кохен, с той же самой ярмулкой на голове. «Наконец!»— сказал он. «Я уж подумал, что вы не придёте!»

Не говоря больше ни слова, он повёл меня в большую, еле освещённую комнату. Пол был выложен неотёсанными, плохо подогнанными камнями. Потолок был выгнут в турецком стиле, в виде купола в центре. Влажный, холодный воздух, в сочетании с затемнённым потолком-куполом и неровным полом, создавали впечатление скорее пещеры, чем комнаты.

На железной кровати сидела, скорчившись, хрупкая женщина, с головой и плечами, укутанными в грубую чёрную шаль «Это моя жена. Хадасса»— сказал Кохен. «Она не говорит по-английски.»

Г-н Кохен прошёл к маленькой железной детской кроватке, которая стояла в дальнем углу. «Это наш ребёнок»— сказал он.

Я наклонилась над кроваткой. Ребёнок был укрыт только куском полотенца. Чёрные волосы только усиливали восковой цвет лица. Я даже подумала, что она уже умерла. Но она открыла глаза и посмотрела на меня. В этих чёрных глазах было что-то знакомое. Где я это уже видела? Нет—это было невозможно.

Голос г-на Кохена прервал мои мысли. «Ну, что, вы берёте её?»

«Да, я возьму её»— ответила я. «У вас есть во что её завернуть?»

Г-н Кохен сказал что-то на языке, который я принял за идиш, и женщина на кровати вдруг ожила. Ставив с себя шаль, она завернула в неё ребёнка. Где-то на кроватке она нашла бутылочку с небольшим количеством молока и засунула её в шаль с ребёнком. Затем она передала всё это в мои руки.

Я пошла к двери, а г-н Кохен пошёл вслед за мной. Я остановилась в дверном проёме. «Вы не сказали мне, как зовут ребёнка.»

«Её зовут Тиква»— сказал он. «Это надежда на иврите. Я запишу её имя на бумаге.»

Из одного кармана он вытащил карандаш, а из другого помятый лист бумаги, который был похож на счёт. Встав на одно колено, он расправил лист на камне и написал на нём несколько слов. «Мы вынуждены были продать стол, чтобы купить лекарство»— сказал он, не поднимая головы, «но оно совершенно не помогло!» Затем, вскочив на ноги, он засунул бумагу в шаль, рядом с бутылкой.

Без всякого промедления, я отправился обратно в дом мисс Ратклифф. Последние лучи дневного света всё ещё были видны на небосклоне, но узкая улица была почти что тёмной. Ребёнок немного поплакал, затем замолчал. На дороге на Яффу владельцы магазинов быстро закрывали ставни. На улице осталось совсем немного прохожих.

К тому времени, когда я добралась до площади Алленбай, сгустилась тьма, и улицы опустели. Я различила перед собой очертания стен Старого Города. Я подумала о первой ночи, когда я увидела её с такси с мисс Густафссон. Тогда она показала мне такой далёкой и непривлекательной, но сейчас её тёмная нависающая масса казалась надёжной защитой. Инстинктивно, я попыталась идти как можно ближе к ней.

Я только преодолела последнее возвышение к дому мисс Ратклифф. когда темнота передо мной наполнилась резким, протяжным, орущим звуком, который отозвался многократным эхом.

Страх парализовал все клетки моего тела Я прижалась к стене дома, крепко держа ребёнка в руках, еле дыша Что-то двигалось по направлению ко мне Я прищурилась, чтобы различить очертания. Вдруг я вздохнула с облегчением. По улице медленно шёл одинокий осёл!

Я немного подождала, может быть, кто-то шёл за ослом, но никого не было. Когда я снова начала двигаться, мои колени стали мокрыми от страха Последним усилием воли я добралась до дома мисс Ратклифф. на ощупь спустилась по лестнице, открыла железную дверь в свою комнату и положила ребёнка на кровать.

Я зажгла лампу, выложила дно плетёного сундука нижним бельём, положила туда ребёнка и укрыла её мягким шерстяным свитером, который мама прислала мне на Рождество Затем я взяла из кладовой бутылку с оливковым маслом, вылила несколько капель на пальцы и слегка помазала лоб ребёнка.... «Во имя Твоё, Господь Иисус!»

До восхода солнца на следующий день я снова зажгла лампу и подняла её над сундуком, в котором лежала Тиква. Я мягко положила свою ладонь на её лоб Он всё ещё был сухим и горячим как огонь. Она выглядела ещё более хрупкой, с жёлтой кожей, сильно натянутой на скулах Свет от лампы заставил её открыть на минуту глаза. Когда наши глаза встретились, я снова заметила некое сходство. Где же я видела их раньше!

И вдруг я вспомнила — день молитвы в пятидесятнической церкви в Корсоре! Стоя там на коленях, я почувствовала очень сильное присутствие Божие, почти осязаемое. И затем я увидела лицо ребёнка—с тёмными глазами, уставившимися на меня Ребёнок лежал в чём-то, похожем на ящик Ну, конечно! Я видела Тикву. а «ящиком» был мой плетёный сундук!

Итак, всё это действительно было подготовлено Богом—прежде, чем произошло на самом деле! Это было потрясающее откровение. Как важно мне было быть верной в своей роли, чтобы Бог смог полностью добиться исполнения Своих планов В подвале были только Тиква и я — но та драма, в которой мы принимали участие, дирижировалась с неба

Молоко в бутылочке свернулось Я сполоснула её, наполнила питьевой водой и приложила к губам девочки. Она смогла сделать всего лишь несколько слабых сосательных движений Я плотнее завернула её в свитер, и затем легла в постель, чтобы дождаться рассвета

Лёжа в постели, я начала составлять в уме список всего, что мне понадобится в ближайшее время: молоко, пелёнки, английские булавки, ночная рубашка, чистая простынь, и если возможно, ещё одна бутылка. Хватит ли на всё это восьмидесяти шести центов? А что если с Тиквой что-то случится, когда меня не будет дома?

Мои мысли были прерваны звуками с внутренней лестницы. Это было постукивание трости Нижмех Я встала и открыла для неё дверь и посадила её на стул.

«Извините за столь ранний визит»— сказала она. «но Господь разбудил меня перед рассветом и сказал принести вам вот это.» Она положила мне в руку два доллара «Это мало, и я не знаю, почему вам это нужно именно сейчас—но Бог знает!»

Я смогла заговорить только через минуту. «Нижмех. помнишь вчера мы говорили о больном ребёнке?»

«Конечно, я помню о ней Я с тех пор молилась о ней. Вы собираетесь взять её?»

«Не собираюсь — я взяла её. Я пошла туда вчера вечером.»

«Вы пошли вчера? После наступления темноты? Где же она?»

«В моём плетёном сундуке Но она очень слаба »

Взяв Нижмех за руку, я повела её к сундуку. Там мы вместе встали на колени. Я мягко положила руку Нижмех на лоб Тиквы

«Какой у неё жар!»— воскликнула Нижмех

«Я знаю Если бы он спал!»

«Мисс Кристенсен. наш Господь сказал, что если двое из нас согласятся просить о чём бы то ни было, то это будет сделано. Давайте соединим нашу веру прямо сейчас и попросим Бога разбить силу жара »

Соединив руки на лбу Тиквы. мы по очереди помолились, умоляя Бога спасти её жизнь и изгнать лихорадку. Помолившись, мы некоторое время молчали Затем в какой-то момент я поняла, что мой контакт с Нижмех перестал быть просто физическим Мой дух прикоснулся к её духу, а вместе мы прикоснулись к Богу! Нижмех наверное почувствовала это, потому что она отняла мою руку от лба Тиквы и взяла в свои руки «Бог услышал нашу молитву»— сказала она.

Усадив её опять на стул, я сказала: «Теперь я должна пойти и купить всё, что нужно для Тиквы. Вот почему Бог сказал тебе принести мне два доллара. Без них я бы ничего не смогла сделать. Оставайся здесь и присмотри за Тиквой.»

Я поспешно обошла несколько магазинов Мне не хотелось тратить время на торговлю, но вместе с тем я хотела купить как можно больше. Когда я вернулась, я увидела, что к Нижмех присоединились мисс Ратклифф и Мария Я быстро подошла к Тикве Её состояние не изменилось

В первый раз я увидела мисс Ратклифф возбуждённой «Мисс Кристенсен»— сказала она более глубоким голосом, чем обычно, «вы хотите сказать, что принесли этого ребёнка сами, после наступления темноты?»

«Я вышла, когда было светло»— попыталась я защитить сама себя, «но когда я вернулась, то уже стемнело »

«Я только могу благодарить Бога за то, что Он сохранил вашу жизнь»— сказала она. «Надеюсь, вы больше никогда не будете делать!»

«Да»— ответила я, «я тоже надеюсь на это!»

В этот момент Мария вскрикнула: «Посмотрите на ребёнка!»

Я наклонилась и пощупала ребёнка Она вся промокла! Её чёрные волосы блестели от влаги, а капельки пота покрыли лоб Я вдруг поняла, что случилось! «Нижмех»—закричала я, «температура спала!»

Нижмех подняла руки и начала славить Бога на арабском «Ель-хамдт иль-Аллах! Ель-хамдт иль - Аллах!»— говорила она, не переставая. К ней присоединилась Мария, тоже на арабском, а затем мисс Ратклифф на английском Что касается меня, то только датский язык мог выразить мои чувства в тот момент, и всё вокруг было наполнено хвалением на трёх разных языках. С того времени я начала верить, что Тиква выздоровеет

К вечеру я начала замечать некоторые явления — небольшие, но важные — что она на самом деле начала выздоравливать Её дыхание выровнялось, и она смогла не закрывать глаза по две-три минуты. Когда я вложила свой указательный палец в её руку, она отреагировала попыткой обхватить его своими пальчиками

События этого утра подтвердили тот урок, который я уже усвоила в Марселе: молитва дала результат, когда достигла своей наивысшей точки в хвалении. Поэтому я решила окружить Тикву атмосферой постоянного хваления Иногда я хвалила Бога вслух, в молитве и ли в песне Но даже, когда я делала что-то по дому, я всё время возносила хваления про себя на своём незнакомом языке

В воскресенье утром я услышала чей-то голос во дворе- «Мисс Кристенсен! МиссКристенсен!» Узнав голос г-на Кохена. я открыла дверь Он стоял на противоположной стороне двора, как можно дальше от моей двери

«Она умерла!» —спросил он Снова этот почти суеверный страх смерти!

«Нет» — ответила я, «она не умерла — и она не умрёт! Войдите и сами убедитесь в этом!»

«Нет, нет»— сказал он «Я не войду Я побуду здесь »

Я не переставая просила его убедиться самому, но он постоял несколько минут на противоположной стороне двора, а потом ушёл.

По воскресеньям я писала свои еженедельные письма матери Конечно, письмо, которое я написала в тот день, было посвящено Тикве Я хотела, чтобы мама первой в Дании узнала о ней «Молись, чтобы мне разрешили оставить её»— сказала я в заключение

И Нижмех. и Мария были столько же озабочены Тиквой. как и я сама. Это значительно облегчало мою задачу. Если мне нужно было уйти, я могла оставить девочку с любой из этих женщин

В первый день 1929 года я получила письмо от Вальборг. с Рождественской открыткой и денежным переводом на восемь долларов. В наспех написанной записке она объяснила «Я послала это вам задолго до Рождества, но это вернулось для дополнительной оплаты за пересылку»

Оглядываясь на последние несколько дней, я только могла подивиться точности Божьего плана. Если письмо Вальборг с деньгами не задержалось, я бы получила его до рождества — и до того, как мне дали Тикву. Когда же я брала её, то я основывалась только на том, что на это есть воля Божия—без всякого намёка на то, что у меня будет какой-то человеческий источник помощи. Только после того, как я решилась. Бог допустил, чтобы появились деньги, сначала от Нижмех: а потом от Вальборг

Посреди недели я снова услышала во дворе голос г-на Кохена. Моё сердце замерло. Неужели он пришёл забрать Тикву?

«Я принёс вам колыбельку Тиквы»— сказал он, оставляя её во дворе, «может быть, она вам понадобится.»

«Конечно, она мне понадобится!»— сказала я ему. После того, как он ушёл, я добавила сама себе: «Но я не допущу, чтобы она спала на этом грязном, потрёпанном матрасе!»

На следующий день я пошла торговаться в Старый Город и вернулась с новым матрасом, а также с банкой белой эмали и щёткой для краски. Через сутки я достала Тикву из сундука и с гордостью положила её на новый матрасик в сияющей белой колыбели. После этих и других необходимых покупок у меня осталось чуть больше трёх долларов.

Тем не менее, меня больше не волновал вопрос, сколько денег у меня было. Я чувствовала, что на меня возложена забота о Тикве. Если я буду верна в этом, то о деньгах позаботится Бог. Вместо того, чтобы молиться о своих нуждах, я начала постоянно благодарить Бога за то, что Он уже обеспечил. Благодарение больше укрепляло мою веру, чем прошение о нуждах.

Когда на следующий день я открыла свою дверь, то нашла конверт, который подсунили под неё. Внутри был один палестинский фунт (примерно четыре доллара), но никакой записки. Я даже испугалась! Кто-то побывал здесь, когда было темно. Я пыталась догадаться, кто же это мог быть. Может быть, кто-то из посещавших служения мисс Ратклифф? Я никак не могла догадаться. Но, в конце концов, это было не моё дело! Каким бы ни был канал, источником был Бог.

Скоро мне пришлось удивиться ещё раз. На этот раз по поводу письма от Кристин Сондерби в Корсоре, в котором был денежный перевод на сорок пять долларов — а также календарь на 1929 год. В своём письме она написала: «Несколько учителей собрались вместе на Рождество, и мы решили послать вам это как запоздалый Рождественский подарок.» Самое удивительное было в том, что в конце письма был постскриптум: «Пять долларов в этой сумме от Эрны Сторм»

Эрна Сторм!— тот самый человек, который заявил, что моё присутствие позорит всю школу! Да, уж точно, что Бог умеет превращать в хлеб и камни, пропела я.

В благодарственном письме Кристине Сондерби я рассказала ей о Тикве, а потом добавила: «То, что вы сказали о пастыре на календаре, исполняется Иисус положил в мои руки одного из Своих ягнят.»

Я так привыкла к скудному существованию, что сорок пять долларов показались мне целым состоянием! Оставив пятнадцать долларов на ближайšie нужды, я решила открыть свой собственный счёт в банке Баркляя. Покидая банк, я почти пританцовывала!

На обратном пути в дом мисс Ратклифф, я проходила мимо бакалейного магазина, который специализировался на импорте из Европы. Я заметила на витрине синий датский сыр. Маленький кусочек стоил столько же, сколько стоил целый местный обед. Но искушение съесть что-то действительно датское непреодолимым. Я купила кусочек сыра и немного датского масла в придачу. В полдень я щедро намазала масло и сыр на ржаной хлеб грубого помола. Думаю, что никто из посетителей ресторана Тиволи в Копенгагене не получал большего удовольствия!

Медленно, но уверенно. Тикве становилось лучше. Однако меня беспокоил её цвет лица. Её щёки всё равно были похожи на тонкий натянутый пергамент. Я подумала, что частично её сильная слабость объясняется тем, что она всё время лежала в той тёмной, похожей на пещеру, комнате, где я нашла её. Ей нужен был свежий воздух и солнечный свет.

Я начала искать коляску. Наконец, в магазине подержанных вещей на дороге на Яффу, я нашла английскую коляску, с высокими колёсами и длинным элегантным корпусом. Она была далеко не новая, но чистая и в хорошем состоянии. Хозяин магазина запросил двадцать долларов. После десяти минут торгования мы сошлись на двенадцати.

В тот вечер мисс Ратклифф спустилась ко мне, с конвертом в своей руке «Сегодня я получила вот это»— сказала она. «Это двенадцать долларов от анонимного лица: "для нуждающегося Еврейского ребёнка." Я не могла припомнить кого-то другого, кто сможет использовать эти деньги лучше вас!»

И снова у меня перехватило дыхание от Божьего графика!

На следующий день, когда я выкатила Тикву в коляску, я почувствовала, что Иерусалим принадлежит мне. Я была самой гордой и счастливой матерью!

С тех пор я начала каждый день вывозить Тикву на прогулки, и её состояние начало резко улучшаться. Вместо жёлтых запавших щёк у неё появился здоровый цвет лица. Скоро она смогла есть манную кашу, а не только молоко.

Во время наших прогулок я свободно разговаривала с Тиквой, как будто она понимала всё, что я ей говорила. Я также напевала ей те Евангельские песни, которые я выучила у пятидесятников в Корсоре. Песни я пела на датском, но всё остальное время я говорила по-английски. Конечно, ей важнее было понимать и говорить по-английски, чем по-датски.

Тикве это нравилось точно также, как и мне. Всё то время, что я пела для неё или разговаривала с ней, она лежала на своей подушке и не сводила с меня свои чёрные глаза, как бы торжественно всё это одобряя. А если я вдруг замолкала, или же отвлекалась на что-то другое, она начинала ёрзать и нервничать, зевать и тереть глаза протестуя всеми движениями: «Почему ты не разговариваешь со мной?»

Однажды, когда я прогуливалась с Тиквой по проспекту короля Джорджа V. я услышала, как две пары разговаривали по-датски. Впервые после расставания с Китти в Марселе я услышала свой родной язык. Я не могла не поддаться искушению послушать, о чём они говорили. Им нужно было попасть в какое-то бюро путешествий. Извинившись за вмешательство, я подсказала им, как туда добраться.

«Пожалуйста, извините за любопытство»—сказал один из них, «но это ваша девочка? Она такая смуглая, а вы очень светлокожая!»

«Да»—ответила я. «Это моя девочка, но я не её мама »

Мой ответ вызвал дальнейшие вопросы, и в конце концов все четверо настояли, чтобы я выпила с ними чашечку кофе, «съела хорошего датского печенья!» Мы провели вместе целый час, пока я рассказывала о своём прошлом в Дании и о том, как Бог привёл меня в Иерусалим. В свою очередь я узнала, что оба мужчины были важными начальниками в руководстве датскими государственными железными дорогами в Копенгагене, и что они совершали частное путешествие по Святой Земле вместе со своими жёнами

Прежде, чем мы расстались, они попросили мой адрес, а одна из женщин тихонько сунула деньги в мою руку «Мы ещё свяжемся с вами»—сказала она

Оказавшись на улице одна, я посмотрела на деньги двадцать долларов

«Тиква»—сказала я, «как Бог добр к нам!» Блеск в её глазах как бы говорил, что она согласна.

10 Маханех Йехуда

В конце января мисс Ратклифф поставила меня в известность, что дом, который она занимала, продан, и новый* владелец хочет въехать, как только закончится её договор об аренде «Это означает, что мы все должны съехать до Мухаррам»—сказала она в заключение.

«Мухаррам?»

«Это ежегодный мусульманский праздник»-пояснила она. «Он отмечается в начале весны. По традиции со времён турецкого владычества, дома сдаются в аренду от Мухаррам до Мухаррам, Поэтому в начале каждой весны улицы Иерусалима заполняются людьми, которые переселяются в новые дома в этом году мы окажемся в их числе!»

Через десять дней мисс Ратклифф сказала мне, что она подписала договор об аренде дома в Мусраре, примерно в километре от Дамасских ворот «Боюсь, что в новом доме нет подходящих для вас условий»—добавила она извиняющимся голосом

«Как чудесно с вашей стороны беспокоиться о нас»—сказала я, «но, может быть. Бог показывает нам с Тиквой, что пора устроиваться самим »

«Не думаю, что вам удастся удержать Тикву очень долго» —предупредила мисс Ратклифф «Если вам удастся восстановить её здоровье, очень возможно, что семья захочет забрать её »

Я промолчала на это, но слова мисс Ратклифф разволновали меня больше, чем я показывала. То, что нужно было самой позаботиться о новом доме, было и так не очень приятной перспективой. Но ещё хуже было предположение, что скоро Тикву могут забрать у меня «В конце концов»—сказала я сама себе, «Бог привёл меня сюда для того, чтобы спасти её жизнь, и она всё ещё нуждается во мне »

Теперь мои ежедневные прогулки с Тиквой в её коляске превратились в экспедиции по охоте за квартирой Я начала с Мусрары, надеясь устроиться неподалёку от мисс Ратклифф. Только после того, как несколько дней поисков в Мусраре не принесли никакого успеха, я решила исследовать и другие районы на западе

В конце концов, в районе под названием Маханех Йехуда, я нашла маленькое двух этажное здание, в котором сдавался верхний немеблированный этаж Дом был частью комплекса из шести зданий, которые скучились на пустынной и песчаной территории на расстоянии примерно ста метров к северу от дороги на Яффу Маханех Йехуда. как я узнала, на иврите означало "Лагерь Иуды", что в некотором смысле намекало на твердыню Иудаизма Я подумала, а как обитатели такого исключительно Еврейского района отреагируют на языческое вторжение Однако до Мухарры оставалось только две недели, и я не могла больше откладывать

Верхний этаж состоял только из двух комнат с дверью посередине и лестницей снаружи За аренду надо платить двенадцать долларов в месяц, в полтора раза больше, чем я платила мисс

Ратклифф И платить нужно было за месяц вперёд Я посчитала деньги в своём кошельке примерно семь долларов. Надеюсь, что на моём счету достаточно, чтобы выплатить остальную сумму, я отдала хозяевам первые шесть долларов и пообещала вернуться с остальными шестью долларами в течение суток. По дороге домой я зашла в банк: мой баланс был менее четырёх долларов. Даже с наличными в моём кошельке, я никак не могла рассчитывать на нужные шесть долларов!

В тот вечер я очень долго не могла заснуть. Если я не достану остальные шесть долларов на следующий день, то мне грозила опасность потерять то, что я уже вложила

Наконец, я встала с постели и опустилась на колени на твёрдый каменный пол «Господи, если ты хочешь, чтобы я была в Маханех Йехуда. то я верю, что Ты обеспечишь меня всей суммой, которая нужна на квартиру, на мебель, на переезд» Автоматически, я начала высчитывать, откуда могли поступить деньги, но затем я вспомнила усвоенные уроки. На мне лежала ответственность за молитву, но Бог Сам решает, как Он ответит на мою молитву На следующий день в моём почтовом ящике было только одно письмо—из школы в Корсоре «Мы прилагаем разницу за медицинскую страховку» «Приложение» было на сумму 169.35 долларов. Остановившись в банке, чтобы положить на свой счёт эту сумму и взять, сколько нужно, наличными, я пошла прямо в Маханех Йехуда и заплатила за квартиру остаток в шесть долларов

Вечером я ужинала с мисс Ратклифф «Скажите мне»—сказала я, «почему так часто Бог удерживает от нас то, что нам нужно, до последней минуты?»

«Я сама не раз думала над этим»—ответила она с улыбкой «Может быть, одной из целей Божиих является то, что Он учит нас полагаться на Него ежедневно. Знакомя учеников с молитвой Господней. Иисус сказал; " знает Отец ваш, в чём вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него" (От Матфея 68) И тем не менее. Он учил их просить — и просить каждый день»

Следующие две недели мои ежедневные прогулки с Тиквой были посвящены покупке мебели, что предоставило мне неисчислимые возможности для развития навыков торговли. Однажды, возвращаясь дорогой на Яффу, со стулом, прикрепленным к одному углу детской коляски, я натолкнулась на г-на Кохена Он поразился перемене в Тикве и всё твердил: «Она стала другим ребёнком! Она стала другим ребёнком!» Несмотря на его комментарии о выздоровлении Тиквы, я не могла не заметить, что он ни разу не поблагодарил меня Неохотно, помня о предсказании мисс Ратклифф. я дала ему наш будущий адрес в Маханех Йехуда.

К концу февраля у меня собралась целая куча мебели и принадлежностей, в большинстве своём подержанных, которые я сложила вдоль стены своей подвальной комнаты, в готовности для переезда. Это было назначено на четверг 7-е марта Мисс Ратклифф должна была съезжать двумя днями позже Я договорилась с одним пожилым Евреем по имени Иона, чтобы он приехал и помог мне на своей тележке Тележка оказалась приспособлением, состоящим из неотёсанных планок, прибитых к двум палкам на четырёх шатких колёсах Тощая чёрная лошадь тащила на себе это устройство Трудно было сказать, что выглядело более потрёпанным Иона или его лошадь

Мария помогла мне поднести вещи по лестнице и погрузить их в тележку. Затем она заняла своё место на тротуаре рядом с мисс Ратклифф и Нижмех, чтобы попрощаться со мной. Каждая из них крепко обняла меня и Тикву Я положила Тикву в коляску и пошла вслед за Ионой и его тележкой Последнее, что я услышала, это был надтреснутый голос Нижмех. которая сказала: «Приходите поскорее навестить нас!»

Иона шёл рядом со своей лошадью, одной рукой держа уздечку. В другой руке у него был хлыст, который он использовал только против мух. Всякий раз когда тележка проезжала через канаву и ли люк, всё на ней дребезжало и качалось. Два раза мой сундук падал на дорогу. Когда это случалось. И она и его лошадь останавливались, а я поднимала сундук и ставила его обратно на тележку

Когда мы достигли дороги на Яффу, то смешались с разношерстной толпой переезжающих Более смиренные люди сами перевозили свои принадлежности, либо в ящиках и чемоданах либо тюками, привязанными к спине Другие пользовались ручными тележками, осликами, верблюдами и телегами с впряжёнными в них лошадьми Очень немногие перевозили на машинах или маленьких грузовиках. Зрелище напоминало карнавал с детьми бежащими рядом с родителями.

Проходя по дороге на Яффу, я снова обратила внимание на стену Старого Города справа от меня. Как изменилось моё отношение к этим камням! Сначала я сравнивала их с аккуратными

светлыми домами Корсора. и они казались мне грубыми и далекими, но теперь они стояли как надёжные друзья охраняя мой путь

До своего нового дома в Маханех Йехуда я добралась к полудню Иона сбросил мои принадлежности на пыльной земле с той стороны здания, где по внешней лестнице можно было добраться на верхний этаж. Затем он взял причитающиеся ему четыре доллара и оставил меня одну .

Прежде всего, мне нужно было поднять кровать Тиквы и уложить её. Затем я по очереди перетасила оставшиеся предметы и поставила их на место Переднюю я оборудовала под кухню и столовую, отведя один угол под коляску Следующая комната побольше, должна была стать нашей спальней и гостиной

В доме не было ни канализации, ни водопровода. Однако осмотрев дом с тыла, я обнаружила общий двор с городской водой, накачиваемой на цементное основание в центре. С одной стороны несколько листов рифлёного железа на шестах служили крышей над рядом умывальников из оцинкованного железа Я увидела, как несколько женщин стирали в умывальниках, в то время как другие несли воду домой в больших бидонах из-под керосина. С другой стороны был ряд деревянных будок-туалетов. Это были просто глубокие ямы в земле, на которых были деревянные ящики с круглой дыркой и крышкой. Этот санузел, как и вода, явно был общественной собственностью обитателей шести домов в округе не говоря о тьмах мух

Возвращаясь в свою квартиру, я заметила, что нижний этаж под моей квартирой был оборудован под бакалейный магазин. Изнутри раздавались знакомые звуки торговли—то на арабском, то на идише Дверь другой комнаты нижнего этажа была закрыта, а ставни захлопнуты Невозможно было видеть, кто там живёт

К девяти часам я была уже в постели, уставшая от дневных занятий и готовая ко сну. как вдруг я услышала звук голосов и сдержанный смех в бакалейном магазине подо мной Затем поставили пластинку «Эх. ухнем» в исполнении мужского хора Посередине песни патефон заедал, и начиналось бесконечное повторение одного и того же—«У-у-хнем—У-у-хнем—У-у-хнем » В конце концов, кто-то переставил иголку, и пластинка доиграла до конца

«Разве можно представить себе что-то более смешное» сказала я сама себе, «как играть "Дубинушку" в это время ночи и где в бакалейном магазине!»

Пока я раздумывала над этим, патефон снова заработал. Вот это да! Та же самая песня! И снова иголку заело на том же самом месте. Когда это случилось в третий раз, я заподозрила что-то неладное. Неужели это делалось нарочно?

После того, как пластинку проиграли в четвёртый раз, сомнений уже не оставалось. До переезда в Маханех Йехуда. я раздумывала, как Еврейская община отреагирует на языческое вторжение. Теперь у меня был ответ на мой вопрос. Комитет "Добро пожаловать" работал во всю!

К полуночи я прослушала песню "Дубинушка" раз сорок Пластинку преданно заедало на одном и том же месте. Иногда "У-у-хнем" звучало по две минуты Кто бы ни был там внизу в бакалейном магазине, он проявлял такое усердие, которое было бы весьма похвальным, если бы было употреблено на что-то более благородное

С каждым повторением песни, сон удалялся от меня всё дальше и дальше. Я купила ватные тампоны для Тиквы и попыталась теперь засунуть их в уши, но резонанс от этих мужских голосов проникал даже через вату. Поняв, что Тиква не спит, я встала, чтобы подойти к ней Она лежала на спине с широко раскрытыми глазами, воркуя сама себе Музыка ей нравилась! «Тиква»— сказала я, «на этот раз наши мнения не совпадают!»

После трёх часов утра усталость взяла своё, и я впала в сонное забытьё, под музыкальное сопровождение

На следующий день я сразу же поняла, что нахожусь в центре внимания всей общины, разместившейся в шести домах. Когда я шла в туалет или за водой, женщины замолкали, поворачивались и начинали смотреть на меня Дети открыто хихикали и тыкали в меня пальцем, бросая ремарки на непонятном мне языке Я вспомнила атмосферу школьного двора в Корсоре. после того, как узнали о моём крещении. Только в Корсоре у меня был авторитет учителя, и я знала язык

К 4-м часам всякая деятельность на участке между домами прекратилась, и я поняла, что началась суббота Я ушла в свою квартиру и попыталась поразмыслить над многими вещами, но внутренне я сражалась со всё возрастающим напряжением. Повторится ли серенада предыдущей ночи" Или же запланированы новые формы протеста?

Я следила за стрелкой свои часов, пока они оттикнували часы Девять часов ничего. Десять часов Но тишь ночи не нарушалась Очевидно, мои соседи больше не собирались приветствовать меня в тот вечер Может быть, их сдерживало уважение к субботе Я слишком устала, чтобы строить дальнейшие домыслы, и поэтому я с облегчением вздохнула и быстро заснула крепким сном

На следующее утро я постирала Тиквины пелёнки и кое-что из своего нижнего белья и повесило это на бельевой верёвке во дворе. В полдень я пошла, чтобы снять бельё, и обнаружила, что всё было сорвано и втоптанно в пыль «Стыд и позор тому, кто это сделал!» — воскликнула я осмотрелась вокруг, ища виновного Никого не было видно, но тем не менее, я чувствовала на себе взгляды многих глаз. Придав себе как можно больше достоинства, я собрала разбросанное бельё и вернулась в квартиру

Усевшись за стол, я попыталась прийти в себя Я была готова к периоду привыкания к Маханех Йехуда и даже к одиночеству. Но что же я сделала такого, что вызывало такую враждебность в этих людях с которыми я даже не говорила? Либо я совершила серьёзную ошибку, переехав сюда, либо мне нужно было усвоить какие-то новые уроки, которых я не понимала Я вспомнила, что сегодня мисс Ратклифф должна была переезжать в свой новый дом в Мусраре. Завтра же я пойду к ней и спрошу её совета

Дом мисс Ратклифф в Мусраре находился примерно в двух километрах от Маханех Йехуда Я отправилась в воскресенье рано утром, толкая перед собой Тиквину колясочку. Когда я покидала Маханех Йехуда. у меня с души упал камень, и я запела. По-своему. Тиква разделяла моё освобождение, хлопая в руки и копируя мои звуки

Нижмех и Мария с восторгом встретили нас и настояли, чтобы присмотреть за Тиквой во время служения. В конце я отвела мисс Ратклифф в сторону и рассказала о враждебном приёме в Маханех Йехуда «Я действительно не понимаю, почему они так ко мне относятся» — сказала я в заключение, «я не сделала ничего такого, что могло бы их обидеть»

Мисс Ратклифф помолчала немного. Затем она сказала: «Корни вашей проблемы имеют многовековую историю. Прежде всего, вам надо понять, как Евреи относятся к Христианству. Для них это вопрос этнического и культурного наследия, а не личной веры. Здесь, ты автоматически либо Еврей, либо мусульманин, либо Христианин.»

«Но что они имеют против Христиан?»

«Ответ Евреев на этот вопрос печален но для них самих очень убедителен. В средние века, крестоносцы, с эмблемой креста, уничтожили все Еврейские общины в Европе Позднее, им удалось захватить Иерусалим — они называли это "освобождением" Иерусалима они пролили больше крови и были более жестоки, чем все предыдущие завоеватели, за исключением, может быть, римлян Позднее, в гетто Европы и России, именно Христианские священники, с крестами в руках, возглавили жесточайшие нападения на Еврейские общины»

«Но я бы не назвала таких людей Христианами, не говоря о том, чтобы делать что-то подобное!»

«Может быть и нет—но в глазах всех обитателей Маханех Йехуда сама ваша фамилия Кристенсен отождествляет вас с такими людьми Ваше присутствие напоминает им именно то, от чего они сюда убежали. Кроме того, вы таки нарушили субботу, устроив стирку и вывесив бельё всем на обозрение!»

Теперь замолчать пришлось мне Виновная в ассоциации—за преступления, которые на протяжении столетий совершались против Еврейского народа. И конечно, я была лично виновата за то, что постирала в день, который был для них свят «Что бы вы посоветовали мне сделать, мисс Ратклифф? Не ошиблась ли я вообще, переехав в Маханех Йехуда!»

Мисс Ратклифф взяла в руки свою Библию «Позвольте мне ответить словами Павла: "Всё же от Бога. Иисусом Христом примирившего нас с Собою и давшего нам служение примирения мы посланники от имени Христова ." (2-е к Коринфянам 5:18. 20)»

«Посланники?»

«Разве вы не понимаете' Сначала Бог должен был примирить вас с Собою. Теперь же Он дал вам служение примирения к людям Маханех Йехуда - чтобы разбить барьер подозрительности и страха, который строился веками Мисс Кристенсен, это большая честь»

Весь оставшийся день я рассуждала о словах мисс Ратклифф. Я просила Бога показать мне Его цель для моей жизни, и Он привёл меня в Иерусалим и возложил на меня заботу о. Тикве. В этом я не сомневалась. Но была ли теперь передо мной другая часть моего задания быть посланником Христовым в Маханех Йехуда?

«За что несёт ответственность посол?»— спросила я сама себя. Не меня людей, к которым он послан, но представлять того Царя. Которому он служит. Как недостойна я была этого! Но ведь я попросила Бога показать мне моё задание, и теперь я не могла отказаться.

За несколько дней моё отношение изменилось. Нежелание, уступило место возбуждению. Я начала видеть своих соседей в новом свете. Меня больше не оскорбляла их настороженность, которая временами перерастала в открытую враждебность. Я воспринимала это как вызов. Для того, чтобы победить, мне нужно было согласиться со своей ролью посла и использовать дипломатические методы.

Я решила сделать первые шаги сближения с женщиной, которая содержала бакалейный магазин подо мною. Я начала покупать у неё продукты. Её звали Шошанна (что, как я узнала, на иврите означает "роза") Это была плотная, жизнерадостная женщина, лет сорока, с двумя дочерьми школьного возраста. Она проводила своё время в магазине, но каждый день возвращалась в свою квартиру, которая была в другом районе. Прожив несколько лет в США, она прилично знала английский. Она никогда не говорила о своём муже, упомянув только что он работает в Нью-Йорке.

Всякий раз, когда я шла в магазин, я брала с собой Тикву. Очень скоро, любопытство Шошанны превозмогло всё остальное. «Она Еврейка?»—спросила она «Да»—ответила я. «Сколько ей?»

«Чуть больше пятнадцати месяцев »

«Пятнадцать месяцев!»—Шошанна воскликнула с удивлением. «Но она не выглядит и на половину этого возраста! Она болела?» Это был шанс, которого я ждала. Я рассказала о своей борьбе за спасение жизни Тиквы и восстановлении её здоровья и сил. Результат был именно таким, какого я ожидала. Материнский инстинкт в Шошанне превозмог все религиозные предрассудки. С этого времени она стала моим союзником в борьбе за Тикву. Каждый раз, когда я приносила её в магазин. Шошанна забирала её у меня и кормила кусочком банана или апельсина, говоря с ней как мать. На идише всё это время Тиква уже могла сама стоять по нескольку минут на ногах, если только она могла за кого-то держаться.

Дом Шошанны был информационным центром обитателей всех шести домов в округе. За две-три недели все женщины уже знали историю Тиквы. и в результате этого, их отношение ко мне начало изменяться. Вскоре они начали приветствовать меня "Шалом." Некоторые даже предлагали свои услуги по уходу за Тиквой. когда я шла за водой или вывешивала бельё. Конечно, я больше не делала этого по субботам!

Читая Ветхий Завет, я обнаружила первоначальную заповедь о субботе, данную Моисеем. Там был и запрет о разжигании огня. Мои соседи по Маханех Йехуда применяли это и к таким вещам, как курение сигарет или разжигание лампы или плитки. Однако я замечала, как многие мужчины выскальзывали в туалет по субботам и исподтишка делали несколько сигаретных затяжек. Если я проходила мимо в таких случаях, я начинала громко кашлять, чтобы они знали о моём приближении, а затем умышленно смотрела в другую сторону. Таким образом, между нами установился необъявленный союз.

Моя дипломатия приносила хорошие результаты с женщинами и мужчинами, но дети всё равно оставались проблемой. Они получали особое удовольствие, переворачивая моё мусорное ведро.

которое стояло внизу моей лестницы. Руководителем этой ватаги был, очевидно, мальчик лет двенадцати, по имени Эфраим. Это был ещё один вызов моему дипломатическому искусству.

Иногда я слышала, как с Эфраимом по-английски разговаривал мужчина, по-видимому, родственник. Я решила воспользоваться этим как уловкой.

«Эфраим»—сказала я, встретив его однажды утром под своей лестницей. «Где ты научился так хорошо говорить по-английски?»

Эфраим сразу вырос на несколько сантиметров! «Мой дедушка родом из Лондона»—ответил он.

«Тогда именно ты сможешь помочь мне разобраться с остальными детьми»—продолжала я. «Они совершенно не умеют вести себя! Каждый день они переворачивают мое мусорное ведро»

«Я позабочусь, чтобы они больше этого не делали, леди. Меня они послушают!» —Эфраим говорил с уверенностью военного командира, готового отдать распоряжения своим войскам.

Так закончились мои проблемы с детьми, а Эфраим стал моим хорошим другом. Если он встречал нас, когда мы возвращались с прогулки, он брался за один конец коляски и помогал мне поднести её по лестнице.

Сблизиться с женщиной, живущей рядом с магазином Шошанны. было труднее Это было ссохшееся маленькое существо, которое всегда заворачивалось в шерстяную шаль, независимо от температуры воздуха Её звали Вера Она говорила только по-польски и на идише, с вкраплениями арабского, что совершенно не способствовало нашему общению. От Шошанны я узнала, что Вера притязала на особый статус из-за того, что её дедушка был раввином Она была вдовой и жила на скудное пособие, которое ей присылал из Чикаго сын

Выглянув однажды из своего окна сразу же после захода солнца, я увидела, как Вера торопливо перебегала через пустынную полосу земли перед нашим домом, которая в это время в пятницу обычно была пустой Через несколько мгновений она постучала в мою дверь. Когда я впустила её, она подошла к моей лампе, которая была зажжена и стояла на столе. Она показала на лампу, а затем в направлении своей комнаты.

«Вам нужна моя лампа»—спросила я

Вера отчаянно посмотрела на меня, а потом схватила меня за рукав и начала тянуть к двери Заинтригованная, я позволила ей свести меня вниз по лестнице, а затем в её комнату Её лампа стояла незажжённой в центре стола Она взяла коробку спичек, которая лежала рядом с лампой, вытащила одну спичку и сделала движение, имитирующее зажигание

Вдруг я поняла! Вера пришла домой слишком поздно и не успела зажечь свою лампу до захода солнца. Теперь, как Еврейка, она не могла сделать этого, потому что суббота уже началась. Но я как язычница могла это сделать запросто Я быстро зажгла лампу и поправила фитилёк Восторгу Веру не было предела «Хабепти! Хабепти!»— сказала она, поглаживая мою руку Я знала, что по-арабски хабебти означало моя дорогая

С того времени. Вера считала само собой разумеющимся то, что я должна была зажигать для неё лампу по субботам Таким образом, она могла оттянуть разжигание лампы ещё на полчаса, экономя немного керосина, что было очень существенно для человека с её доходами Зажигание лампы Веры стало неотъемлемой частью моего субботнего ритуала, она же в свою очередь стала считать меня одним из своих лучших друзей (Фактически, у неё вообще не было других друзей.) Всякий раз, когда я проходила мимо её двери или же встречала её, когда она набирала воду, она называла меня «Хабепти!»

Одним из последствий моего переезда в Маханех Йехуда было то, что моя учительница арабского не захотела приходить и учить меня Я спросила её почему, но её ответ был уклончивым В конце концов, я спросила мисс Ратклифф, знает ли она причину

«Думаю, что она как арабка боится идти туда где живут одни Евреи »

«Но ведь никто в Маханех Йехуда не сделает ей никакого зла?»

«Возможно, что нет, но если её соотечественники заметят, что она ходит туда слишком часто, то ей придётся туго. Сейчас, обе стороны занимают выжидательную позицию, но атмосфера такая напряжённая, что достаточно маленькой искорки, чтобы разгорелся большой огонь » Для того, чтобы восполнить потерю уроков арабского, я стала приходить к мисс Ратклифф два-три раза в неделю и практиковать разговорную речь с Нижмех Я также регулярно посещала служения у мисс Ратклифф. которые проходили каждое воскресное утро. Но моим домом отныне был Маханех Йехуда.

В середине апреля я осознала, что пробыла в Иерусалиме уже шесть месяцев, и мне нужно продлить визу. Устроив Тикву в коляску, я отправилась в отделение иммиграции, всё дорогу усиленно молясь, чтобы у меня не было проблем с продлением визы. К моему облегчению, клерк просто поставил на моём паспорте новую визовую печать и вручил его мне

По дороге домой, я услышала позади себя высокий женский голос, обращавшийся ко мне по-шведски: «Мисс Кристенсен. что это вы делаете с детской коляской?» Я обернулась. Это была мисс Густафссон

Я объяснила те обстоятельства, через которые Бог привёл Тикву ко мне

На Мисс Густафссон это не произвело никакого впечатления «Надеюсь, что она не отнимает у вас слишком много времени»— прокомментировала она «Наверняка, есть занятия и поважнее этой малышки!»

Всю дорогу домой я боролась с тем впечатлением, какое произвели на меня слова мисс Густафссон Она только выразила словами тот вопрос, который меня волновал. В конце концов, я была профессиональным преподавателем, привыкшим к двумстам ученикам в неделю. Разве имело смысл уделять всё своё время только одному ребёнку?

Тиква удивительно умела читать мои мысли. Когда я подняла её из коляски и понесла вверх по лестнице в нашу квартиру, она обняла мою шею обоими руками и прижала лицо к моей груди Она как бы говорила: «Спасибо за твою заботу!»

Через пару недель я получила заказное письмо на официальном бланке датских государственных железных дорог в Копенгагене Оно было от тех двух пар датчан, которые пригласили меня на чашку кофе и на печенье на проспекте короля Джорджа V, «В нашей конторе»— писали они, «мы организовали особый кружок Лидии, чтобы помогать Вам в Вашем труде в Иерусалиме. Пожалуйста, используйте часть этой суммы для того, чтобы купить Тикве что-то хорошенькое.»

Вместе с письмом был международный денежный перевод на восемьдесят долларов. Я отпраздновала это событие, купив у Шошанны немного чудесной венгерской салями.

К этому времени я придумала свой собственный способ покупок у Шошанны Я привязывала верёвку к плетёной корзине и спускала её из своего окна к двери Шошанны когда она видела корзину, она выглядывала из двери и спрашивала, что мне нужно. По мере того, как я называла каждый предмет, она клала это в корзину. Затем я поднимала корзину, вынимала из неё всё и снова спускала с нужным количеством денег

В начале мая я получила посылку от мамы с прелестным розовым свитером, который она связала для Тиквы. На деньги от кружка Лидии я купила подходящее розовое платье и пару детских туфель. На следующее утро, когда я выкатила Тикву в её новом наряде, мои соседи пришли в восторг от неё

Я была благодарна за огромные перемены в их отношении, но самое близкое общение у меня было с самой Тиквой Она была в центре моего мира Это мир был очень маленьким, но удивительно полным Иногда я даже чувствовала себя даже виноватой, что я так довольна Справедливо ли упрекала меня мисс Густафссон в том, что я отдавала всё своё время только одному ребёнку'

Может быть, мне нужно поискать более обширное поле служения. Тем не менее, своеобразный мир в моём сердце как будто говорил мне, что именно это задание Бог предназначил для меня

Со своей стороны, у Тиквы развилась удивительная чувствительность ко всем моим мыслям. Если я занималась домашними делами, стиркой или глажкой. она становилась в своей кровати, держась за край и следя своими серьёзными чёрными глазами за всеми моими движениями. Когда я заканчивала что-то особенно тяжёлое, например, глажку простыни, она громко вздыхала с облегчением, как бы говоря «Ну, вот и всё!»

Но больше всего она любила молитву и хваление Мы получали массу удовольствия от моего кресла качалки, когда я усаживалась на него и брала Тикву на руки и начинала молиться или петь вслух раскачиваясь туда-сюда. Сколько бы времени у меня на это ни уходило, она всегда оставалась спокойной, или же присоединялась к моим молитвам на своём особом детском языке

Однажды ночью в середине мая я проснулась от сильной жгучей боли в ноге Я схватила фонарь и осветила туда, где болело Моя лодыжка покраснела и распухла Что-то укусило меня в постели! Я начала просматривать своё постельное бельё, пока не нашла маленького, красноватого жучка во шве матраса. Схватив щётку. Для волос и расчёску, я раздавила жучка между ними. Капнула капля красноватой жидкости моей собственной крови.

На следующее утро я показала Шошанне опухлость на своей ноге «Клоп!» — прокомментировала она «Когда по ночам становится теплее, они вылезают из щелей в полу и взбираются по ножкам кровати Вам нужны поставит четыре пустые банки под ножки вашей кровати. Затем наполните банки керосином, и клопы не смогут взобраться на кровать »

В ту ночь, со всеми ножками кровати в керосине, я спала очень хорошо. После нескольких безмятежных ночей я радовалась успеху стратегии Шошанны, как вдруг снова проснулась от точно такого резкого жжения Я быстро зажгла лампу и нашла клопа и задавила его на ножке кровати. Пролилась предательская капля крови

Но как клоп попал в мою кровать? Я осмотрела комнату Позади моей кровати, ещё один клоп совершал путешествие вверх по стене. Достигнув потолка, он начал ползти к центру комнаты, как вдруг свалился прямо на середину моей кровати Я сразу же раздавила его гребнем и расчёской Крови на этот раз не было

Зловещая гениальность клопов, раскрытая таким образом, ужаснула меня, Наверное, в полу их было несметное количество Невозможно было сидеть всю ночь напролёт и перехватывать их по мере того, как они падали ко мне в кровать. Но ведь я не могла рассчитывать на мирный сон, пока не найду способа, чтобы разделаться с ними. Но как? «Мне нужна Твоя помощь. Господи?»— сказала я

Моментально я вспомнила историю с Египетскими язвами. Там были последовательно выпущены разные мерзкие существа: лягушки, воши, мухи Тем не менее, Бог контролировал их и защищал от них Свой народ. Разве Он не сделает того же самого с клопами?

Я упала на колени возле кровати: «Господи!»— сказала я, «Эти клопы язва, и я никак не могу уберечься от них Я прошу Тебя удалить их от меня чтобы они никогда не возвращались »

Прошло несколько недель, как вдруг я поняла, что Бог ответил на мою молитву. С той ночи в моей комнате не было ни одного клопа!

К концу мая. Тиква начала ходить Конечно, мне нужно было снести её вниз к Шошанне и поделиться с ней этой победой Затем я повезла её на коляске в дом мисс Ратклифф. чтобы показать тамошним обитателям

Тикве было тяжело научиться ходить из-за физической слабости, но её умственное развитие совершенно не было нарушено. К тому времени, когда она смогла ходить, она уже - пользовалась такими простыми английскими словами, как молоко и пр. Но, конечно, наибольший восторг у меня вызывало то, как медленно и старательно она говорила "Мама" Её любимой игрой была игра, в которой я учила её, как называются разные части лица Я показывала пальцем на свой глаз и говорила: «Глаз » Затем я показывала на её глаз и ждала, пока она ответит «Глаз » Когда она выучила глаз, я повторила то же самое с носом, ртом и так далее

Однажды, когда я уложила Тикву для дневного сна, внезапно у моей двери появился г-н Кохен Это было его первое посещение с тех пор, как я переехала в Маханех Йехуда. Положив палец на губы, я провела его в комнату, где Тиква спала в своей колыбели Пару минут он не отрываясь смотрел на неё. Затем я увела его обратно в кухню и закрыла дверь

«Как она?»— спросил он

«Чудесно!»— ответила я. «Две недели назад она начала ходить.»

«Хорошо»— помедлил г-н Кохен Он не смотрел мне прямо в глаза. Я видела, что он что-то замыслил «Видите ли » Он снова замолчал «Ну. Всё дело в том, что Хадасса ушла от меня Она уехала в Тель-Авив. Мне нужно разыскать её »

«Жаль»— сказала я

«Я пришёл, чтобы забрать Тикву.» В первый раз он посмотрел мне в глаза «Если Хадасса узнает, что Тиква со мной, она вернётся ко мне Я возьму Тикву с собой в Тель-Авив »

«Возьмёте Тикву?» У меня вдруг пересохло в горле «Но разве вы не понимаете! Она очень слаба и не перенесёт этого Её жизнь ещё раз подвергнется опасности....»

«Я должен забрать её сейчас»— прервал меня г-н Кохен «Автобус на Тель-Авив уходит менее чем через час »

«Но, г-н Кохен » У меня в уме вертелись разные аргументы, но слова высыхали у меня на губах. Во мне превозмогла сила, которая была намного сильнее моей воли или эмоций. К своему собственному удивлению я услышала, как говорю «Я одену её для вас »

Я пошла в спальню, собрала Тиквину одежду и положила её в коричневый бумажный пакет. Затем я подняла её, всё ещё полусонную, в кроватке и надела на неё розовое платье и белые туфельки Она немного поворчала в протест, но тут же снова заснула в моих руках.

Вернувшись на кухню, я передала её отцу Она открыла глаза, посмотрела ему в лицо и начала плакать Он немного растерялся, и мне показалось, что он передумает. Затем его взгляд упал на коляску «Мне это будет нужно, чтобы она могла спать»— сказал он

Когда г-н Кохен положил Тикву в коляску, я налила в бутылочку молока и положила её в коляску, рядом с одеждой Всё ещё поражаясь своим собственным поступкам, я помогла ему снести коляску вниз. Внизу Тиква на минуту перестала плакать и протянула ко мне руки, надеясь, что я подниму её Я же вместо этого отвернулась и взбежала по лестнице. Устроившись возле окна спальни, я увидела, как г-н Кохен. толкая перед собой коляску, достиг дороги на Яффу и исчез из виду. Самым последним из того, что я видела, была чёрная ярмулка на макушке головы

Наконец, я отошла от окна и медленно прошла по пустой и ненавистной квартире Я больше не могла там встать Я как можно скорее пошла в дом мисс Ратклифф и зашла в комнату к Ни ж мех

«Отец Тиквы только что забрал её у меня»— прорвало меня, «и уехал в Тель-Авив Я хотела препираться с ним, но что-то внутри меня не позволило мне этого сделать ...О. Нижмех. зачем я это сделала'»

Нижмех немного помолчала. Затем она сказала: «Вы были правы. Спорить вам помешал Святой Дух. Помните, что как бы вы ни любили Тикву. Бог любит её больше!»

«Но. Нижмех. она такая хрупкая! Её отец не сможет позаботиться о ней Я знаю, что Бог вверил её мне Я не понимаю .»

Нижмех на ощупь нашла мою руку. «В такие минуты»— сказала она, «нам не нужно понимать Нам нужно доверять »

«Помолись обо мне, Нижмех! Я так хочу довериться но внутри меня такая буря!»

Мы долго сидели рядом, держась за руки. Наконец, она сказала: «Я хочу поделиться с вами тем уроком, который я усвоила много лет тому назад, когда ослепла Доверие Богу это не чувство, это решение Мы не всегда можем изменить свои чувства, но мы можем проявить свою волю »

«Но как мне перестать волноваться о ней!»

. «У вас это не получится. Но вы можете решиться доверить её Богу а затем запечатать это решение, заявив об этом вслух »

И тогда, в присутствии Нижмех, я приняла решение: «Что бы ни случилось, я буду доверять Богу - в вопросе с Тиквой, во всём, что касается меня самой - на всю оставшуюся жизнь!»

11 Капитуляция

Следующая неделя была временем непрерывного конфликта Я всячески старалась дисциплинировать свои мысли и подчинить их решению доверять Богу независимо от чувств или обстоятельств. Я проводила как можно больше времени в изучении Библии и языка, но мне нужно было постоянно концентрировать своё внимание

Хуже всего были ночи Вопросы о Тикве осаждали мой ум. Вернулась ли жена к г-ну Кохену, или же он присматривал за Тиквой сам? Давали ли ей нужную еду и прогуливали ли на свежем воздухе? Она постоянно была у меня перед глазами: в коляске у подножия лестницы, с поднятыми руками, ожидающая, чтобы я взяла её. Дважды я просыпалась посреди ночи и автоматически шла к Тиквиной кровати, чтобы посмотреть на неё и понимала, что кровать пуста

Когда Шоанна услышала, что отец Тиквы забрал её от меня для того, чтобы заполучить обратно свою жену, её комментарий был кратким: «Все мужчины одинаковы они думают только о себе!» От Шоанны новости распространились, как обычно, по всем моим соседям. Разными путями они пытались выразить своё сочувствие. В следующую субботу, когда я пошла к Вере, чтобы помочь ей с лампой, она приготовила мне подарок—батон тминного хлеба, который она сама испекла

Неделю спустя после того, как г-н Кохен забрал Тикву. я пошла в банк и у знала, что у меня осталось всего восемь долларов Я была так занята Тиквой, что совсем не думала о деньгах. Однако оглядываясь назад, я поняла, что в последний раз я получила деньги в конце апреля как дар от кружка Лидии.

Однажды в конце июля я спустила свою корзину к Шоанне и подняла её обратно с булкой хлеба, апельсинами и инжиром Я открыла свой кошелек, положила его содержимое в корзину и снова спустила её Шоанна посчитала деньги и сказала: «Ещё восемь центов!»

«сейчас у меня нет»— ответила я «Как только я получу деньги, я заплачу вам » Шоанна не стала возражать, и я снова подняла пустую корзину

Сколько можно прожить на булке хлеба и фруктах? Я перебивалась на своих продуктах четыре или пять дней, но наступил момент, когда я подошла к хлебнице, а хлеба там не оказалось Я перевернула её и постучала по дну, но выпало всего лишь несколько крошек Передо мной был факт: еды и денег нет Я посмотрела на свой календарь—понедельник. 1-е июля

«Хорошо, что сейчас у меня нет Тиквы»— сказала я сама себе, а затем подумала: «Может быть, именно поэтому. Бог допустил, чтобы её забрали у меня!» Я снова посмотрела на картинку в календаре. Было ли это для меня напоминание, что Добрый (пастырь всё ещё держит в руках Свою овечку. Но что мне было делать в моём положении? Возможно. Шоанна (согласится отпустить мне с кредит, но я чувствовала, что так быть недолжно Или же я могла попросить о помощи мисс Ратклифф. Но я знала, что ей едва хватало на собственные нужды Чем больше я рассуждала о своей ситуации, тем сильнее я чувствовала волю Божию на то, чтобы я обратилась к Нему за ответом Я вспомнила, что однажды сказал пастор Расмуссен в лорсоре «Бог встречается с нами именно в минуты крайней нужды » Я не могла уйти от мысли, что Бог желает встретиться со мной, и теперь Он ждёт меня

Во время своего дневного чтения Библии, я начала проследить путь Авраама, с 12-й главы Бытия и далее Авраам был мне ближе всех других персонажей Ветхого Завета Я всё ещё помнила ту проповедь, которую прочитал в пятидесятнической церкви Корсора Арне Конрад Именно пример Авраама помог мне отказаться от своей учительской работы в Корсоре Теперь я

хотела проследить этапы, которыми Бог вёл его после того, как он подчинился первоначальному призыву покинуть свою родную землю

В главе 22 я проследила, как Авраам послушался приказа Божия возложить своего сына Исаака в качестве жертвоприношения. Я видела, что Аврааму пришлось совершить трёхдневное путешествие с Исааком на гору Мориа — место, предназначенное для жертвоприношения. Я размышляла, а что передумал Авраам во время этого долгого путешествия. Какую внутреннюю борьбу и вопросы он, должно быть, пережил!

Бог дал Исаака Аврааму чудесным образом. Он очень хорошо знал, как Авраам любит его. И тем не менее, теперь Он хотел забрать его. Трудно было понять, почему Бог хотел это сделать.

Остаток дня я провела в молитве и рассуждениях. Я постоянно молилась о Тикве—чтобы Бог показал её отцу, как заботиться о ней. К ужину я очень проголодалась. Мне пришлось сражаться с картинами моего обеденного стола в Корсоре, подготовленного к ужину. В конце концов я выпила два стакана воды, и муки голода прекратились.

Во вторник утром, я как обычно пошла на почту, но мой ящик был пуст. Я пошла домой через Мусрару, чтобы переговорить с Нижмех, но я почувствовала внутри себя, что этого делать не надо. У меня было свидание с Богом—и только с Ним. Мне недостаточно было бы даже самого лучшего человеческого совета или утешения. В полдень я вернулась к 22-ой главе Бытия. Снова я представила себе Авраама по дороге на гору Мориа. Но на этот раз я смотрела на него не объективно, как на другого человека вне меня отождествилась с ним. Путешествие совершала я сама: Где-то впереди была моя «гора Мориа», место моего свидания с богом. Авраам пришёл на гору на третий день. У меня пошёл второй день одиночества, без пищи. Я знала, что завершу своё путешествие на третий день. «Завтра»— сказала я себе, «что-то случится.»

В среду я снова пошла на почту, но даже не открывая ящика, я знала, что он пуст. Ничто не могло изменить моей внешней ситуации пока я не достигну «горы Мориа» и не встречу там с Богом.

Возвращаясь домой с почты на палящем солнце, я начала ощущать головокружение. Взобравшись во лестнице в свою квартиру, я еле стояла на ногах, мои колени дрожали, и мне пришлось прислониться к стене. Войдя внутрь, я бросилась на постель. Комната поплыла перед моими глазами. Наконец, я задремала.

Вдруг я проснулась. У меня было очень сильное впечатление, что сейчас со мной заговорит Сам Бог. Я спокойно лежала на кровати.

«Я хочу, чтобы ты вернула Мне Тикву!» Голос наполнял всю комнату, хотя я не слышала никаких звуков.

«Но, Господи»— ответила я, «её отец забрал её, и она уже не у меня.»

«Ты позволила, чтобы отец забрал её» — пришёл ко мне ответ, «но ты никогда не отдавала её. Мне Ты всё ещё держишься за неё своей волей. Я могу благословить только то, что полностью подчинено Мне.»

В моей комнате был Сам Бог. Я была ошеломлена. Я почувствовала себя такой маленькой и незначительной. Тем не менее, Бог снизошёл, чтобы заговорить со мной.

Я спокойно выскользнула из своей кровати и встала на колени, склонив голову. Затем я начала молиться. Слова приходили медленно—одно за другим:

Господи, я отдаю Тикву Тебе. Ты дал её мне. Теперь я возвращаю её Тебе. Она Твоя! Будет ли она жить или умрёт—вижу я её снова или нет—она Твоя! Да будет воля Твоя—а не моя!

Медленно мною овладел внутренний мир. Я знала, с непоколебимой уверенностью, что Тиква была в руках Божиих, и что Бог исполнит Свою волю в её жизни. Никто и ничто на земле не могли помешать этому. Я не перестала любить её. Моё сердце всё ещё стремилось к ней. Но во всём этом был самый совершенный мир. Та буря, которая бушевала во мне три недели, прекратилась.

Отправившись на почту на следующий день, я почувствовала, как всё внутри меня очистилось. Я не ела четыре дня, но не было и следа физической слабости. Моё сердце было переполнено самой глубокой и чистой любовью, которую я когда-либо испытывала— любовью к детям, играющим на улице, любовью к слепому нищему на тротуаре, и более всего к Иерусалиму. Я вспомнила тот вопрос, который я задала сама себе в день своего приезда. Можно ли было любить пыль и камни? Теперь я знала ответ. Да, это было возможно! Бог ответил на мою молитву и выделил мне часть Своей собственной любви к Иерусалиму.

На ступеньках почты я столкнулась с мисс Густафссон. «Неужели это вы, мисс Кристенсен!»— сказала она. «У вас теперь нет коляски.»

«Нет»— ответила я, «отец ребёнка забрал её.»

«Всё это к лучшему, мисс Кристенсен. всё к лучшему! Теперь вам легче вернуться в Данию!» Громкий смех, последовавший за словами мисс Густаффсон. был как нож в рану моего сердца «Все мы должны уехать, или же нас перережут в постели! Я забронировала билет в Швецию на конец месяца Возможно, вы сможете достать билет на то же самое судно—оно заходит в Копенгаген »

«Благодарю вас»— ответила я как можно вежливее, «но я не собираюсь уезжать »

В тот день в моём почтовом ящике было два письма, оба из Дании. Одно было от мамы, и я открыла его первым. Там был денежный перевод на сто двадцать долларов. В письме объяснялось почему были высланы эти деньги: «По радио мы слышим, что в Иерусалиме ожидают столкновений между арабами и Евреями. Пожалуйста, купи себе билет на первое же судно, отплывающее в Европу Я с нетерпением жду тебя Твоя любящая мама.. »

Некоторое время меня почти парализовало. К боли в моём сердце за Тикву теперь прибавилось желание увидеть маму. Был ли чек от неё обеспечением Божиим для меня? Возможно. Бог устроил, чтобы я встретила мисс Густаффсон именно в тот момент, чтобы я узнала о судне, отплывающем в Копенгаген

В конце концов, рассуждала я. Тикву от меня забрали Я действительно чувствовала, что отдала её в руки Божий Никто больше в Иерусалиме не нуждался во? мне Стоило ли мне вернуться домой, где меня любили и нуждались во мне? Я могла представить себе ту радость, с которой мама получила бы письмо с вестью, что я возвращаюсь домой

Я открыла второе письмо Оно тоже было из Дании, и в нём был международный перевод на десять долларов. Единственными словами были: «Для Вашей работы в Иерусалиме » Не было ни обратного адреса, ни фамилии отправителя

Я оказалась на перекрёстке! Куда пойти? Принять ли деньги от мамы и вернуться домой. или же принять гораздо меньшую сумму- Божие обеспечение для меня в Иерусалиме? Я не осмеливалась сделать свой собственный выбор. Стоя перед ящиком, я склонила голову и закрыла глаза: «Господи»— прошептала я, «покажи мне тот путь, который Ты приготовил для меня. Пусть выбор буде! Твоим, а не моим!»

Прошло несколько минут, и ничего не изменилось. Затем перед моим взором пронеслась серия живых картин. Это было то, что я видела в то утро на улице: играющие дети, слепой нищий, женщин с корзинами на головах, нагруженные животные, вперемешку с людьми. Позади всего этого была неровная линия Старого Города на фоне безоблачного голубого неба. По мере того, как передо мной представала каждая сцена, моё сердце переполнялось любовью той самой любовью, которую поместил в моё сердце Сам Бог

Я получила ответ на свой вопрос! Это был тот же самый ответ, который я получила в подвале мисс Ратклифф накануне Рождества. Мои планы и чувства были на человеческом уровне, они менялись и были непостоянными. Но цель Божия была на ином уровне, и она оставалась неизменной Моё место было в Иерусалиме!

Я подошла к стойке и получила десять долларов по переводу. Затем я наскоро написала письмо матери, благодаря её за любовь и заботу, но объясняя, что я не собираюсь уезжать из Иерусалима. Я положила в конверт её перевод и отослала обратно

Однажды утром на следующей неделе я проснулась с сильным предчувствием Что-то очень важное должно было произойти! Я лежала в постели, пытаюсь представить, что же может принести этот день но безуспешно. Наконец, я стала читать свою порцию Нового Завета на тот день, которая начиналась с одиннадцатой главы к Евреям. Прочитав первые несколько стихов, я с удивлением обнаружила, что я вновь прослеживаю историю Авраама. Может быть. Бог хотел показать мне ещё что-то относительно Авраама?

Автор послания к Евреям схематически прослеживал историю Авраама, кульминационным моментом которой было приношение Авраама на горе Мориа. Но он подчеркнул то, чего я не заметила в >, Бытии Авраам никогда не сомневался, что Бог вернёт ему Исаака, даже если это означало воскресение из мёртвых. Это изменило мою собственную перспективу

Читая из Бытия на прошлой неделе, я отождествляла себя с Авраамом в время его долгого испытательного путешествия для совершения жертвоприношения на горе Мориа. Но теперь я представила, как он сошёл с горы после окончания испытания. Это был триумф веры! С гордо поднятой головой и сияющим лицом он спускался по скалистой тропинке. Рядом с ним шёл ребёнок, которого он отдал Богу и получил обратно от Бога. В его ушах всё ещё звучало обетование, которое было дано ему с неба «Благословляя благословлю тебя, и умножая умножу семя твоё, как звёзды небесные» (см. Бытие 22:17; к Евреям 6:14).

«Твоё семя»— сказала я «Это был Исаак! Бог не просто вернул Исаака Он вернул его, неисчислимо умножив семя »

Урок всей этой истории был так ясен, что я набросала его внизу страницы: Сначала Бог даёт нам—Затем мы возвращаем Богу— Наконец. Бог возвращает нам благословив и приумножив превыше всякого нашего воображения

Мои рассуждения были прерваны громким стуком в дверь. На лестничной площадке стояла маленькая хрупкая женщина в выцветшем ситцевом платье, с цветным шарфиком на голове «Мисс Кристенсен. вы помните меня' «— спросила она по-арабски

Я внимательно посмотрела на неё «Нет»— ответила я на этом же языке, «боюсь, что нет » «Я мать Тиквы!»

Я видела её только как фигуру, завёрнутую в шаль, в той тёмной комнате, напоминающей пещеру

«Извините меня»— сказала я, благодарная за многочасовые занятия языком, которые позволяли мне теперь разговаривать с ней «Теперь я вспомнила Пожалуйста, проходите!»

«Нет, я не могу оставаться! Но я пришла, чтобы попросить вас кое о чём Не могли бы вы снова забрать Тикву? Она с её отцом в Тель- Авиве—вот адрес » Она вручила мне кусочек бумаги

«Значит, вы и ваш муж не живёте вместе'»

«Нет. мисс Кристенсен. я не могу жить с этим человеком! Он не обеспечивает меня он обрекает меня на голод Я сама поехала в Тель-Авив, чтобы найти работу, но так и не нашла »

«А если ваш муж, г-жа Кохен. не отдаст мне Тикву'»

«Мисс Кристенсен. помолитесь!» Она сжала обе руки «Я знаю, что он отдаст её! Он обязан! Иначе она умрёт » Через минуту она спустилась по лестнице и поспешно пересекла двор

Я посмотрела на свои часы, девять часов! Остановившись только для того, чтобы взять сумку, я отправилась на автобусную станцию. Через полчаса я ехала в Тель-Авив Мой ум был занят вопросами. Как мне подойти к г-ну Кохену? А что, если он откажется отдать Тикву? Чем больше я пыталась нарисовать всё заранее, тем больше возникало проблем. Наконец, я сказала «Господи, я ничего не буду планировать и не буду ни к чему готовиться! Я доверяюсь Тебе чтобы Ты дал мне подходящие слова, когда они будут нужны мне!»

Сойдя с автобуса в Тель-Авиве, я поспешила по адресу, который мне дала г-жа Кохен Это было примерно в двух километрах от автобусной станции Дверь открыла женщина, которая говорила по-немецки Она сказала, что г-н Кохен снял у неё комнату, не сейчас он разыскивает работу. К счастью, моего немецкого было достаточно, чтобы вести простой разговор

«Есть ли у него маленькая девочка?»— спросила я «Да, он держит её в комнате—в коляске»— добавила она. «Не могла бы я взглянуть на неё? Меня послала её мать » Женщина немного подумала, потом повела меня в глубину дома. Детская коляска стояла под окном Я быстро подбежала к ней и заглянула внутрь. На Тикве было то же самое розовое платьице, которое я надела на неё, когда отец забрал её, но оно так выцвело и запачкалось, что его нельзя было узнать Её щёки поблёкли, а на лбу была открытая рана

Когда я наклонилась над ней, она открыла глаза и посмотрела на меня пустым, ничего невидящим взглядом. Затем у неё вспыхнула искра узнавания Она потянулась ко мне и прикоснулась к моему глазу «Глаз»— сказала она почти шёпотом. Затем она снова закрыла глаза

Хозяйка дома, извинившись, ушла. Я села на единственный в комнате стул и начала усиленно молиться: «Господи, дай мне слова!»

Через сорок минут я услышала голоса в прихожей В следующую минуту вошёл г-н Кохен Он остановился у двери. «Мисс Кристенсен!»— сказал он «Как вы попали сюда?» Он посмотрел на меня как будто я была привидением

Стоя перед ним, я почувствовала в себе действие той же самой силы, которая удержала меня от споров с ним, когда он пришёл за Тиквой. Но теперь мне были даны слова, чтобы говорить слова, наделённые властью, гораздо большей меня.

«Ваша жена послала меня забрать Тикву»— сказала я. «Тиква снова заболела, и вы не в состоянии смотреть за ней. Если вы оставите её здесь, она умрёт »

На этот раз слов не было у г-на Кохена. Два или три раза он открывал рот, но слов не было 'Пожалуйста, помогите мне снести коляску»— продолжала я. *Я заберу её с собой в Иерусалим.» Я ни спорила, ни повышала голос, но действие моих слов на г-на Кохена было драматическим. Его руки по-настоящему дрожали, когда он взялся за коляску Мы вдвоём вынесли её на улицу, чтобы идти на автобусную остановку.

На автобусной станции г-н Кохен помог мне пристегнуть коляску к багажной раме на крыше автобуса, пока я устраивалась внутри, с Тиквой на руках Когда автобус отъезжал, г-н Кохен

махал нам рукой В первый раз я увидела, как он улыбается Я поняла, что он освободился от бремени, которое он не мог нести

В автобусе Тиква прижалась ко мне из всех сил. Иногда она поднимала свой палец к моему глазу или носу, но ей не хватало сил, чтобы сказать слова. В ответ, я тихонько напевала ей её любимые песни. Наше общение было глубже всех слов. Моё сердце было переполнено любовью к ней и благодарностью к Богу за то, что Он вернул ее мне Я представила себе Авраама, когда он спускался с горы Мория. а Исаак шёл рядом с ним «Мне кажется, я знаю, как он чувствовал»— сказала я сама себе

Когда я везла коляску мимо магазина Шошанны. она заметила нас через открытую дверь. «Это Тиква!»— воскликнула она «Вы заполучили её обратно!»

Когда я рассказывала ей о том, что случилось, она наклонилась над коляской, гугукая с Тиквой на идише. Затем она пошла в магазин и вернулась с двумя банками молока. Я начала открывать свой кошелек, но Шошанна отмахнулась

«Подарок от Еврейской мамы Еврейскому ребёнку!»

Вернувшись в квартиру, я смогла внимательно осмотреть Тикву Она и похудела и ослабела Я уже знала о ране на лбу, но я обнаружила и другие на спине, которые распухли и загноились. Я бы не стала трогать их без квалифицированного медицинского совета В целом, Тиква была безнадежно хрупкой. Но самое главное было то, что Бог вернул её мне Он не подведёт меня!

Я подумала о своих финансах Десятидолларовый подарок от анонимного благодетеля в Дании уже почти был исчерпан. Это была вторая неделя июля, а я всё ещё не заплатила двенадцать долларов за квартиру. Когда отец Тиквы забирал её, я отдала самую лучшую одежду, и от восторга я забыла забрать это. Мне придётся покупать новое. А также предстоят медицинские расходы....

«Мне нужна приличная сумма»— сказала я наполовину себе, наполовину Богу, «по крайней мере, пятьдесят долларов!» Это было одновременно и утверждение, и пожелание, и молитва.

На следующий день в моём почтовом ящике было письмо—из Дании! От возбуждения я посмотрела на имя отправителя Эрн Сторм! Мой восторг сменился разочарованием О чём это Эрн могла писать мне? Да, она действительно однажды послала мне пять долларов через Кристин Сондерби. но подобная сумма не покрыла бы мои нужны сегодня

Когда я начала читать письмо от Эрны, мои чувства снова изменились—от разочарования к изумлению:

Дорогая Лидия,

Я должна начать с того, что прошу Вашего прощения за всё то плохое, что я сказала о Вас, когда два года назад Вы крестились. Боюсь, что мне понадобилось много времени, чтобы убедиться, как я была неправа, но Бог был так добр и терпелив со мной

Я не могу рассказать Вам всего, что случилось с тех пор, как Вы уехали из Корсора. но в воскресенье 23-го июня я тоже приняла драгоценный дар Святого Духа, а примерно неделю спустя я как верующая была крещена пастором Расмуссеном! Как Вы думаете, где это случилось? В Стор Баэльте! Конечно, все в школе говорят обо мне, точно также, как говорили о Вас. Но теперь я понимаю, почему Вы могли оставаться такой спокойной и счастливой при всём этом На этот раз мой случай не будет разбираться в высших инстанциях Вопрос был решён раз и навсегда, когда парламент принял решение в Вашем случае

Теперь Кристин Сондерби. Вальборг и я встречаемся каждую неделю, чтобы молиться за Вас Политическая ситуация кажется серьёзной, но мы провозглашаем для Вас обетование из псалма 33:8: «Ангел Господень ополчается вокруг боящихся Его и избавляет их »

Мы прилагаем дар от нас троих

Благодарная Вам. Эрн

Я ещё раз заглянула в конверт и вытащила оттуда листок бумаги Это был денежный перевод—на девяносто долларов!

На то, чтобы понять случившееся, мне потребовалось несколько минут Бог не просто послал мне нужные деньги, почти в два раза больше, чем осмелилась пожелать Он совершил нечто более чудесное Он ответил на мою молитву об Эрне. Разве могла я верить, когда уезжала из Корсора девять месяцев тому назад, что Эрн. Кристин и Вальборг когда-то будут собираться вместе, чтобы молиться обо мне?

12 Осада

Стоя за прилавком, Шошанна прервала разрезание куска салями. Когда она была возбуждена, ей нужно было жестикулировать обеими руками

«Почему всегда достаётся нам, Евреям?»— сказала она «В Европе нам не давали покоя Христиане—здесь это мусульмане! На этой неделе идут непрерывные бои. Даже у Стены Плача! Я говорю вам, это не к добру!»

«Разве вы не думаете, что Великобритания положит конец всему этому?»— сказала я «Великобритания!»— фыркнула Шошанна «Они только и делают, что распоряжаются! А какая нам от этого польза? Если мы не научимся, как самим защищаться, то никто нас не защитит!»

Шошанна вручила мне мою салями, и в то же самое время дала дольку апельсина Тикве, которая стояла рядом со мной. Несколько минутами позднее я шла по дороге на Яффу, а Тиква семенила рядом со мной, держась за мою руку

Прошло полтора месяца с тех пор, как я привезла Тикву из Тель-Авива Доктор назвал её выздоровление «феноменальным.» «Чудесное»—поправила я его про себя. Теперь я могла брать её на короткие прогулки без коляски. Когда она уставала, я поднимала её и сажала себе на плечи. Такие поездки, с ногами вокруг моей шеи и руками, обвитыми вокруг моего лба, стали её любимой игрой

Я остановилась перед обувным магазином, раздумывая, могу ли я позволить себе пару крошечных сандалей для Тиквы. когда я заметила, что крики вокруг меня стали громче. Повернувшись в ту сторону, откуда раздавался шум, я увидела массу людей, бегущих группу женщин впереди, с растрёпанными волосами, которые истерически кричали и били себя по груди. Сначала я подумала, что это похороны, но толпа двигалась слишком быстро

Я схватила Тикву на руки и быстро сошла с дороги в щель шириной примерно в полметра между обувным магазином и соседней лавкой Стараясь не двигаться, я наблюдала, как мимо меня бежали люди. За женщинами были мужчины и мальчики-Евреи, судя по ярмулкам на голове. У них было самое разнообразное оружие; топоры, ломы, ножи для мяса и даже хлебные ножи, привязанные к метёлкам

Некоторое время спустя толпа поредела, но люди всё шли и шли по одному или по двое, как мужчины, так и женщины. Мимо проковылял бородатый мужчина, который держал у головы окровавленный носовой платок. Из-под платка текла кровь, которая запекалась на его бороде

Через несколько минут я услышала рыдания В нескольких метрах от меня прошла молодая женщина Я сразу же заметила неподвижное мальчужковое тело у её груди лицо ребёнка было смертельно бледным, а его голова болталась. Между рыданиями женщина снова и снова повторял его имя: «Ами—Ами-Ами »

Наконец, улица опустела Тиква начала ёрзать Я не могла оставаться до бесконечности в этой узкой щели между двумя стенами Могу ли я попытаться вернуться в Маханех Йехуда Я почти что высунулась наружу, чтобы оценить обстановку, когда где-то на улице я услышала резкий щелчок и ноющий звук. Это была пуля! Я устроила Тикву поглубже в нашем укрытии

Через несколько минут, не заметив никакого движения, я высунула голову на несколько сантиметров, чтобы осмотреть улицу в обоих направлениях. Прежде всего я заметила перевёрнутую ярмулку, лежащую посреди дороги. Но улица была совершенно пуста, в обоих направлениях

Взяв Тикву на руки, я начала как можно быстрее бежать по Дороге в Маханех Йехуда Тиква обвила меня руками и держалась меня изо всех сил. Свернув с улицы на участок, где были скучены наши дома, я в смятении на минуту остановилась. Над всем нависла зловещая тишина. Обычно здесь играли бы дети, стирали женщины, но сейчас никого не было видно Все двери и окна были закрыты Я постучала в две квартиры—«Шошанна! Вера!» — но так и не дождалась ответа

На углу здания я наступила на маленький скользкий круглый предмет, из-за которого я чуть не упала Я посмотрела вниз. Это была пуля! Инстинктивно я осмотрелась вокруг, чтобы увидеть кто мог выстрелить, но никого не увидела Я взбежала по лестнице перепрыгивая через две ступеньки. Как только я положила Тикву в кроватку, я закрыла входную дверь и придвинула к ней кухонный стол. Затем я закрыла оконные створки во всех комнатах и прислонилась, всё ещё задыхаясь, к стене спальни

Отдышавшись, я осторожно раздвинула жалюзи в спальне и выглянула из окна Маханех Йехуда выглядел как осаждённый город. Вдоль дороги на Яффу, сколько мог видеть глаз, перед дверями, окнами и балконами были нагромождены камни. С какой целью? Чтобы

преградить дорогу пулям — или же чтобы бросать на всякого, кто попытается напасть? Я не могла не прийти к выводу, что такая защита бесполезна, если у арабов много оружия

Некоторое время спустя, из домов по обеим сторонам дороги начали выскальзывать по двое и трое мужчины и женщины, чтобы строить дорожные заграждения Женщины извлекали камни из дороги или с заброшенных участков Другие заполняли пустые керосиновые канистры песком. Затем они передавали это мужчинам, которые укладывали это ряд за рядом поперёк дороги. Как только баррикада была построена, как мужчины, так и женщины исчезали из виду

Но в нашем крошечном скоплении домов не было никаких признаков жизни и движения Тишина действовала на нервы Может быть, все мои соседи сбежали, или же некоторые из них забаррикадировались в своих квартирах, как и я'

Августовское солнце немилосердно нагревало крышу, воздух был почти неподвижным, и жара в квартире стала проверкой на терпение. В то же самое время закрытые ставни создавали искусственный полумрак, что значительно усиливало атмосферу мрака и изолированности

Если нам предстояло быть в таком затворничестве долгое время, то мне следовало бы проверить свои запасы. Если экономить, то еды хватит на пару дней Я особенно была благодарна за баночку молока Но когда я посмотрела в керамический кувшин, где я держала воду, моё сердце опустилось Воды было немного — менее литра Я думала сходить к крану в общем дворе и пополнить водные запасы, как только вернусь с прогулки с Тиквой

Стоило ли мне выйти сразу же и наполнить свой кувшин? Это значило пройти метров тридцать по открытому двору к крану. Едва я задала себе этот вопрос, как снова началась стрельба, где-то на восток от нас Время от времени я слышала свист пуль за домом Выставить себя на открытом пространстве в дневное время было бы сумасшествием Если в меня попадёт пуля, и я не смогу вернуться в квартиру, что тогда случится с Тиквой? Я начала винить себя за то что не подготовилась. В конце концов, несколько человек предупредили меня, что беспорядки будут

Кроме жары и недостатка воды, моей величайшей проблемой было отсутствие информации Я бы никогда не поверила, что город таких размеров, как Иерусалим, мог быть таким молчаливым в дневное время Когда винтовочные выстрелы разрывали тишину, это было облегчением Я тщетно пыталась представить себе, что происходит «Если я переживу это» — сказала я сама себе, «то прежде всего, я приобрету переносной радиоприёмник.»

Когда стемнело, моё одиночество стало полным. Даже в лучшие времена Маханех Йехуда скудно освещался. Но сейчас нигде не было видно ни огонька, ни на улице, ни в домах, и я не осмеливалась зажечь свет у себя

Время от времени я подходила к окну и выглядывала через щели в ставнях, но видела только очертания домов на фоне освещённого звёздами неба. Однажды я различила фигуру человека, который, согнувшись, бежал между домами Минуту или две позже я услышала мягкие следы шагов на песке прямо под моим окном, и сердце моё начало бешено колотиться в грудной клетке. Но шаги затихли, и снова опустилась тишина, нарушаемая только обычными редкими выстрелами

К полуночи небо над Старым Городом осветилось неярким красным сиянием, которое длилось часа два, затем медленно угасло Непроизвольно, я представила себе дома, объятые пожаром, и подумала о судьбе людей внутри. Наконец, я улеглась на кровати, не раздеваясь, и попыталась заснуть, но безуспешно. Слишком хорошо мне вспоминались слова мисс Густафссон на ступеньках почты: «Нас всех убьют в кроватях!»

На следующее утро ситуация внешне не изменилась. Двери и окна везде были закрыты, улицы пустыни Я присматривала за Тиквой, как только могла. Выкупать её было нельзя. Я решила, что лучше всего использовать воду, которая у нас всё ещё была, для смешивания с молоком, чтобы кормить её из бутылочки Я и сама выпила несколько капель этой смеси.

Около полудня я положила Тикву обратно в кроватку, чтобы она поспала К тому времени чувство изолированности стало невыносимым Без радио, без газеты, без всякого общения с моими соседями, у меня оставался только один источник информации - Библия Сидя за столом, с закрытой Библией передо мной, я сказала «Господи, если в этой Книге есть такое, что поможет мне понять происходящее и ту роль, которую Ты приготовил для меня пожалуйста, покажи мне это сейчас.» Затем я открыла Библию.

На странице, которую я открыла, мне бросились в глаза два стиха из Исаяи, которые я уже подчеркнула синим карандашом:

На стенах твоих. Иерусалим, Я поставил сторожей, которые не будут умолкать ни днём, ни ночью О. вы, напоминающие о Господе!

не умолкайте, не умолкайте перед Ним, доколе Он не восстановит и не сделает Иерусалима славою на земле Исайя 62:6. 7

Стражи—на стенах Иерусалима—которые не умолкнут «Наверное, это картина молящихся людей» — подумала я. «молящихся с колоссальной серьёзностью и прилежанием— молящихся об одном—об Иерусалиме » Но почему об Иерусалиме? Почему этот город отличался от других? Я начала перелистывать страницы Библии, ища ответ на этот вопрос

Через четыре часа вся моя перспектива изменилась. Меня как будто подняли в космос, и я увидела мир с Божией точки зрения. На земле, как мне теперь представлялось, есть установленный Богом центр: Иерусалим. Из этого центра, по Божественному плану, истина и мир должны растекаться по всей земле; сюда вернётся поклонение и приношения всех народов Единственная надежда для земли заключается в осуществлении этого плана. Кроме Иерусалима, не было никакого другого источника мира.

Это придало новый смысл словам псалма 121. «Просите мира Иерусалиму.» Теперь я понимала это не только как призыв молиться за один город в стране, которая занимала крошечную часть земной поверхности Результаты этой молитвы благословят все страны и народы Мир всей земли зависел от мира Иерусалима

Почему тогда именно этот города так пострадал больше других городов—на протяжении трёх тысячелетий от всего, что было прямой противоположностью мира, от войны, массовых убийств, разрушения и рабства? Я видела только одно объяснение Иерусалим является полем битвы духовных сил.

Некоторые прочитанные отрывки совершенно убедили меня. что в мире действовали злые силы— «начальства и власти», как их назвал Павел которые сознательно и систематически противились как целям Божиим, так и Его народу. Наиболее интенсивной и сконцентрированной эта оппозиция является в Иерусалиме. То, что Бог избрал этот город как центр благословения всего мира, также сфокусировало внимание противящихся сил вражьих. Фактически, я начала видеть Иерусалим как подмости, на которых этот вселенский конфликт между добром и злом достигнет кульминации—кульминации, которую давно предвидели пророки, и которая теперь была очень близка

Вот почему проблемы Иерусалима никак не удавалось разрешить чисто политическими методами, как я видела по ситуации вокруг меня Ни политики со своими конференциями, ни генералы со своим армиями не могли решить проблемы Иерусалима. Ответ нужно, было искать на более высоком уровне. На духовную силу нужно реагировать духовно. Победить оппозицию сил зла можно было только одной силой—силой молитвы

Я ещё раз вернулась к псалму 122 «Просите мира Иерусалиму » Я почувствовала Божественное ударение на слове просите Мир Иерусалиму могла дать только молитва.

«Молоко, мама, молоко!» Плач Тиквы в кровати прервал мои рассуждения. Обнаружив, что её платье промокло от пота, я сняла его и оставила её в пелёнках Затем я смешала немного воды с меньшим количеством молока и дала ей Я и сама хотела глотнуть, но передумала У нас оставался примерно стакан воды и наполовину меньше молока. Пока мне не удастся возобновить наши запасы, я должна всё оставить для Тиквы

Некоторое время я держала её на руках, пытаюсь успокоить её. Когда она снова заснула, я положила её обратно в кровать и вернулась к Библии. От возбуждения познания новых истин, которые открывались мне, я забыла о своей жажде и зловещем полумраке моей квартиры. Исследуя план Божий для Иерусалима, я логично пришла к Его плану для Израиля. Я обнаружила, что это взаимосвязано и неразделимо. В тех же самых пророчествах, которые обещали милость и восстановление Иерусалима, было обещание того же самого Израилю. Первое было неотделимо от второго

И как много обетовании восстановления Израиля я нашла! От начала и до конца, пророческие книги были переполнены ими. Я подумала, а насколько эти пророчества уже исполнились! В течение десятилетия после войны 1914-18 годов. Евреи непрерывно стекались на свою землю. Но, если я правильно понимала то, что читала, это было прелюдией к чему-то гораздо более грандиозному Бог фактически посвятил Себя, через Своих пророков, на то, чтобы снова восстановить их как независимое государство на их собственной земле. Для этого, как Он сказал. Он повернёт вспять ход истории

Подобно пророкам Ветхого Завета, и апостол Павел упоминал обетование полного восстановления: «Весь Израиль спасется» (см к Римлянам 11:26) Он очень ясно говорил, что Божий план восстановления всей земли включает в себя восстановление Израиля и не может быть осуществлён без последнего Он также напоминал Христианам из язычников, к которым он обращался, что они обязаны Израилю всем своим духовным наследием, и он бросал им вызов

выплатить свой долг милосердием: «...чтобы и сами они (Израиль) были помилованы» (стих 31)

«Какое ужасно искривлённое представление было все эти годы у нас, Христиан»— сказала в конце концов я сама себе «Мы вели себя так, как будто мы всем обязаны самим себе, не будучи ничего должными ни Израилю, ни Иерусалиму, и ни в чём не нуждаясь от них. Но всё дело в том, что Божий план мира и благословения всех народов никогда не осуществится, пока не восстановятся как Израиль, так и Иерусалим и Он ожидает, чтобы мы были Его сотрудниками в деле достижения этого»

Просил ли сейчас меня Бог об этом—принять мою личную ответственность за Иерусалим и занять моё место среди «сторожей» на стенах, молясь день и ночь за осуществление плана Божьего? Может быть, именно для этого Он и привёл меня из самой Дании? Чем больше я рассуждала об этом, тем очевиднее это становилось. Среди всей окружающей меня напряжённости, я приняла внутреннее освобождение. У меня было такое впечатление, что наступил конец долгих поисков. Только два года тому назад, слушая проповедь д-ра Карлссона в пятидесятнической церкви в Стокгольме, я впервые попросила Бога показать предназначенное мне задание в жизни с тех пор. Он раскрывал свои цели шаг за шагом Он привёл меня в Иерусалим. Он возложил на меня заботу о Тикве Он поместил меня как Своего посла в Маханех Йехуда. Это были формы служения людям Возможно, в своё время к этому прибавится ещё что-то

Но тогда я поняла, что Бог говорил со мной о служении на более высоком уровне—не людям, а Ему Самому. Во время этой осады. Он показал мне Свой неизменный план для Иерусалима и всей земли, план, который выходил за пределы всех личных нужд и ситуаций В свете того, что Он сейчас показал мне. Он просил меня занять своё место как сторожа, ходатая, проявляющего через молитву единственную силу, которая осуществит Его план. У меня было такое впечатление, что таким образом я стану членом великой армии таких стражей, которая создавалась на протяжении многих веков и которой ещё предстояло засвидетельствовать новую эру

Как всегда, получив новое откровение задания Божиего для меня, я почувствовала себя слабой и неспособной Но я уже поняла, что я должна полагаться на Его силу, а не на свою собственную Я склонила голову над своей Библией «Господи»— сказала я, медленно сказала я, осторожно подбирая слова, чувствуя, что они фиксируются на небе, «с Твоей помощью я займу предназначенное мне место—место стража на стенах Иерусалима»

При наступлении ночи, я отдала Тикве всё оставшееся молоко и воду. У меня больше не было выбора. Как бы это ни было опасно, я должна выскользнуть, когда окончательно стемнеет, и принести воды

Не раздеваясь, я лежала на постели и ждала полуночи Время от времени я светила фонариком на свои часы. Никогда время не тянулось так медленно Тишина ночи прерывалась только редкими выстрелами, но насколько я могла судить, это было далеко от нашего дома. Наконец, я неумышленно задремала

Неожиданно проснувшись, я попыталась припомнить, почему я лежала одетой на кровати. Затем, когда вернулось чувство жажды, я всё вспомнила, осаду, стрельбу, тишину, закрытые ставни домов Я нащупала свой фонарь и сразу же посветила на свои часы. Был почти час ночи. Это было самое лучшее время, чтобы пойти за водой!

Убедившись, что Тиква спит, я медленно отодвинула кухонный стол от входной двери. Затем я взяла ведро, открыла дверь, сантиметр за сантиметром, и вышла на лестничную площадку, напряжённо прислушиваясь к любому шуму. Всё было неподвижно. На цыпочках я спустилась по лестнице и пошла к умывальнику подставила ведро под кран и открутила его. В кране пошумело, но воды не было Секунду или две я стояла парализованная, с ведром в одной руке, а другой рукой держась за кран. Затем меня ударило как обухом по голове, воды не было! Каким-то образом, во время мятежа, её отключили!

Мой ум отказывался думать о последствиях Важно было одно Я должна вернуться обратно в квартиру к Тикве! Точно также тихонько и быстро, как я пришла, я на цыпочках вернулась обратно, с пустым ведром в руке Тиква не просыпалась Я снова легла на постель и попыталась оценить обстановку. Тикве и мне нужна была вода. Но где её взять? Единственным местом, которое пришло мне на ум, был дом мисс Ратклифф. У неё была своя собственная цистерна, и она не зависела от внешнего снабжения.

Я подумала, что для этого надо было сделать Расстояние между нашими домами было только пару километров, но наверняка, на пути по настраивали баррикады Это означало, что я не могу взять коляску Мне придётся нести Тикву на плечах. На половине пути по дороге к мисс

Ратклифф я перейду из Еврейского района в арабский. Это будет самое опасное. Обе стороны наблюдают друг за другом за любым движением

Когда мне отправляться в путь? Я решила попросить Бога о знамении «Господи»— сказала я, «пожалуйста, пусть Тиква спит до того времени, когда мы сможем идти. Как только она проснётся, я буду знать, что мы должны идти »

К моему удивлению, в то утро Тиква спала гораздо больше, чем обычно. Ожидая её пробуждения, я ещё раз внимательно осмотрела обстановку из окна. Всё та же молчаливая пустота! Затем из дома вдалеке на дороге на Яффу выскользнул мужчина и низко согнувшись на уровне баррикад быстро пересёк улицу и исчез в проходе между двумя домами на противоположной стороне Я не могла разобрать, что он нёс в руках, возможно, палку, или ружьё? Кроме этого, я не видела никаких признаков деятельности

Примерно в 7 30 Тиква проснулась Её первыми словами были: «Мама, молоко!» Но молока, конечно, не было Я подняла её из кровати и посадила на плечи. Какой несчастной она ни была, её лицо сразу же просветлело от этого Мама снова играла с ней! Прежде, чем спуститься по лестнице, я быстро выдохнула молитву «Господь Иисус, защити нас!» В тот момент я вспомнила последние строки письма Эрны Сторм: «Мы провозглашаем для вас обетование псалма 33:8: "Ангел Господень ополчается вокруг боящихся Его и избавляет их"» Как мало я тогда, читая письмо, понимала, что мне очень понадобится это обетование!

Затем, с ногами Тиквы вокруг моей шеи и её руками, обвитыми вокруг моего лба, я пошла в направлении на Мусрару Раннее утреннее солнце уже неприятно припекало, освещая закрытые ставнями дома и пустынные улицы Зловещая тишина угнетала больше, чем жара. Как бы хотелось увидеть хотя бы кошку или собаку Примерно через каждые пятьдесят метров мне встречались баррикады из камней и других обломков, наваленных на улице Мне было больно перелезть через них, с Тиквой на плечах.

Примерно через километр мне преградила путь баррикада, на метр выше остальных, которая была демаркационным пунктом между Еврейской и арабской зонами. Я начала перелезть, но на половине, я поскользнулась на незакреплённом камне и с грохотом сползла вниз, чуть не упустив Тикву Поняв, что мои силы были на исходе, я усадила Тикву на землю и пристроилась рядом с ней Сама бы я как-то бы переползла Но как перетащить Тикву?

Вдруг у меня появилось смутное предчувствие, что я была не одна. Все мускулы в моём теле напряглись Быстро обернувшись, я увидела молодого человека, стоявшего на дороге в паре метров от меня Я чуть не закричала, но прежде, чем я могла что-то сказать, молодой человек подхватил Тиква и посадил её на свои плечи, точно также, как это делала я. Затем, совершенно не напрягаясь, он перелез через баррикаду. Без Тиквы мне удалось переползти вслед за ним

Как только я оказалась на другой стороне, молодой человек пошёл по дороге—с Тиквой на плечах и мною на некотором расстоянии позади. Всё ещё пытаюсь понять, что же случилось я пристально посмотрела на молодого человека Его рост был примерно метр восемьдесят. На нём был тёмный костюм европейского покроя Он никак не был арабом Может быть, он был Евреем Откуда он взялся! Как он так неожиданно оказался рядом со мной!

Больше всего меня поразило поведение Тиквы Обычно, если её пытался взять на руки чужой человек, она начинала плакать Но я Не Услышала ни единого крика с тех пор. как её взял этот молодой человек. Она путешествовала на его плечах с таким же удовольствием, как и на моих. Она получала от этого удовольствие! Примерно километр молодой человек шёл вперёд Он не раздумывал, куда идти, но пошёл в Мусрару самым прямым путём Каждый раз, когда нам встречалась баррикада, он перелезал впереди меня, а затем ожидал, пока это сделаю я. Наконец, он остановился прямо перед домом мисс Ратклифф. поставил Тиква на землю, развернулся и пошёл обратно тем же путём, каким мы пришли. За всё время нашей встречи он не прознёс ни слова, ни поздоровавшись, ни попрощавшись. Через минуту он исчез из виду

Всё ещё раздумывая, было ли это со мной во сне или наяву, я взяла Тиква на руки, поднялась по лестнице к входной двери мисс Ратклифф и начала колотить по ней

«Кто там? Что вам нужно?»— спросил чей-то голос по-арабски «Это я. Мария! Мисс Кристенсен! Пожалуйста,пусти меня!» «Мисс Кристенсен!»— Мария чуть не задохнулась от удивления. Затем я услышала, как она прокричала вглубь дома: «Это мисс Кристенсен! Она стоит у двери!»

Раздалась серия звуков—отодвигаемой тяжёлой мебели и засова. Наконец, дверь открылась, и Мария забрала у меня Тиква

«Слава Богу, что с вами всё в порядке!»— позади неё стояла мисс Ратклифф. «Мы так переживали эти два дня. что могло быть с вами.» Вдруг я поняла, что не могу стоять на ногах. Последним усилием воли я добралась до дивана и упала на него.

«Воды, пожалуйста!»— сказала я. Всё ещё держа Тиква на руках. Мария побежала и вернулась через минуту со стаканом воды. Ничто из выпитого в моей жизни не было таким вкусным

«Как же вы попали сюда?» — не могла успокоиться мисс Ратклифф.

«Мы звонили в полицию и попросили их послать наряд за вами, но они сказали нам, что пробраться в Маханех Йехуда невозможно »

Я описала своё путешествие и молодого человека, который пришёл мне на помощь

«Эль-хамд иль-Аллах»—закричала Нижмех, от возбуждения хлопая в ладоши. «Бог ответил на наши молитвы! Мы попросили Его послать Ангела для вашей защиты, и именно это Он и сделал!»

13 Сторож на стене

Позднее в тот день мисс Ратклифф поведала мне о фоне событий, так как она поняла это из радиосообщений. Политические и религиозные демонстрации как сионистов, так и мусульман, привели к настоящему восстанию. Затем в пятницу, 23-го августа, мусульмане начали нападать на разные Еврейские общины. Именно в тот день началась наша осада в Маханех Йехуда. До сих пор, силам безопасности не удалось установить контроль над обстановкой. По предварительным подсчётам, было убито примерно двести человек—большинство Евреев, но также и несколько арабов

«Что ещё хуже»— добавили мисс Ратклифф. «верховного Комиссара Великобритании нет в стране. Но по последним сообщениям, он возвращается.»

Ещё три дня обстановка в городе не менялась, двери были закрыты, ставни окон захлопнуты, а улицы пусты. Над всем господство вала напряжённая, неестественная тишина, нарушаемая теперь уже привычным звуком винтовочной стрельбы. Затем вечером в четверг, 29-го августа, по радио объявили, что вернулся верховный Комиссар «Может быть, теперь, будут предприниматься какие-то меры!»—прокомментировала Нижмех

Рано утром на следующий день городская тишина была нарушена новым звуком: резким повторяющимся треском пулемётного огня.

«Пулемёты!»—воскликнула мисс Ратклифф «Это наверняка армия Великобритании. Ни у арабов, ни у Евреев пулемётов нет »

Около полудня мы услышали звуки приближающегося транспорта. Я осторожно выглянула через щель в створке. По дороге ехала английская вооружённая машина, с солдатом за пулемётом. За ней ехала открытая полицейская машина примерно с десятком полицейских с винтовками. Эти две машины проследовали мимо дома и повернули за угол в направлении, в котором я пришла из Маханех Йехуда. Примерно через пять минут раздалось несколько пулемётных очередей из того же самого направления. Затем снова наступила тишина. Позднее мы слышали отдалённую стрельбу из различных районов

В субботу, 31 –го августа, правительство заявило, что обстановка под контролем, и что жителям всех районов даётся двадцать четыре часа, чтобы убрать баррикады, которые они построили. Ближе к вечеру люди начали выходить из домов, и на улицах снова стали слышны голоса. Медленно, но верно, жизнь возвращалась в своё нормальное русло.

В ту ночь я пошла в комнату Нижмех «Нижмех»—начала я, «я хочу задать тебе несколько вопросов, которые я хотела спросить уже давно—относительно того, что произошло в Дании, когда Господь меня в первый раз наполнил Святым Духом » Я постаралась как можно точнее описать видение с женщиной с кувшином на голове и мужчинами, сидящими вокруг неё. «С того времени, как я приехала в Иерусалим»— завершила я. «я видела много женщин, одетых в таком стиле и с кувшинами на голове, но я так и не увидела именно ту женщину.»

«Мисс Кристенсен, я потрясена! Вы точно описали один из ритуалов арабской свадьбы. В детстве я не раз видела такие сцены.» «Но почему Бог показал мне это?»

Нижмех немного помолчала. Потом она сказала: «Много лет я просила Бога прислать кого-нибудь позаботиться о бездомных детях в этой стране. Его собственной стране. И вот Он привёл вас, чтобы помогать здесь людям—детям, женщинам, может быть и другим тоже. Если вы не перестанете слушаться Его и следовать за Ним везде, куда Он ведёт вас. то я уверена, что в один прекрасный день вы увидите ту сцену, которую вы описали.»

«Но. Нижмех»— воскликнула я, «я пробыла здесь почти год, и всё, ' что мне удалось сделать, это спасти одного маленького ребёнка. Когда я только задумываюсь о всём, что нужно делать, я не уверена, что смогу позаботиться и о других детях »

«Мисс Кристенсен, я считаю, что вы закладывали фундамент того, что Бог предусмотрел для вас. А закладка фундамента почти всегда самая тяжёлая часть любого строительства. Также помните, что Бог не повторяет своих уроков. Бог не повторит с другими, детьми тех уроков, которые вы усвоили с Тиквой »

«Может быть, ты и права. Нижмех, но сейчас я чувствую себя неспособной »

На следующий день я решила, что можно было возвратиться в Маханех Йехуда Тиква начала это путешествие, идя рядом со мной, но закончила, как обычно, у меня на плечах Шошанна Вера. Эфраим и его семья. Как у них дела? Не случилось ли чего с ними? раньше я не понимала, как много они значат для меня

Выглядывая из открытой двери своего магазина. Шошанна увидела нас и выбежала поздороваться с нами «Слава Богу!»— воскликнула она. «Вы живы - здоровы! Мы все думали, что вас убили. Где вы были?»

Я рассказала ей, что оставалась в квартире, пока не кончилась вода, а потом пошла с Тиквой в Мусрару

«Вы пешком пошли в Мусрару—с Тиквой? И на вас никто не напал?»—Шошанна не могла поверить

«Я помолилась и попросила у Бога защиты»— объяснила я «Затем, когда я совсем обессилела. Бог послал мне на помощь человека»

«Человека? Кто бы это мог быть?»

«Шошанна, поверишь ли: Бог послал мне...» — я заколебалась. «Ангела мне на помощь?»

«Ангела?»— Шошанна уставилась на меня. «Верю ли я? Я скажу вам, во что я верю что это мог сделать только ангел!»

В этот момент открылась дверь Веры, и она вышла, укутанная в свою шаль Она усохла ещё больше «Хабепти! Хабепти!»— сказала на, поглаживая мою руку, пока говорила. Затем она сложила свои руки как бы для молитвы и посмотрела вверх Я поняла, что она благодарила Бога за моё благополучное возвращение. Пытаясь использовать все свои языковые познания, она продолжала: «Я— пал.» Она положила голову на руки «Я спал пять день—шесть день—не кушать—вода » Она вытянула пальцы, чтобы показать меру, примерно стакан, как я догадалась

В это время Шошанна забрала Тиква в магазин и чистила ей банан.

Когда я увидела нелицемерную радость своих двух соседок по поводу моего возвращения, моё глаза наполнились слезами. Теперь я Наверняка знала, что меня приняли. Я не была чужачкой. Я уже не была языческим интервентом. Это был мой народ Я была вместе с ними, а они вместе со мной

Поднявшись в свою квартиру, я осмотрела свои разношерстные принадлежности — выкрашенную в белую краску кровать, английскую коляску, кресло-качалку, примус, бутылки на полке Я как бы встретилась со старыми друзьями. У каждого предмета была своя собственная история Я вспоминала тот магазин, где я его купила, и сколько времени я тратила на выторговывание «Как хорошо вернуться домой!»— сказала я сама себе. На следующее утро мы с Тиквой отправились в знакомое путешествие на почту Улицы снова были заполнены людьми, а магазины были открыты Я шла медленнее, чем обычно, получая удовольствие от достопримечательностей и звуков, которые я любила Я задержалась перед небольшим ювелирным магазином, где я обратила внимание на пожилого Еврея, который склонился, сосредоточенно обрабатывая камень. Меня поразили ловкость и точность его движений

«Подумать только о времени, которое он тратит на обработку всего лишь одного камня!»— сказала я «Подумать только о годах, которые он потратил на то, чтобы овладеть своим мастерством!» Я переключилась на свой опыт по уходу за Тиквой Разве это не было ученичеством? Непроизвольно я склонила голову «Господи, если у Тебя есть и другие драгоценные камни—здесь в Иерусалиме— которые нуждаются в моём внимании, я готова.»

Я почувствовала, как Тиква потянула меня за руку «Мама— вверх!»— сказала она Присев, я подняла её на плечи, и мы продолжили наше путешествие на почту

Я не была уверена, что во время мятежа поступала почта, но к своему восторгу я обнаружила наскоро набросанную телеграмму от мамы:

Новости из Иерусалима очень тревожны, и я не слышала от тебя уже две недели. В безопасности ли ты! Может быть, тебе что-то нужно деньги или еда! Как я могу помочь тебе!

Вернувшись домой, я разложила мамино послание на столе и снова перечитала его, продумывая, как ответить на каждый вопрос

В безопасности ли я? Да слава Богу, я в безопасности! Не только в безопасности, но жива и здорова и счастлива!

Нужны ли мне деньги? Я открыла свой кошелек. Там было почти три доллара Я уже заплатила за квартиру. В банке у меня было примерно шесть долларов. Нет, деньги мне не нужны

Нужна ли мне пища? Я осмотрела полки. Там было масло и хлеб, маслины, инжир, помидоры, несколько яиц, коробка сардин, банка молока. Были также сахар и кофе. Нет, еда мне не нужна.

Я достала бумагу и начала писать письмо маме. У меня ушло несколько страниц на описание моих приключений во время мятежа и возвращения в Маханех Йехуда. Затем я написала:

Ты спрашиваешь, как помочь мне Я думаю, что ты, как и каждый Христианин, можешь многое сделать. Посреди всех сражений Бог показал мне кое-что, совершенно изменившее моё мировоззрение Я вдруг поняла, что у всех Христиан есть долг, который не выплачивался веками — Израилю и Иерусалиму. Благодаря им, у нас есть Библия, пророки, апостолы. Сам Спаситель. Слишком долго мы забывали об этом долге, но вот наступило время начать выплачивать его—а сделать это мы можем двумя способами

Прежде всего, нам надо покаяться в наших грехах против Израиля в лучшем случае, в нашей неблагодарности и отсутствии заботы, в худшем случае, в нашем открытом презрении и преследовании

Затем, с истинной любовью и заботой, мы должны молиться так, как нам говорит псалмопевец "о мире Иерусалиму", помня, что мир только тогда придёт в Иерусалим, когда Израиль обратится к Богу Бог показал мне, что отныне молиться таким образом об Иерусалиме будет той наивысшей формой служения, которую я могу предложить Ему

Затем я взяла ладонь Тиквы. положила её на нижнюю часть страницы и обвела контур руки и пальцев. Рядом я на писала «Тиква тоже передаёт свою любовь!»

Возвращаясь на почту на следующее утро, чтобы отправить письмо маме, я помедлила, чтобы посмотреть на теперь привычные очертания стен Старого Города Как бы я чувствовала себя, если бы мне пришлось стоять там в качестве сторожа, терпя жар солнца и молчаливый холод ночи'

Это было бы тяжёлым и одиноким заданием, подумала я Стены такие большие, враг может подойти со многих сторон. Но предположим, что стражей много, целая компания, стоящая плечом к плечу Господи, помоги мне занять своё место как стража на стене!

ЭПИЛОГ:

драма в трёх действиях

Лето 1974 года—сорок пять лет спустя после событий описанных в этой книге. Лидия и я осматривали Иерусалим с горы Елеон, узнавая места, где мы жили

«Вон Абу-Тор»— сказал я, указывая на холм за долиной Хинном в южной части Старого Города, «там ты принесла Тиква в подвал мисс Ратклифф.»

«Да»— ответила Лидия, «а правее Мусрара. а где-то позади Маханех Йехуда.»

«А прямо напротив»— сказал я, «дом, где мы жили, когда родилось государство Израиль »

Мы вспоминали ещё некоторое время то, что связывало нас с Иерусалимом, и что этот город значил для нас. Затем Лидия, как это было ей свойственно, не захотела слишком долго останавливаться на прошлом

«А как насчёт будущего?»— спросила она, в очередной раз. «Что будет с Иерусалимом?»

Ответ можно было найти только в одной книге Мы вместе присели на каменную стену, и я вынул свою карманную Библию Примерно два часа мы перелистывали страницы, часто останавливаясь, чтобы посмотреть на расстилавшийся перед нами город, поражаясь той особой роли, которую Бог определил для него на протяжении веков

Наконец, Лидия повернулась ко мне с очень сосредоточенным выражением лица, которое мне было так знакомо «Дерек»— сказала она, «уже много месяцев ты заставляешь меня напрягать память, вспоминая мельчайшие подробности того, что случилось сорок

Лидию долго рассуждать о прошлом, мне нужно было применить определённые усилия

«Я буду это делать»— продолжала она, «но при одном условии Что ты внесёшь в эту книгу то, что нам открылось сегодня о грядущих сорока пяти годах.»

И вот, чтобы исполнить своё обязательство в соглашении....

В раскрывающемся откровении Бога человеку, Иерусалим выполняет двойную функцию Он является сценой, где истина проявляется, и центром, откуда она распространяется

Мы можем представить себе это откровение как драму в трёх действиях, охватывающих три тысячелетия Режиссёр этой драмы Сам Бог. В каждом действии своя собственная тема, и место действия Иерусалим

Действие 1—мы должны вернуться ко времени Давида и Соломона началу истории Иерусалима как важного города Тема 1-го действия: блаженство народа под Богом. Кульминацией откровения является храм Соломона, с его невообразимой роскошью, посреди народа, наслаждающегося миром, благополучием и избытком, которые не имеют параллели в истории человечества.

Тем не менее. Бог дал им такое благосостояние, как и во всех Своих действиях с Евреями, не для них самих только. Он предназначил, чтобы это свидетельство о благосостоянии и повод для этого, распространились из Иерусалима во все народы Готовясь к строительству храма Давид сказал: «...дом, который следует выстроить для Господа, должен быть весьма величественен, на славу и украшение пред всеми землями..»¹ В кульминационный момент правления Соломона эта цель была достигнута. Царственные особы из всех стран, включая царицу Савскую, приходили в Иерусалим и восхищались славой храма, богатством и мудростью Соломона и благосостоянием Израиля

Однако слава царства Соломона была кратковременной. После его смерти непослушание и разделения разрушили всю систему Северная часть разделённого царства, известная как Израиль, пострадала от Ассирийского нашествия и была рассеяна среди окружающих народов Позднее, южная часть, известная как Иудея, со столицей в Иерусалиме, потерпела поражение от Вавилона Иерусалим и славный храм были разрушены; Иудея ушла в Вавилонское пленение Время шло, и остаток Иудеи вернулся обратно в Иерусалим и на окружающие территории В течение пяти последующих веков Еврейское государство, восстановленное таким образом, перебивалось в тени разных языческих империй, с Римом в завершение Так была подготовлена сцена для Действия II...

Тема второго Действия: примирение—между Богом и человеком, между любовью Божией и Божией справедливостью. Обращаясь как Отец к детям, которые заблудились, любовь Божия призвала: «Вернитесь!» Но говоря как Судья, божественная Справедливость сказала: «Вы виновны, вы не готовы к возвращению»

На горе, называемой Голгофой, сразу же за стенами Иерусалима, совершилось примирение. Справедливость была раз и навсегда удовлетворена искупительной смертью единственного и безгрешного Сына Божия, во исполнение пророчества Исаяи: «Все мы блуждали как овцы, совратились каждый на свою дорогу; и Господь возложил на Него грехи всех нас » Затем Любовь смогла предложить полное и окончательное прощение, также выраженное Исаяей: «Если будут грехи ваши, как багряное,— как снег убелю; если будут красны, как пурпур, как волну убелю.»²

Опять-таки Иерусалиму суждено было стать центром, из которого свидетельство Божественной истины—на этот раз факт примирения—должно было распространиться. Обращаясь к Своим ученикам после Своего воскресения. Иисус объяснил им, что Его смерть исполнила пророчества Писания и открыла дверь для провозглашения вести о прощении и мире во всех народах: «Так написано, и так надлежало пострадать Христу и воскреснуть из мёртвых в третий день, и проповедано быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима »³ Он также пообещал наделить Своих учеников сверхъестественной силой Святого Духа, чтобы их свидетельство давало результаты: «Но вы примете силу, когда сойдёт на вас Дух Святой, и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и даже до края земли »⁴ Из Иерусалима как центра весть примирения должна была распространяться всё возрастающими кругами—в Иудею, в Самарию и, наконец, до края земли В течение девятнадцати веков именно это было главным для учеников Иисуса

В конце девятнадцатого века. Бог начал готовить сцену для Действия III. На этот раз тема: управление народами. Об этом заявляет Давид: «Ибо Господне есть царство, и Он владыка над народами »⁵ Бог Израиля провозгласил, что Его власть распространяется на все народы

Далее. Он назначил Своего Собственного Царя, о Котором Он сказал «И Я сделаю Его первенцем, превыше царей земли »⁶ Перед лицом противления земли и отвержения Он заявил «Я помазал Царя Моего над Сионом, святою горою Моею »⁷ Он строго предупредил земных правителей, что потребует их подчинения этому Царю. Которого Он избрал:

Итак, вразумитесь, цари.

Научитесь, судьи земли!...

Почтите Сына, чтобы Он не прогневался, и чтобы вам не погибнуть в пути вашем Ибо гнев Его возгорится вскоре 9

Сцена для Действия III была подготовлена решительным вмешательством Бога в ход истории: возвращение Евреев на их собственную землю 14-го мая 1948 года, после полувека борьбы, родилось современное государство Израиль. Все многочисленные пророчества Писания, в которых и дет речью завершении нынешнего времени, без исключения сходятся в одном: Израиль будет существовать как народ на своей собственной территории. До тех пор, пока Израиль не будет восстановлен таким образом как нация, ни одно из этих пророчеств не может исполниться. Теперь открыт путь для исполнения всех их

Одно из самых полных пророческих видений о последнем времени находится в последних трёх главах пророка Захарии — с 12 по 14. И мы воспользуемся этими тремя главами как рамкой для составления плана, развёртывающегося шаг за шагом, в потоке главных событий, которым ещё предстоит произойти в Иерусалиме. (В связи с каждым событием мы в скобках приводим главу и стих из Захарии)

В первом стихе Господь приводит три причины, по которым Он совершенно точно может как предсказать, так и проконтролировать последующие события Он есть «распростёрший небо», «основавший землю», и «образовавший дух человека внутри него» От высоты небес до глубины земли. Господь полностью контролирует физическую вселенную. К тому же. Он знает и контролирует «дух человека»— внутренние побуждения, мотивы и цели всех людей на земле. Поэтому Его предсказания безошибочны.

Рассматривая Иерусалим как сцену, подготовленную для Действия III Божественной драмы, давайте поделим последующее пророческое видение на девять последовательных "сцен", каждая из которых представляет собой фазу разворачивающегося видения. Некоторые сцены могут переплетаться; между некоторыми может быть продолжительный промежуток

Сцена 1. Реакция арабов

«Вот. Я сделаю Иерусалим чашею иступления для всех окрестных народов, и также для Иуды во время осады Иерусалима»

(12:2).

Здесь, прежде всего, первый результат образования государства Израиль: бешеная реакция со стороны «всех окрестных народов», что приводит к осаде, направленной против Иерусалима и Иуды (Еврейского народа) Что это за народы вокруг Иерусалима? Ливан, Сирия. Ирак. Иордания, Арабские эмираты. Египет

Ясно, что эта первая стадия пророчества уже исполнилась. Как только возникло государство Израиль, все эти народы объявили против него войну и решили уничтожить его. В течение двух месяцев Еврейский Иерусалим был на осадном положении и почти обречён на капитуляцию из-за голода. От этой осады зависела судьба всей Иудеи (Еврейского народа в Израиле) Если бы Еврейский Иерусалим пал, то государство Израиль никогда бы не выжило

Сцена 2: Тяжёлый камень

«И будет в тот день, сделаю Иерусалим тяжёлым камнем для всех племён; все, которые будут поднимать его, надорвут себя...»

(12:3)

Диапазон этого пророчества широк. Теперь речь идёт обо всех народах—не просто об окружающих государство Израиль. Все народы земли будут вовлечены в проблему Иерусалима, но никто так и не сможет решить её.

В некоторой степени это уже случилось В 1947-48 годах. Великобритания попыталась приподнять этот камень, но «сильно надорвалась» (Как важно то, что распад Британской империи начался именно с этого момента истории!) Когда Великобритания опустила камень, шведский граф Бернадотте попытался вмешаться в качестве посредника, но его убили. Затем камень передали Организации Объединённых наций (представляющей "все народы"), и он стал самым насущным вопросом в международной политике. Бог предупредил все народы, все правительства, всех политиков, которые попытаются найти чисто человеческое решение по вопросу Иерусалима. Все, кто попытаются это сделать, «надорвут себя.»

Сцена 3: Все народы против Иерусалима « А соберутся против него (Иерусалима) все народы земли»

(12:3)

Когда я писал эту книгу, это ещё не произошло. Но возможность того, что это случится в ближайшем будущем, реальна Действительно, в обстановке международного нефтяного кризиса, существует повод для подобного сбора — кризис, который невозможно было себе представить во дни Захарии, или даже до изобретения в 20-м веке двигателя внутреннего сгорания.

В 1947 году. ООН сначала проголосовала за создание государства Израиль, а также приняла резолюцию о международном контроле над Иерусалимом. Эта резолюция никогда не была осуществлена; но она также не была отменена. Предположим, что ООН решится возродить эту резолюцию, а затем потребует, чтобы Израиль передал им, как международной власти, контроль над Иерусалимом. И предположим, что Израиль откажется сделать это. Что тогда? Если ООН соберёт между народную армию для исполнения этого решения, вопреки сопротивлению Израиля, результат будет именно таким, как предсказывал Захария

Конечно, это только один из возможных вариантов, как может случиться эта последняя, международная атака против Иерусалима Перестановки и комбинации в международной политике настолько запутаны, что только бесконечная мудрость Самого Бога может предвидеть курс событий с абсолютной определённой. Но сейчас, где-то за кулисами, ожидая сигнала для своего появления, мелькает зловещая фигура лжемессии Захария называет его «негодным пастухом» (1 У7) Новый Завет называет его «человеком беззакония

сыном погибели»¹⁰, «антихристом»¹¹, «зверем»¹². (Это последнее слово конкретно подразумевает жестокого, дикого зверя.)

Точно также трудно предсказать точную роль, которую сыграет этот антихрист в последнем действии драмы. Как человек исключительного ума и личного обаяния, он поднимется, благодаря серии странных и драматических обстоятельств, к положению власти в мировой политике. Из-за своей зловещей способности манипулировать людьми и народами, он заключит некое соглашение с Израилем¹³, что позволит им построить национальный храм в Иерусалиме. Это приобретёт ему огромное расположение в глазах миллионов Евреев. Фактически, этого будет достаточно, чтобы многие из них признали его как своего мессию— хотя это отождествление не будет обосновываться Писанием

Прежде, чем договор с Израилем будет исполнен до конца, проявится предательский обман этого антихриста Нарушив своё обещание Израилю, он потребует место для самого себя в этом храме, чтобы ему поклонялись как Богу¹⁴. Все искренние Евреи отвергнут это богохульственное требование. В отместку, антихрист обратился против всего Еврейского народа с жестокостью, которая оправдывает его титул «дикого зверя», и он использует своё всемирное влияние, чтобы возбудить войну против государства Израиль и преследование Евреев во всех странах

Не пытаясь показать все тонкости и обманы политики антихриста, мы переходим к последнему результату, о котором ясно говорится: «соберутся против Иерусалима все народы земли »

Защитники Иерусалима в конце концов потерпят полную катастрофу: «взят будет город, и разграблены будут дома. и обещены будут жёны, и половина города пойдёт в плен. » (14:2). Действительно, по всей территории Израиль перенесёт тяжкое поражение. Две трети Евреев в стране будут убиты. Но оставшаяся треть, по милости Божией, признает Господа как своего Спасителя и Освободителя (13:8.9)

Это будет кульминационной точкой того периода, который Иеремия называет «бедственным временем для Иакова»¹⁵ Ангел Гавриил так говорит Даниилу относительно этого времени: « наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди...»¹⁶

Однако и Иеремия, и Даниил обещают Израилю окончательное освобождение Иеремия говорит: «...но он [Иаков! будет спасён от него»¹⁷ Гавриил говорит Даниилу: « но спасутся в это время из народа твоего все, которые найдены будут записанными в книге »¹⁸ «Записанные в книге»— это предузнанные и предопределённые Богом, соответствующие одной трети остатка Захарии

Сцена 4: Вмешивается Бог

«Тогда выступит Господь и ополчится против этих народов, как ополчился в день брани» (143)

В этот момент произойдёт нечто такое, что современному интеллектуалу даже невозможно и представить. Когда Израиль потеряет всякую надежду на своё выживание как нация, вмешается. Сам Бог Своим вмешательством Он достигнет двух целей: осудит народы, атакующие Иерусалим, и явит милость Израилю (12:9.14:3).

Это Божие вмешательство против осаждающей Иерусалим армии не будет «военным» вмешательством в обычном смысле. Это будет сверхъестественное бедствие, которое поразит и ум, и тела атакующих В конце концов они в замешательстве выступят друг против друга и сами навлекут на себя разрушение (12:4. 14:12-15).

В то же самое время Господь сверхъестественно коснётся Святым Духом сердец Израиля, открывая Себя как. Того. Которого они отвергли и распяли: «А на дом Давида и на жителей

Иерусалима изолью дух благодати и умиления, и они воззрят на Него, Которого пронзили, и будут рыдать о Нём. как рыдают об единокровном сыне, и скорбеть, как скорбят о первенце» (12:10)

В результате все выжившие из Израиля будут глубоко скорбеть и раскаиваться, так, как этого никогда ещё не было в истории этого народа (12:12-14)

Сцена 5 Появление Царя

«И станут ноги Его в тот день на горе Елеонской, которая пред лицом Иерусалима к востоку и придёт Господь Бог мой и все святые с Ним» (14:4.5)

Очевидно, до этого момента вмешательство Господа, как против атакующих народов, так и в пользу Израиля будет достигаться Духовной силой Но, в определённый момент, который точно не называется, произойдёт самое драматическое событие во всей истории человечества В сопровождении неисчислимого воинства. Состоящего как из ангелов, так и из воскресших верующих. Сам Иисус спустится с неба и встанет на горе Елеонской

Так Бог исполнит то, что пообещали ангелы ученикам, когда Иисус вознёсся на небо. « .Сей Иисус, вознёсшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо »'9 Он вознёсся на облаке; Он спустится на облаке. Он вознёсся с горы Елеонской; Он вернётся на гору Елеонскую

Сцена 6: Землетрясение и геологические катаклизмы

«...и раздвоится гора Елеонская от востока к западу весьма большою долиною, и половина горы отойдёт к северу, а половина её — к югу» (14.4)

В результате сошествия Господа на Елеонскую гору, во всём этом регионе произойдут колоссальные геологические изменения Землетрясение раздвоит Елеонскую гору на две части, отделив северную часть (гору Скопус) от части южной (самой горы Елеонской). Весь Иерусалим приподнимется и станет доминирующей возвышенностью региона (14:10). Это согласовывается с пророчеством у Исайи и Михея:

И будет в последние дни. Гора дома Господня. Будет поставлена во главу гор, И возвысится над холмами.

Произойдут также метеорологические перемены, которые выделяют этот день из всех других дней истории земли: «И будет в тот день: не станет света, светила удалятся. День этот будет единственный, ведомый только Господу: ни день, ни ночь, лишь в вечернее время явится свет» (14:6,7).

За всю историю существования Иерусалима там никогда не было достаточного количества воды. Но в результате этих геологических катаклизмов, в Иерусалиме впервые появится своя вода. Появятся артезианские колодцы, из которых потекут реки на восток и на запад (14:8) На востоке река потечёт через долину, которая образуется в результате землетрясения на горе Елеонской, и дальше через Иудейскую пустыню к Мёртвому морю. Где бы ни протекала эта река, она даст жизнь и плодородие. Это подробно описано у Иезекииля 47 1-12

Сцена 7 «В доме любящих Меня»

После того, как Господь лично спустится на землю. Он вступит в - тесное общение с выжившим остатком Израиля. Он откроет им Себя, во всей полноте Своей человечности, каких Пастырь. Который отдал жизнь за Своих овец (13:7). С удивлением глядя на следы Его распятия, они спросят «От чего же на руках у тебя рубцы?» Он ответит: «Оттого, что меня били в доме любящих меня» (13:6).

Русский перевод очень точно передаёт еврейский оригинал— « любящих меня » После двух тысячелетий отчуждённости и отвержения. Господь уверяет Свой народ, что Он видит в их сердцах любовь к Нему

Сцена 8 Очищение и обновление

«В тот день откроется источник дому Давидову и жителям Иерусалима для омытия греха и нечистоты» (13:1).

В дополнение к геологическим переменам для земли и народа наступит период духовного очищения и обновления Исчезнут все виды идолопоклонства и религиозного обольщения. После этого, всех, кто попытается вновь заниматься подобными вещами, будут умерщвлять (13:2-5)

В результате этих очищающих процессов Иерусалим воистину станет «святым городом»— не только на словах, но и на деле Долговременное различие между святым и нечистым, или между кошер и некошер — перестанет относиться к Иерусалиму Всё в этом городе станет кошер— независимо от простоты или приземлённости употребления Захария 14:20.21:

В то время даже на конских уборах будет начертано: «святыня Господу», и котлы в доме Господнем будут, как жертвенные чаши пред алтарём

И все котлы в Иерусалиме и в Иудее будут святынею Господа Саваофа и не будет более ни одного Хананея [купца] в доме Господа Саваофа в тот день

Никто больше не сможет использовать дом Божий для личного обогащения

Последняя сцена Один Царь над всей землёй

«И Господь будет Царём над всею землёю, в тот день будет Господь един, и имя Его—едино» (149)

На все народы распространится исходная Божья модель теократического правления С Иерусалимом в качестве Своего земного центра. Христос будет править как царь над всей землёй По примеру Мелхиседека — царя-священника, который правил Иерусалимом во дни Авраама²¹—Христос соединит в Самом Себе две священные обязанности Царя и Священника.

Как Царь. Христос также будет верховным Судией. Одним из первых Его действий будет призыв ко всем народам явиться на Его суд:

Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов: и поставит овец по правую свою сторону, а козлов—по левую.

Разделение на народы «овцы» и народы «козлы» произойдёт по одному чёткому принципу— по тому, как они относились к Евреям, когда тех преследовали во время антихриста

Овцам, тем, которые явили в то время милость к Евреям, Христос скажет: «.. придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира Истинно говорю вам: так- как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне »²³

Козлам, тем, кто отказался сжалиться над Евреями. Христос скажет: « Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его Истинно говорю вам: так - как вы не сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то не сделали Мне »²⁴

Тогда народам овцам будет разрешено занять своё место в Царстве Христа; народы козлы не будут туда допущены

Царство Христово, установленное таким образом, намного превзойдёт царство Соломона как по своей славе, так и по размаху своих благословений. По мере завершения великой драмы в трёх действиях, мы видим, что все народы, которые остались на земле, будут регулярно приходить в Иерусалим, чтобы разделять благословения Царства и чтобы вместе с Израилем праздновать Праздник Кущей (14:16-21).

Что означают эти пророчества для нас сегодня

Вот что писал апостол Пётр первым Христианам относительно пророчеств Ветхого Завета о возвращении Господа: «И притом мы имеем вернейшее пророческое слово, и вы хорошо делаете, что обращаетесь к нему, как к светильнику, сияющему в тёмном месте, доколе не начнёт рассветать день и не взойдёт утренняя звезда в сердцах ваших.»²⁵ Для неверующего, окружающий мир становится всё темнее. В свете всё возрастающего давлениями проблем, мировые лидеры тщетно пытаются найти устойчивые решения. Однако для верующего, свет пророческого откровения, подобно светильнику, сияет всё ярче и ярче по контрасту с окружающей тьмой

Пётр сравнивает эффект этих пророчеств с восхождением «утренней звезды» в нашем сердце Пётр проводит аналогию с планетой Венера. В определённые времена, «утренняя звезда» появляется на восточном небосклоне непосредственно перед восхождением на горизонте солнца. Иногда эта «звезда» сияет так ярко, что частично рассеивает окружающую тьму. Так, она становится предшественником солнца, удостоверяя всех, кто сведущ, что вот- вот появится солнце

Точно также обстоит дело и с нами, когда мы внимательно относимся к пророческой истине Подобно утренней звезде, восходящей в наших сердцах и разгоняющей окружающую тьму, приходит непоколебимая внутренняя уверенность: Скоро придёт Господь

Такая вера не является мистическим бегством от действительности. Напротив, она основана на проверенном опыте. По скромным подсчётам, более половины пророчеств Писания об Израиле и Иерусалиме уже точно и буквально исполнились часто вопреки всем человеческим расчётам. Только неразумная предвзятость отвергнет, не попытавшись очень внимательно проанализировать, утверждение, что точно также исполнятся все оставшиеся пророчества

В издании 1911 года Британской энциклопедии есть статья Немецкого профессора по имени Нёлдеке. на тему о произношении иврита в ходе своего исследования он полностью отвергает «возможность того, что Еврейская империя когда-либо снова установится на Ближнем Востоке » Менее, чем полвека спустя, конечно, именно то, что учёный профессор отверг как абсурдную нелепость, стало историческим фактом!

Бог так комментирует это у пророка Исайи: «...(Господь) мудрецов прогоняет назад, и знание их делает глупостью. [Он] утверждает слово раба Своего, и приводит в исполнение изречение Своих посланников, говорит Иерусалиму: "ты будешь населён" и городам Иудиным: "вы будете построены, и развалины его Я восстановлю "»26

Об этом же говорит псалмопевец Давид:

Господь разрушает советы язычников. Уничтожает замыслы народов Совет же

Господень стоит вовек. Помышления сердца Его—в род и род "27

Перед лицом всего неверия и оппозиции, исполнится план Господень по восстановлению Израиля и Иерусалима—ступень за ступенью—именно так, как Он показал это через своих пророков

Примечания

1 1-я Паралипоменон 22:5

2 Исайя 53:6

3 Исайя 61:8

4. От Луки 24:46. 47

5. Деяния 1:8 6 Псалом 21:29 7. Псалом 88:28

8 Псалом 26

9 Псалом 2:10. 12

10 2-е Фессалоникийцам 2:3

11 1-е Иоанна 2:22

12 Откровение 13:1-4

13. см Даниила 9:27

14. см 2-е Фессалоникийцам 2:3. 4. Откровение 13:4,8 15 Иеремия 30:7 16. Даниил 12:1

17 Иеремия 30:7

18 Даниил 12:1

19 Деяния 1:11

20 Исайя 2:2 (также Михей 4:1)

21 Бытие 14 18-20

22. От Матфея 25:34. 40

24 От Матфея 25:41. 45

25 2-е Петра 1 19

26 Исайя 44 25. 26

27 Псалом 32:10. 11